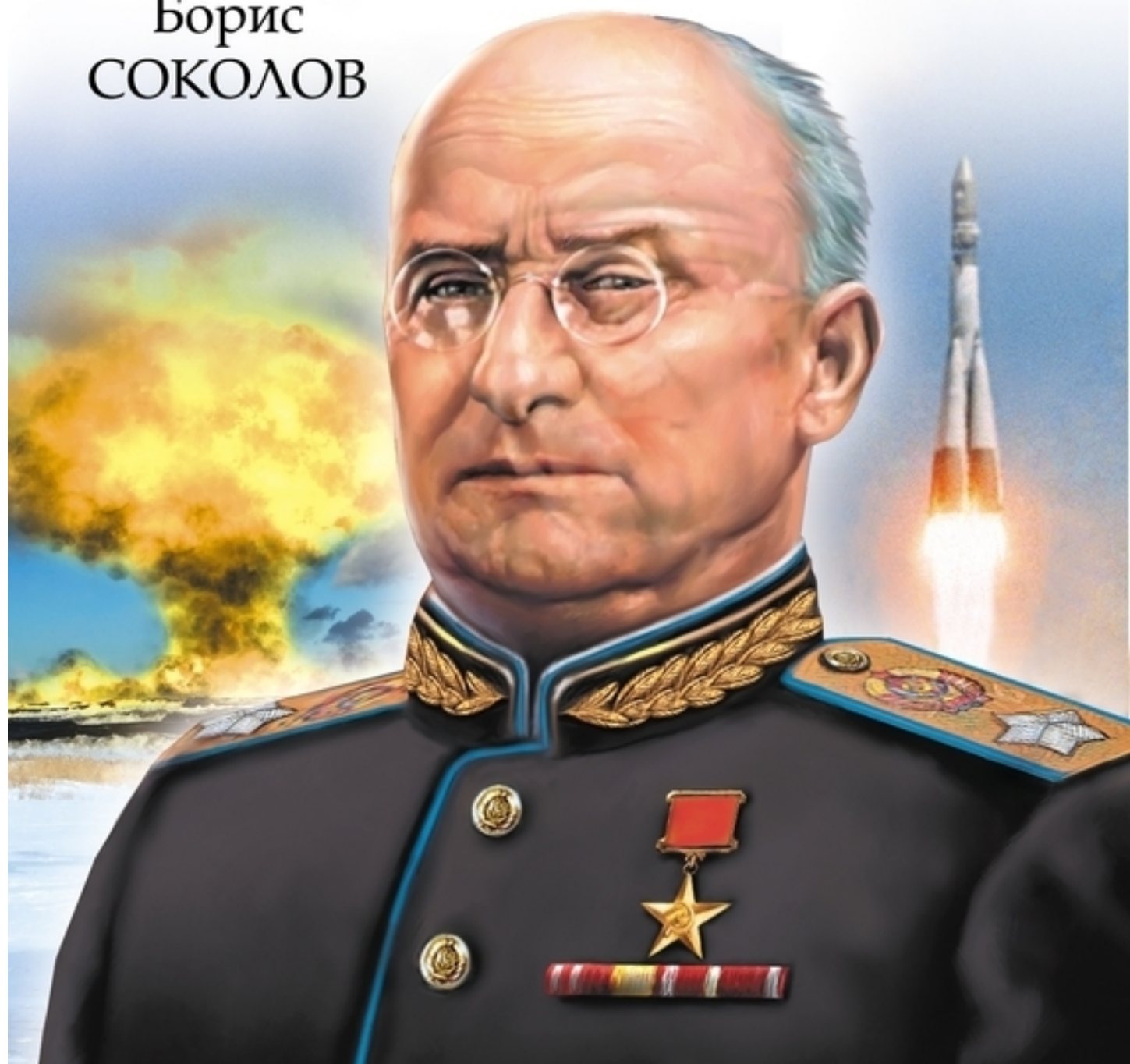

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ДВУЛИКИЙ БЕРИЯ

Борис
СОКОЛОВ

Гении власти

Борис Соколов

Двуликий Берия

«Яуза»

2014

Соколов Б. В.

Двуликий Берия / Б. В. Соколов — «Яуза», 2014 — (Гении власти)

«Вперед, за Сталиным, ведет нас Берия! Мы к зорям будущим уверенно идем!» – пели советские чекисты. Именем «Лубянского маршала» называли колхозы и шахты, улицы, партизанские отряды и пионерские организации, его портреты носили на демонстрациях трудящиеся рядом с ликом Сталина, а в Грузии, где культ личности Берии был особенно силен, первый тост, бывало, поднимали за Лаврентия Павловича и лишь второй – за «Вождя народов». Этот «культ» не исчез даже после ареста и казни Берии – поменялся лишь знак, с плюса на минус: его объявили не просто «палачом», «заговорщиком» и «английским шпионом», но исчадием ада и сексуальным маньяком вроде Сине́й Бороды. В последние годы маятник истории вновь качнулся в другую сторону – теперь Берию всё чаще величают «гениальным организатором», «отцом советской атомной бомбы» и даже «лучшим менеджером XX века». Правда ли, что это он начал реабилитировать незаконно репрессированных, выступал за отмену прописки и против Холодной войны? Верить ли слухам, что Берия собирался отобрать власть у партийных чиновников и передать народу? Не за это ли его на самом деле и убили? Есть ли основания считать его «предтечей Горбачева» и не завершилась бы «бериевская оттепель» так же, как горбачевская «перестройка», – крахом СССР? Эта книга расследует «дело Берии» «без гнева и пристрастия», не замалчивая ни достижений, ни преступлений, ни потерь, ни побед.

© Соколов Б. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Почему я взялся за эту биографию	6
Еще не политик	11
Берия – человек	16
В большевистском подполье в Закавказье	20
Руководитель закавказских чекистов	28
Во главе коммунистов Закавказья	54
Убивал ли Берия? Дело Ханджяна	70
Бериевская оттепель	77
Перед войной	92
Великая Отечественная: на фронте, на Лубянке и на Урале	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Борис Соколов

Двуликий Берия

Почему я взялся за эту биографию

На протяжении почти полувека фигура Лаврентия Берии остается одним из самых мрачных символов сталинской эпохи. Само его имя стало синонимом слова «палач». Вскоре после казни Лаврентия Павловича был даже пущен в оборот термин «бериевщина». Так стали называть период с конца 30-х годов, с момента прихода Берии к руководству НКВД и до падения «лубянского маршала» холодным летом 53-го. Это делалось по аналогии с «ежовщиной», чтобы именно на Берию повесить все репрессии, имевшие место в это время.

При жизни Лаврентий Павлович был объектом культа, сначала, в 30-е годы, в Грузии и в Закавказье, а после переезда в Москву в 1938 году – и по всему Советскому Союзу. В Закавказье его представляли самым преданным из кавказских сторонников Сталина. В Москве же он стал одним из вождей, чьи портреты трудящиеся несли на демонстрациях и чьим именем называли колхозы и шахты, улицы и партизанские отряды. Что интересно, после смерти Сталина Лаврентий Павлович добился принятия специального постановления Президиума ЦК о том, чтобы на демонстрациях больше не носили портретов вождей. Потом ему это поставили в вину. Именем Берии называли и пионерские организации. Против этого он как будто никогда не возражал. Его имя славил в стихах и песнях. «Вперед, за Сталиным, ведет нас Берия, Мы к зорям будущим уверенно идем», – вдохновенно пели чекисты. Вот только такой чести, как наименование города в свою честь, Берия, в отличие от своего предшественника Ежова, не удостоился. Мало кто помнит, что был когда-то на карте нашей родины город Ежово-Черкесск, в конце 1938 года внезапно и без всякого шума превратившийся просто в Черкесск.

Особенно сильный культ Берии был в Грузии. И здесь Лаврентия Павловича было за что любить. Ведь будучи главой парторганизации Грузии и Закавказья, он немало сделал для развития родной республики и Закавказского края в целом. Пользуясь благосклонностью Сталина, равнодушного к землякам-грузинам, Берия умел добиваться послаблений с плановыми поставками сельхозпродукции, и, наоборот, ему удавалось получить больше фондов для обеспечения жителей Грузии товарами первой необходимости. Не без старания, конечно, аппарата партийной пропаганды, Лаврентий Павлович пользовался большой популярностью в Грузии. Это признают люди, совсем ему не близкие, более того – идеологические противники, никаких симпатий к главе органов госбезопасности никогда не испытывавшие. Диссидент Р.И. Пименов, общавшийся с бывшими соратниками Лаврентия Павловича во Владимирской тюрьме, вспоминал: «За Берией стоял целый народ, любивший его, и в 1952 году в горах Кавказа я присутствовал при выпивках, где первый тост провозглашали за Берию, а лишь второй – за Сталина».

И также несколько не симпатизировавший Берии Константин Симонов в своих мемуарах, тем не менее, признает, что, когда в 1948–1953 годах проводил свой отпуск в Абхазии, в тех местах, где родился Берия, убедился, что авторитет у него там был немаленький. Константин Михайлович утверждает: «Познакомившись там и со многими абхазцами, и со многими грузинами, я знал о деятельности Берии в бытность его на Кавказе, о том, каким влиянием он располагал там, на Кавказе, прежде всего в Грузии, и после того, как уехал в Москву, – знал обо всем этом намного больше других, не живших там людей».

И тут же, спохватившись, что вроде бы похвалил Берию, Симонов вылил на Лаврентия Павловича ушат грязи: «То тут, то там приходилось сталкиваться с воспоминаниями об исчезнувших семьях, о людях, погибших, выбитых из жизни в Грузии, среди партийных работников

и среди интеллигенции – это было до того, как Берия перевели в Москву на роль человека, исправляющего ошибки Ежова.

Мои собеседники отнюдь не были болтливы, да и время не располагало к такой болтливости, но все-таки то одно, то другое у них прорывалось. И я постепенно составил себе довольно полное представление о том, что, прежде чем облагодетельствовать оставшихся в живых и выпускать их после Ежова из лагерей и тюрем, Берия выкосил Грузию почище, чем Ежов Россию, причем в каких-то подробностях рассказов о событиях тридцать шестого – тридцать седьмого и более ранних годов мелькало нечто страшное, связанное с мезтью и со сведением им личных счетов. Двое или трое из моих друзей-абхазцев, очевидно, вполне доверяя мне, рассказывали мне ужасные вещи, связанные с произволом Берии в Абхазии, с гибелью там многих людей. Чему-то из этого верилось, чему-то не верилось, настолько диким это казалось тогда, в те годы, задолго до разбирательства дела Берии на пленуме ЦК, до процесса над ним и до XX съезда. Иногда не верилось или не до конца верилось в то, во что потом, несколько лет спустя, было бы странным не поверить с первых же слов».

Вот и я не верю. Не верю, что грузинские и абхазские товарищи доверительно делились с заезжим московским литератором, да еще и кандидатом в члены ЦК партии, своими горестями о том, что тогдашний член Политбюро и заместитель председателя правительства СССР в родной Грузии был хуже Ежова и банально сводил счеты с неудобными. Как мы увидим дальше, даже неосторожно сказанное слово о том, будто не сам товарищ Берия написал подписанный его именем эпохальный труд об истории большевистских организаций Закавказья, закончилось для «антипартийных болтунов» весьма неприятным разбирательством в ЦКК.

Что же касается разговоров об исчезнувших во время Большой чистки людях, то Симонов наверняка должен был еще больше слышать их в родной Москве или в Ленинграде. Да и в любой области и республике, где бывал писатель, он не мог не заметить массового исчезновения людей, хотя бы среди своих близких знакомых. В этом отношении Грузия ничем не отличалась от других регионов страны.

И насчет репрессий до 37 года Симонов сгустил краски и вообще создал у неискушенного читателя впечатление, что Лаврентий Павлович задолго до Большой чистки выводил в расход партийно-хозяйственный актив Грузии и особенно Абхазии. Но это совсем не так. В конце 20-х и особенно в начале 30-х годов, в связи с коллективизацией, Берии, как начальнику Грузинского ГПУ и начальнику секретно-оперативной части, а в 1931 году – еще и председателю Закавказского ГПУ, приходилось подавлять многочисленные восстания крестьян – в Азербайджане, Аджарии, в той же Абхазии. Р.И. Пименов вспоминает, что его товарищ по камере меньшевик Симон Гогиберидзе участвовал в восстании в Абхазии, которое Берия в свое время и подавлял, а под конец жизни вот оказался в одной тюрьме с бериевцами.

Но в своих действиях против антисоветских повстанцев Берия не был оригинален. Точно так же подавляли в коллективизацию и до нее чекисты восстания в Сибири и на Украине, в Средней Азии и Казахстане, на Дону и на Кубани. Но нет достоверных свидетельств того, что и тогда, и позднее, в 1937–1938 годах, Лаврентий Павлович был более жестоким, чем его товарищи-чекисты и главы партийных организаций в других республиках, краях и областях. Отсутствуют и сколько-нибудь убедительные доказательства того, что во время Большой чистки размах репрессий в Грузии превосходил среднесоюзный уровень. Может быть, даже был немного меньше его. Но заслуга в этом скорее не Берии, а Сталина. Иосиф Виссарионович о родине помнил, земляков любил и уменьшал спускаемые из Москвы разнарядки на «врагов народа» для Грузии. Да и неудобно было бы Сталину назначать для исправления «перегибов» Ежова человека, который сам проявил чрезмерное усердие в проведении репрессий. Чрезмерное усердие в этом деле могло послужить предлогом для репрессий против слишком ретивого исполнителя на местах. Так случилось, например, с главой украинских коммунистов Петром Петровичем Постышевым. Снятый с поста второго секретаря компартии Украины и первого

секретаря Киевского обкома и назначенный первым секретарем Куйбышевского обкома, он на новой должности побил все рекорды по арестам «врагов народа», после чего сам был благополучно арестован еще при Ежове и расстрелян уже при Берии. Насчет Берии же, повторю, нет никаких данных, что в Грузии репрессии в 1937-м и в первой половине 1938 года, когда он был во главе местных коммунистов, отличались особенным размахом.

Хотя некоторые особенности все же были. Как пишет российский историк Алексей Тепляков, «в Грузии (Батуми) по обвинению в организации покушения на Берию была расстреляна группа подростков-школьников. В 1937-м тройкой под председательством наркома внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе была приговорена к расстрелу группа девушек». Но, с другой стороны, несовершеннолетних расстреливали и в других республиках.

В годы Великой Отечественной войны имя и фотография Берии часто появлялись в центральной печати, как члена ГКО и наркома внутренних дел. После же войны Лаврентий Павлович стал полноправным членом Политбюро и заместителем председателя Совмина. Портреты его несли на демонстрациях во всех городах страны, его именем продолжали называть колхозы и совхозы. Однако оратором Лаврентий Павлович был никаким, с речами выступал, в сравнении с другими вождями, редко, русский язык знал не вполне твердо, да и род его деятельности не располагал к публичности. Ведь Берия возглавлял сверхсекретный Спецкомитет, занимавшийся разработкой и производством ядерного и термоядерного оружия. Поэтому в стране его знали меньше, чем таких коллег по Политбюро, как Молотов, Жданов, Хрущев и особенно Маленков, полуофициальный наследник Сталина в конце 40-х – начале 50-х годов. По иронии судьбы, самый подробный материал, когда-либо опубликованный о Берии в советской печати вплоть до конца 80-х годов, – это отчет о рассмотрении Специальным Судебным присутствием его дела и о приведении в исполнение смертного приговора ему и его товарищам.

А уж после своего ареста и казни Лаврентий Павлович стал восприниматься советской и мировой общественностью форменным ищадием ада, ответственным чуть ли не за все преступления, которые творились в нашей стране в 30–50-е годы. И даже детишки распевали веселую частушку: «Лаврентий Палыч Берия не оправдал доверия, и товарищ Маленков надавал ему пинков». Но довольно скоро эта частушка оказалась под негласным запретом – после того, как уже Георгию Максимилиановичу Маленкову надавал пинков Никита Сергеевич Хрущев. Но в отношении Берии все осталось по-прежнему. «Людоед», «английский шпион», «авантюрист», «палач» – вот самые расхожие определения.

Еще Берию рисовали и рисуют до сих пор величайшим развратником всех времен и народов. Получается этакая помесь Дон Жуана и Синей Бороды. Поскольку чуть ли не всеми своими партнершами овладевал либо силой, либо угрозами, обещая в случае чего отправить туда, куда Макар телят не гонял.

Иной раз, правда, подобные наклонности молва приписывала не только Берии, но и его соратникам. Академик А.Д. Сахаров утверждал: «Запомнился заместитель Берии Деканозов, посол в Германии, который любил ездить на автомобиле по улицам Москвы, высматривая женщин, и тут же насиловал их прямо в своей огромной машине в присутствии охраны и шофера. Сам Берия был интеллигентней. Он любил ходить пешком около своего дома на углу Малой Никитской и Вспольного и указывал на женщин охране («секретарям»), потом их приводили к нему, и он понуждал их к сожительству. После попытки самоубийства одной его четырнадцатилетней жертвы Берия провел всю ночь около ее постели (но девушка погибла)».

Любопытно, что Андрей Дмитриевич здесь приписал Владимиру Георгиевичу Деканозову, действительно расстрелянному вместе с Берией, честь быть его заместителем в НКВД, чего в действительности не было. Деканозов был заместителем наркома иностранных дел, т. е. Молотова, а арестован был, будучи министром внутренних дел Грузии. Самое же интересное то, что Сахаров не Берию, а Деканозова сделал похотливым котом-насилыником (народная молва эту роль обычно отводит Берии). Лаврентий же Павлович у «отца советской водород-

ной бомбы» выглядит всего лишь человеком, злоупотребляющим высоким служебным положением с целью принуждения к сожительству приглянувшихся ему девушек и молодых женщин. При этом, однако, его гнусность усиливается соvrращением несовершеннолетней, которая от отчаяния кончает с собой.

Тут надо оговориться. Во время следствия 1953 года обвинения в изнасилованиях, принуждении к сожительству и соvrращении несовершеннолетних предъявляли только Берии. Деканозова чаша сия миновала, что, впрочем, было для него слабым утешением. Но вот насчет того, что кто-то из школьниц, ставших жертвой бериевской похоти, наложил на себя руки, никаких сведений нет. Поэтому очень трудно сказать, что именно из того, что говорили и писали, в том числе и во время следствия, о связях Лаврентия Павловича с женщинами, соответствует истине. Хотя монахом Берия, безусловно, не был.

Только с началом горбачевской перестройки в оценке Берии возникла некая неоднозначность. Начали постепенно открываться архивы, публиковаться более или менее откровенные директивы той эпохи. И выяснилось, что Берия после смерти Сталина стал инициатором реабилитации тех, кто был арестован по «делу врачей» и по некоторым другим громким делам, возникшим в послевоенные годы. Лаврентий Павлович также предлагал объединение Германии, ради которого готов был пожертвовать социализмом в ГДР, нормализовать отношения с Югославией, выступал за заключение перемирия в Корее. Он настаивал на предоставлении большей самостоятельности союзным республикам, на повышении роли национальных кадров и языков. Берия добился закрытия ряда грандиозных, но заведомо нерентабельных и сомнительных в экологическом отношении строек. И он же ратовал за отмену прописки и успел почти вдвое уменьшить лагерное население за счет широкой амнистии. И еще Лаврентий Павлович отстаивал совсем уж революционное – перенос центра власти из партийных органов в советские. Словом, Берия оказался предтечей того, что в той или иной мере стало осуществляться при Горбачеве! Впору было удивиться и задуматься! Но горбачевская перестройка очень быстро закончилась крахом СССР и коммунистического правления, хотя и пощадила инициатора перемен. Бериевская же перестройка привела только к скорой гибели своего творца.

Уже в 90-е годы были опубликованы мемуары сына Лаврентия Берии Серго и последнего уцелевшего бериевца – генерал-лейтенанта госбезопасности Павла Анатольевича Судоплатова, осужденного по делу о мнимом бериевском заговоре. В этих книгах, особенно, что естественно, в сочинении сына, Лаврентий Павлович предстает почти что рыцарем без страха и упрека. Но такого Берию наше общество тоже не приняло. Уж слишком хорошо было известно, что за Берией – не только добрые дела, вроде освобождения из заключения тех, кого не успели расстрелять при Ежове, но и самые настоящие преступления, вроде Катюни. Хотя именно вся правда о Катюни, сказанная только в 1993 году, показала, что к расстрелу польских офицеров и гражданских «социально чуждых» лиц причастен не только и даже не столько Берия – исполнитель, но и практически все тогдашнее Политбюро во главе со Сталиным, принявшее принципиальное решение о казни.

Да, Берия, безусловно, не был ангелом. Но вряд ли справедливо числить его и дьяволом. Правильнее сказать, что Лаврентий Павлович, как и его коллеги по Политбюро, был одним из мелких бесов при дьяволе Сталине.

Каким же человеком был Берия? На этот счет приходится фантазировать. Никаких воспоминаний друзей детства и юности, школьных учителей и университетских преподавателей, родных и близких (за исключением Серго), да и сослуживцев (за исключением Судоплатова) до нас не дошло. При жизни Берии писать воспоминания о нем, равно как и о других членах Политбюро, за исключением Сталина, было не принято. После ареста и казни «лубянского маршала» мемуары о нем в СССР рискнул бы написать разве что сумасшедший. В воспоминаниях ряда военачальников, а также большинства ученых, причастных к атомному проекту, Берия

если и упоминается, то исключительно как человек всему мешавший и вечно грозивший всем «выпустить кишки». Некоторое исключение здесь – мемуары академика Андрея Дмитриевича Сахарова, а также появившиеся на исходе перестройки свидетельства другого «атомного академика» – Юлия Борисовича Харитона. Там за Берией признается определенный организаторский талант, хотя и не отрицаются малосимпатичные черты его личности. Действительно, стал бы Сталин терпеть на посту зампреда ГКО, а потом – главы атомного, водородного и ракетного проектов бездаря и вредителя. Ведь от осуществления атомного проекта во многом зависело и политическое будущее самого Иосифа Виссарионовича и возглавляемой им великой страны.

Многое в образе Берии нам и сегодня приходится додумывать по аналогии с теми, кто жил в одно с ним время и занимал примерно то же положение в социально-политической структуре общества. И вместе с тем мне бы хотелось, чтобы эта книга была не просто биографией Берии, попыткой без гнева и пристрастия разобраться в судьбе этого печально знаменитого человека, но и рассказом о жизни нашей страны на протяжении тех трех с лишним десятилетий, когда Лаврентий Павлович играл в ней активную политическую роль. Безусловно, Берия не самый симпатичный персонаж отечественной и мировой истории. Но и несимпатичные имеют право на объективную биографию вместо хлестких памфлетов, которые появлялись до сих пор. Мне хотелось разгадать тайну души «лубянского маршала», попытаться понять, что он думал, когда расстреливал невинных, когда творил самое разрушительное оружие XX века, испытывал ли он угрызения совести, жалел ли свои жертвы, радовался ли, когда на его долю выпадало выпускать из тюрьмы невинных. Я пытался понять, какую цель в жизни преследовал Лаврентий Берия, менялась ли она на протяжении его не слишком длинного 54-летнего жизненного пути. И рассказать как о злодействах, так и о добрых делах моего героя, не замалчивая ни преступления, ни победы. А уж читателю решать, какие дела Лаврентия Павловича перевесят на весах истории.

Хочу принести благодарность моим друзьям Андрею Мартынову, Николаю Руденскому и Владимиру Сорокину, предоставивших ряд весьма ценных материалов и идей для этой книги.

Еще не политик

29 (а по старому стилю – 17) марта 1899 года в горном селении Мерхеули в Абхазии, недалеко от Сухуми, в семье Павле Берии и Марты Джакели родился сын Лаврентий. Хотя и находилось село в Абхазии, но жили там одни мингрелы. Теперь, после грузино-абхазской войны 1990-х годов, уже не живут. Может, только партизаны из грузинского «Белого легиона» наведываются.

Как свидетельствует сын Лаврентия Серго, «своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном». Родители Лаврентия были мингрелами – это особая этническая группа грузин, к которой собственно грузины относятся свысока. Павле был бедным крестьянином, а Марта – из обедневших дворян. Она даже приходилась дальней родственницей князьям Дадиани, прежним феодальным властителям Мингрелии. Однако род Джакели давно разорился, и Марта была столь же бедна, как и ее муж. Павле крестьянствовал, но так и не выбился из нужды. Марта подрабатывала шитьем – и это постепенно стало главным источником дохода семьи. Внуку Серго Марта потом рассказывала, что покорила ее, рано овдовевшую, Павле храбростью и красотой. К дочери и сыну от первого брака вскоре прибавилось трое детей. Но судьба всех трех сложилась несчастливо. Старший сын в два года умер от оспы. Дочь Анна после перенесенной болезни навсегда осталась глухонемой. Все надежды родители связывали со вторым сыном, Лаврентием. Чтобы дать ему образование, отец даже продал половину своего дома. Будущего шефа НКВД определили в Сухумское реальное училище. В 15 лет Лаврентий окончил его с отличием. Чтобы он смог поступить в Бакинское механико-строительное техническое училище, отцу пришлось продать вторую половину дома и переселиться в убогую хибару.

Детство юному Берии выпало, прямо скажем, незавидное. Хотя, наверное, скудость доступных забав, развлечений и гостинцев скрашивалась для него искренней родительской любовью. Но вот каким именно был Лаврентий в детстве, мы ничего не знаем. Был ли он драчуном, заводилой, атаманом ребячьей ватаги? Или, наоборот, будущий шеф НКВД был тихим мальчиком, предпочитавшим книги веселым забавам с друзьями и нередко становившимся жертвами местных задир? Каждый волен додумывать на сей счет все, что угодно. Хотя, как мы увидим дальше, к книгам, по крайней мере в зрелые годы, Лаврентий Павлович особой склонности не питал. Так что, по всей вероятности, предпочитал шумные игры со сверстниками. А учитывая горячий темперамент, сильную волю и проявившееся позднее умение подбирать себе толковых помощников, надо думать, что уже в детстве Берия умел сколотить вокруг себя компанию друзей, беспрекословно ему подчинявшихся.

Также нет никакой информации о взаимоотношениях Лаврентия с родителями. Бил ли его Павле или же, напротив, следил, чтобы с головы сына ни один волос не упал? Сохранилось немало свидетельств, что позднее, находясь во главе карательного ведомства, Лаврентий Павлович если и не собственноручно бил, то заставлял в своем присутствии своих подчиненных бить подследственных, выколачивая из них признания, будь то прославленный маршал Василий Блюхер или молодой дипломат Евгений Гнедин – сын известного как посредника между большевиками и германскими властями социал-демократа Александра Парвуса (Гельфанда). Соблазнительно было бы объяснить эксцессы такого рода садистскими наклонностями, развившимися под влиянием побоев в семье. Но нет, раз Павле ради образования сына готов был пожертвовать самым дорогим, что было у бедного грузинского крестьянина, – домом, как-то не верится, что он при этом избивал Лаврентия и вообще мог поднять на сына руку. Хотя юный Берия, вполне возможно, и давал поводы для отцовского гнева.

Евгений Гнедин вспоминал в заявлении в Президиум ЦК КПСС от 16 июля 1953 года, адресованном лично Маленкову: «В ночь на 11 мая 1939 года, занимая должность Заведующего Отделом Печати НКВД, я был арестован и доставлен в кабинет Кобулова – ближайшего сотрудника Берия. Я решительно отверг заявление Кобулова, что являюсь шпионом, и утром 11 мая был препровожден для пыток в кабинет Берии. Для того чтобы высказываемое мною обвинение не было голословным, я вынужден изложить некоторые подробности.

Меня посадили на стул против Берия, а по бокам поместились Кобулов и неизвестный мне работник Следственной Части. Кобулов доложил Берия, что я на ночном допросе «вел себя дерзко», и как только я, прервав Кобулова, заявил, что настаиваю на своей абсолютной невинности, Кобулов с подручным, по сигналу Берия, стали с обеих сторон обрабатывать мою голову, как боксер – тренировочный мяч.

Затем меня, оглушенного, по команде того же Берия всесторонне обработали резиновыми дубинками. На вопросы Берия я повторял, что никаких преступлений не совершал.

После этого начальник тюрьмы Миронов привел меня в холодный карцер, где меня без одежды продержали некоторый срок и вновь доставили в кабинет Берии. И снова Берия лично руководил избиениями, и снова на свои вопросы услышал от меня заявление о моей невинности.

Затем меня подвергали избиениям в помещении Следственной Части больше суток (или несколько суток). В тех условиях я лишился возможности отличать смену дня и ночи.

Доведя меня до такого состояния, когда Кобулов совершенно всерьез заинтересовался, не страдаю ли я падучей (я ответил отрицательно, что и соответствует действительности), меня в третий раз привели в кабинет Берии. Он, конечно, был осведомлен о моем состоянии и, зная, что мне уже известно как содержание лживых показаний, которые пытались у меня исторгнуть, так и то, кого ему желательно оговорить, потребовал, чтобы я «признался».

Я сказал: «Я обязан говорить только правду: я ни в чем не виновен». На это Берия ответил: «Подобной философией вы только ухудшаете свое положение».

Ясно, что Берия не мог не убедиться в том, что в моем лице имеет дело с честным человеком, так как показаний от меня не получил, а предъявленные мне голословные и дикие посторонние показания были, несомненно, добыты либо с ведома и по приказу Берия, либо им самим в результате пыток и незаконных методов следствия».

Впрочем, нельзя исключить, что на самом деле Павле Берия был не столь беден, как это представляет его внук Серго. Кулаком или дворянином он вряд ли был, поскольку столь компрометирующий факт не упустили бы использовать против него в 1953 году, а в официальном сообщении о деле Берии о неподходящем социальном происхождении поверженного «лубянского маршала» не говорилось ни слова (или за полгода следствия не успели докопаться до корней?). А вот крепким середняком Павле, возможно, и был. Тогда для того, чтобы дать сыну образование, дом, наверное, продавать все же не пришлось.

А подследственных, думаю, Лаврентий Павлович приказывал бить с чисто прагматическими целями – выбить признание несуществующей вины и поскорее закрыть дело, чтобы угодить Сталину. Тогда все в НКВД так делали – от рядовых следователей-лейтенантов до комиссаров госбезопасности. Да и в Красной Армии маршалу или генералу, особенно в Великую Отечественную войну, съездить по морде подчиненного генерала или полковника было делом обычным.

А вот что пишет автор первой непредвзятой биографии «лубянского маршала» Николай Зенькович: «Я побывал в селе под Сухуми, где он родился. Там еще недавно жили старики, которые помнят его подростком. В рассказах земляков он предстает способным, умным от природы пареньком». То, что этому пареньку потом пришлось заниматься грязной работой, соблазнительно было бы списать на время. Но не забудем, что каждый человек обладает свободой выбора. Как мы увидим дальше, у Берии была возможность после окончания Гражданской

войны выбрать себе «нормальную» гражданскую профессию, но он, хотя и не без колебаний, предпочел соблазнительную, но и опасную чекистскую стезю.

Что удивительно: тот, кого позднее представляли «кровавым палачом» и «людоедом» и кто действительно загубил десятки тысяч человеческих жизней, похоже, верил в Бога. Серго Берия свидетельствует: «Отец мечтал об архитектуре и сам был хорошим художником. Вспоминаю одну историю, связанную с моим детством. Верующим человеком я так и не стал, хотя с глубоким уважением отношусь к религии. А тогда, мальчишкой, я был воинствующим безбожником и однажды разбил икону... Бабушка Марта была очень огорчена. Она была верующая и до конца жизни помогала церкви и прихожанам.

Возвратившись с работы, отец остудил мой атеистический пыл и... нарисовал новую икону. Тот разговор я запомнил надолго: «К чужим убеждениям надо относиться с уважением».

Вряд ли этот эпизод Серго Лаврентьевич выдумал. Хотя бы потому, что, как кажется, будучи атеистом, так до конца и не понял смысл происшедшего и остался в уверенности, что отец его в Бога не верил, но с уважением относился к религиозной вере других. Однако эпизод с иконой, если он не придуман (а придумать его трудно), однозначно доказывает, что Лаврентий Павлович был верующим. В принципе невозможно, чтобы икону писал неверующий иконописец, ведь тогда она не будет иметь никакой духовной силы и обращенные к ней молитвы потеряют всякий смысл. Берия-старший не мог этого не знать и вряд ли бы подложил такую свинью горячо любимой матери, как картинка вместо иконы. Значит, он сохранил веру в Бога, и мать об этом знала. Другое дело, что, занимая высокие партийные и чекистские посты, Лаврентий Павлович вряд ли когда-нибудь ходил в церковь, а когда переехал в Москву, оставив мать в Тбилиси, вряд ли рисковал держать дома иконы. В тбилисской же квартире, где иконы на стенах оправдывались присутствием старухи матери, Лаврентий Павлович, быть может, украдкой и молился. Только вот как вера в Бога сочеталась у него с тем, что он отправил на смерть десятки тысяч ни в чем не повинных людей? Кто знает, быть может, Берия, губя людей ради карьеры, утешал себя тем, что когда-нибудь дойдет до высшей власти в государстве и тогда уж сможет облагодетельствовать всех, искупить прежние грехи.

Мальчик был талантлив, и Павле надеялся, что сын выбьется в люди. Лаврентий очень рано обнаружил способности к рисованию и интерес к архитектуре. Но стать архитектором ему не довелось. Еще в октябре 1915 года, как отмечал Берия в автобиографии, написанной 27 октября 1923 года, он с группой студентов Бакинского технического училища организовал нелегальный марксистский кружок и стал его казначеем. Этот кружок просуществовал вплоть до Февральской революции. Дальше чтения марксистской литературы и выступлений с докладами дело здесь не пошло, и о существовании кружка власти наверняка даже не подозревали. А уже в марте 1917-го Лаврентий с несколькими товарищами организовал в училище большевистскую ячейку.

Может, конечно, про марксистский кружок, основанный еще в 1915 году, Берия и наврал. Равно как и про то, что сразу после Февральской революции основал в училище большевистскую ячейку. В последнее, честно говоря, верится с трудом. Большевиков тогда было сравнительно мало, и вряд ли бы сторонников Ленина сразу же после свержения царизма в Бакинском техническом училище набралось на целую ячейку. Скорее всего, Лаврентию Павловичу важно было показать, что он вступил в большевистскую партию еще до Октябрьской революции.

На допросе 16 июля 1953 года о времени своего вступления в партию Берия показал: «В партию вступил в марте 1917 года при следующих обстоятельствах: незадолго до Февральской революции 1917 года в техническом училище была забастовка студентов против педагога Некрасова за то, что он давал неправильные оценки при зачетах и очень плохо относился к учащимся. Я был старостой своего класса и был одним из инициаторов этой забастовки. Вскоре после этой забастовки, уже после Февральской революции, в марте м[еся]це 1917 года, группа

участников этой забастовки в количестве 3–5 человек, в том числе и я, решили записаться в партию большевиков. Запись производил учащийся техникума Цуринов-Аванесов. Как он затем оформлял это вступление наше в партию – я не знаю, но он был связан с кем-то из районного комитета партии, с кем именно – не знаю. Никаких удостоверений о вступлении в партию не выдавалось (замечу, что здесь Лаврентий Павлович не утверждает, что трое или пятеро учащихся, записавшихся в большевики, действительно организовали в училище большевистскую ячейку, тем более что уже через три месяца все они училище покинули. – Б.С.).

ВОПРОС: Как могло случиться, что вы, будучи членом партии с марта 1917 года, в июне этого года добровольно вступаете практикантом в гидротехническую организацию и выехали в Одессу. Было ли это поступление согласовано вами с партийной организацией?

ОТВЕТ: Что я поступил в эту организацию, Цуринов знал, но я ни с кем из партийной организации этого не согласовывал.

Тогда я считал возможным это делать, т. к. над этим не задумывался.

ВОПРОС: Как могло случиться, что вы, будучи членом большевистской организации, как вы утверждаете, с марта 1917 года, в 1919 году осенью поступаете агентом контрразведки мусаватистской по заданию «Гуммет», членом которой, как вы заявляете, не являлись?

ОТВЕТ: От большевистской партийной организации задания поступить агентом в мусаватистскую контрразведку я не имел. Имел я это задание от большевистской части «Гуммет», а в частности Гуссейнова, и я был уверен, что он действует и от имени большевистской организации.

ВОПРОС: Вы даете лживые показания. Вы не вступили в партию в 1917 году. Вам известна такая фамилия Вирап?

ОТВЕТ: Я утверждаю, что вступил в партию в марте 1917 года. Вирап я хорошо знаю. Он был во время подполья связан с нашей ячейкой технического училища как представитель Бакинского комитета партии. В 1919 году, когда я работал агентом мусаватистской контрразведки, Вирап был задержан контрразведкой вместе с другими, и я еще оказывал ему содействие вместе с Исмайловым связаться со своими людьми. Через непродолжительное время все эти задержанные были освобождены.

Впоследствии Вирап в 1924–1925 гг. стал ярым троцкистом и был выслан из Закавказья и, по-моему, был расстрелян.

ВОПРОС: Просили ли вы Вирап в 1920 году засвидетельствовать ваши политические убеждения в период службы в мусаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Такая просьба с моей стороны была. Возник этот вопрос в связи с тем, что б[ывший] секретарь ЦК Азербайджана Каминский, желая устроить на должность управделами ЦК, которую я занимал, свою жену, поднял материалы о моей работе в мусаватистской контрразведке. Так как Вирап знал меня по партийной работе примерно с осени 1919 года и ему была известна моя работа в контрразведке и что в Бакинском комитете знали о моей работе в контрразведке, я и обратился к Вирапу с просьбой выдать мне характеристику о моей работе. Эту характеристику, которую мне дал Вирап, я читал, но не могу вспомнить ее содержание сейчас.

ВОПРОС: Вам предъявляется выданная по вашей просьбе характеристика Вирап от ноября 1920 года.

ОТВЕТ: По-моему, это она.

ВОПРОС: В характеристике, выданной Вирап по вашей просьбе, указано: «Могу удостоверить, что Берия находится в партии с декабря месяца 1919 года и был в ячейке техников».

Правильно пишет Вирап?

ОТВЕТ: Вирап пишет верно, он мог и не знать, что я с 1917 года в партии, так как я ему об этом не говорил. Вирап, как прикрепленный к партийной ячейке техников, должен был бы знать мой партийный стаж. Он, очевидно, назвал дату моего пребывания в партии с момента организации ячейки техников, где он был прикрепленным от Бакинского комитета.

ВОПРОС: В этой же характеристике Вирап, говоря о вашей работе в контрразведке, указывает, что среди группы работавших там был и Берия как сочувствующий.

Правильно утверждение Вирап?

ОТВЕТ: Он правильно пишет, но он не знал о моем партстаже».

Вероятно, точно выяснить, действительно ли Берия стал большевиком в марте 1917 года или только в 1919 году, мы не сможем никогда. Удостоверений в первые послереволюционные месяцы не выдавали, да и учет новых членов не был налажен.

Но насчет марксистского кружка Берия, вполне возможно, сказал правду. Идеи марксизма накануне и во время Первой мировой войны продолжали сохранять популярность среди молодежи, особенно студенческой. Молодые люди объединялись в кружки для изучения работ Маркса, которые, казалось, давали ответы на все животрепещущие вопросы современной жизни. Такие марксисты далеко не всегда причисляли себя к партиям большевиков и меньшевиков, и власти на подобные кружки порой смотрели сквозь пальцы. Сомневаюсь, правда, что Берия когда-либо читал «Капитал», но с основными идеями марксизма уже в училище он так или иначе мог познакомиться. Эта идеология должна была прийтись по вкусу сыну крестьянина из глухого грузинского села. Марксизм давал простые ответы на сложные вопросы бытия и надежду выбиться из нужды.

Молодежь тогда охотно шла в революцию, была воодушевлена идеей борьбы за общее благо. Наверное, Лаврентий Берия не был исключением. И эту веру он, как и его сверстники, мог сохранять в течение нескольких послереволюционных лет. Потом кто-то разочаровался в революции, ушел в личную жизнь или в профессиональную деятельность, не связанную с политикой. Кто-то, напротив, сохранил фанатичную веру до самого конца. Из последних мало кто пережил Большую чистку 1937–1938 годов. Но были и третьи, кто веру сменил на циничный расчет и к которым, несомненно, принадлежал мой герой. Да, идеалы, во имя которых совершалась революция, оказались недостижимы. Да, для ее победы пришлось уничтожить тысячи и тысячи не только открытых контрреволюционеров, но просто людей, которые очутились не в то время не в том месте, попали в заложники или под подозрение, оказались не подходящего социального происхождения. Но мы-то живы. Раз вместо прежней иерархии, «буржуазно-помещичьей», как ее называли большевики, возникла новая, революционная иерархия, названная впоследствии «номенклатурой», надо сделать все возможное, чтобы войти в ее состав, получить власть и пайки. А для того, чтобы быстро подняться вверх по служебной лестнице, особенно в таком специфическом учреждении, как ЧК, требовалась не только безжалостность к тем, кого объявляли врагами, но и виртуозное знание аппаратных ходов. Очевидно, Берия оказался среди таких вот знатоков. А уж то, что ему благополучно удалось миновать чистку второй половины 30-х годов, для чекиста его уровня, пусть в тот момент и бывшего, было редким исключением и свидетельствовало о незаурядных способностях по части самосохранения.

Вообще же, как можно судить по немногим сохранившимся воспоминаниям, Лаврентий Берия в детстве и юности ничего замечательного не совершил и ничем особенным не выделялся среди своих сверстников. Полагаю, друзья его ранних лет очень удивились бы, если бы им сказали, что скромный студент Бакинского технического училища войдет в Большую Историю как видный государственный деятель. Вот только до сих пор спорят – со знаком плюс или минус сохранился он на ее скрижалях.

Берия – человек

Прежде чем перейти к первым шагам Берии в политической борьбе, развернувшейся в Закавказье после свержения царизма, я хочу немного забежать вперед и попытаться понять, каким человеком был Лаврентий Павлович. Ответ на этот вопрос поможет нам разобраться в изгибах его политической судьбы и объяснить трагический конец. Многие десятилетия сама постановка такого вопроса публике казалась кощунственной. Лаврентия Павловича иначе, чем исчадием ада, многие не воспринимали. Сын же Серго рисует почти иконописный портрет отца – пламенного рыцаря революции, печальника о благе России, Грузии и всего человечества, ставшего жертвой козней темных сил в лице Хрущева, Маленкова и примкнувших к ним Молотова, Кагановича и прочих членов Президиума ЦК.

Серго Берия пишет, что его отец был разносторонне одаренным человеком: «Рисовал карандашом, акварелью, маслом. Очень любил и понимал музыку... Мама часто покупала пластинки Апрелевского завода с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных дозах. Пьяным я его никогда не видел...

Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-видимому, отец просто не обращал внимания на такие вещи... Жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято. В нашей семье, по крайней мере, стремления к роскоши не было никогда.

Дача... была одна, современной постройки... Пять небольших комнат, включая столовую, в одной... стоял бильярд...

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК (это знаменитый после романа Юрия Трифонова «Дом на набережной». – Б. С.). Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Мама не захотела. «Ладно, – сказал Сталин, – как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут».

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнат. Сталин приехал, осмотрел и говорит: «Я в ссылке лучше жил». И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Котлов и бассейнов ни у кого там не было...

Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба... Комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись... Лишь один пример: вторых брюк у меня не было...

Вспоминаю наши лыжные походы в Подмосковье, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли... и сетку волейбольную купили...

Когда уезжали в отпуск на юг – а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах...

Вместе с мамой посещал манеж – к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну, а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение, конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверно, играл неплохо».

Что тут сказать! Воля ваша, но как-то не вяжется образ Берии-спортсмена с фотографиями тучного, одутловатого Лаврентия Павловича последних лет жизни. Хотя допускаю, что в 20-е и 30-е годы он занимался физкультурой достаточно активно. Также вызывает сомнение утверждение Берии-младшего о том, что его отец «был очень мягким человеком». Не те должности занимал Лаврентий Павлович большую часть своей жизни, где можно было проявлять мягкость.

Создается впечатление, что, даже достигнув высокого положения, Берия так и не приобрел вкуса к роскоши. Похоже, по-настоящему его интересовали только карьера и власть. Серго Лаврентьевич свидетельствует: «Отец был неприхотлив в еде... Был повар, очень молодой симпатичный человек. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, навещали близкие из Грузии, друзья».

Насчет неприхотливости Лаврентия Павловича в еде сохранилось также любопытное свидетельство переводчика Сталина Валентина Михайловича Бережкова, встречавшегося с Берией на Тегеранской конференции: «Он почти не прикасался к еде. Но ему всегда ставили тарелку с маленькими красными перцами, которые он закидывал в рот один за другим, словно семечки. Однажды предложил мне такой перчик – и меня буквально обожгло, когда я прикоснулся к нему губами. Берия засмеялся и принялся настаивать, чтобы я проглотил. Пришлось сделать вид, что послушался. Затем незаметно выбросил под стол.

– Это очень полезно. Каждый мужчина должен ежедневно съесть тарелку такого перца, – назидательно поучал Берия.

Он также всякий раз спрашивал, почему я худой?

– Такова конституция моего организма, – отвечал я. Не мог же я сказать, что две сосиски в день, которые мы получали в столовой... никак не могли прибавить мне веса».

Берия, конечно, и в трудные военные годы питался все же не двумя тощими НКВДскими сосисками в день. Иначе не понятно, как он достиг своих немалых габаритов. И по поводу своего веса не комплексовал. Наоборот, сочувствовал Бережкову, что он такой худенький. А красные перчики поглощал в огромном количестве, веря, что они укрепляют мужскую силу.

По утверждению сына, подчеркивавшего необыкновенное трудолюбие отца, Берия «никогда не изменял выработанным еще в юности привычкам. Вставал не позднее шести утра. После зарядки минимум три часа работал с материалами. Возвратившись с работы, ужинал и вновь шел в свой кабинет. А это еще два-три часа работы...»

В отличие от других членов Политбюро, занимавшихся... чистой демагогией да извечными «кадровыми» вопросами, ему ведь всегда поручалось конкретное дело...»

Лаврентий Павлович, по словам сына, «по своей натуре был аналитиком и никогда не спешил с выводами, основываясь лишь на собственном эмоциональном восприятии тех или иных событий. Для политика это вещь, считал он, абсолютно недопустимая. Вне всяких сомнений, наложила свой отпечаток на его характер многолетняя работа в разведке... Сужу даже по тому, как он формировал меня как личность, как приучал к систематическому труду, работе над материалом, сопоставлению фактов, прогнозированию...»

А еще это был очень целеустремленный, настойчивый человек. Если он брался за какую-то работу, то всегда доводил начатое до конца. Не чурался черновой работы».

В общем, на Лубянке и в других местах Лаврентий Павлович вечный был работник! Другого взгляда от искренне любящего сына, немало обязанного отцу в лучшие времена, в том числе своей стремительной карьерой, трудно было бы ожидать! Но шуточки шутками, а ведь Берия действительно от работы не отлынивал, и в чем в чем, а в лени ни один из оппонентов его действительно никогда не обвинял.

В художественной литературе Берия, как правило, играет дежурную роль злодея в исторических боевиках, посвященных сталинской эпохе. И лишь в одном произведении этот персонаж предстает в качестве полнокровного и колоритного героя, чья пародийность не мешает воспринимать его как рельефный портрет реального исторического лица, пусть и преобразованный художественной фантазией.

В романе Владимира Сорокина «Голубое сало» действие происходит в Советском Союзе в 1954 году. Здесь Сталин вовсе не умер в 53-м, а построил мощную державу, основанную на русской национальной идее. Многие персонажи носят здесь имена исторических лиц, но подчеркнуто наделены внешностью, почти ничего общего не имеющей с внешностью прототипа. Вот как выглядит Берия у Сорокина: «Берия встал, снял пенсне и неторопливо протер его замшевой тряпочкой. Это был высокий худощавый человек с большой яйцеобразной почти безволосой головой, узко скошенными плечами и длинными руками с выразительными тонкими пальцами; лицо его, узкое и вытянутое книзу, всегда имело выражение рассеянной углубленности в себя, которое встречается обычно у людей искусства. Небольшие зеленые глаза подслеповато щурились, полные губы блестели со вкусом подобранной помадой. На Берии был превосходный темно-синий фрак с орденом Красного Знамени в алмазном венце. Очень высокий стоячий воротник красиво поддерживал узкие худые скулы министра госбезопасности.

Берия надел пенсне на свой тонкий небольшой нос и заговорил тихим четким голосом...»

Читатели наверняка оценили юмор. Стройный красавец Берия, да еще с напомаженными губами (намек, что уж женщины его никак не интересуют), – в «Голубом сале» и невысокий толстяк с жабоподобным лицом на сохранившихся фотографиях конца 40-х – начала 50-х годов.

Берия «Голубого сала» произносит панегирик физикам Ландау и Сахарову (оба они действительно работали в подчинении у Берии в реальной жизни): «Друзья. Мне хотелось бы сказать несколько теплых слов о наших замечательных советских ученых, двое из которых присутствуют здесь. Благодаря нашей науке Страна Советов из отсталой аграрной империи стала индустриальным гигантом. Благодаря нашей науке у нашего народа появился ядерный щит, способный окоротить любого агрессора. Наконец, наши ученые вплотную подошли к разгадке феномена времени. Представляете, что ждет всех нас, когда советские люди смогут управлять временем? Я сам человек хладнокровный, не поддающийся эмоциям. И тем не менее, товарищи, у меня дух захватывает, когда я думаю об этом. Выпьем же за здоровье наших ученых!»

В жизни Лаврентий Павлович разговаривал с учеными совсем не так возвышенно. А.Д. Сахаров вспоминает, как он обращался к своим коллегам-чекистам, но так, чтобы и будущие академики, присутствовавшие на совещании, поняли, что их это тоже касается: «Берия встал и произнес примерно следующее: «Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас не будем наказывать, мы надеемся, что вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!»

Сорокинский Берия, в отличие от настоящего, не только не дружит с Маленковым, но искренне его ненавидит и интригует против него перед Сталиным:

«– Какая все-таки гнида Маленков, – заговорил Берия, прохаживаясь возле глыбы. – Каждый раз, когда вижу его, теряю самообладание. Как ты его терпишь?»

– Он хороший технарь. Знает производство... – глухо отозвался Сталин.

– Но он чудовищный интриган. Скольким людям он кровь испортил. Мало ему Куйбышева, Постышева и Косиора. Теперь давит Косыгина. Piece of shit...

– У него колоссальный опыт.

– Косыгин знает тяжпром не хуже его. Вся эвакуация заводов на нем держалась. Деловой парень, денди, из рода чугунных магнатов. Живой, контактный. В гольф играет блестяще.

– Это важно для зам. пред. Совмина?

– Да! – оживился Берия. – Я раньше думал как Маяковский: «Мне – бильярд, отращаваю глаз; ему же шахматы – они вождям полезней». Шахматы для руководителей – великая вещь. Они учат стратегическому мышлению. А гольф – учит тактике. Во времена Ленина и в тридцатые годы все определяла стратегия. Сейчас, в начале пятидесятых, актуально тактическое мышление. Косыгин – перспективный кадр».

Еще у литературного Берии появляется налет аристократизма, прототипу явно не свойственный. Это подчеркивается и убранством бериевского кабинета в романе: «Небольшой лубянский кабинет, со вкусом отделанным янтарем и розовым деревом». Что не мешает Берии 1954 года приказать пытать академика Сахарова, чтобы разгадать тайну носителя сверхэнергии – голубого сала. Чтобы завладеть голубым салом, книжный Лаврентий Павлович устраивает заговор против Сталина и уничтожает своих соратников Абакумова и Меркулова. Не сомневаюсь, что и настоящий Берия не колеблясь приказал бы пытать любого из «атомных» академиков, если бы счел это необходимым для дела. А прикажи Сталин расстрелять того же Сахарова или Курчатова, Лаврентий Павлович и это исполнил бы, не дрогнув. Может, только вначале бы попробовал убедить Кобу, что не стоит так сразу рубить сплеча, еще пригодятся. Абакумова же, как мы убедимся в дальнейшем, Лаврентий Павлович действительно собирался расстрелять, но не успел: самого расстреляли.

В целом же Берия, если попытаться взглянуть на его человеческие качества непредвзято, предстает прежде всего человеком дела. Он ставит перед собой и перед подчиненными конкретные задачи и стремится их разрешить любыми средствами, в том числе и самыми варварскими, путем репрессий, пыток и угроз. При этом Лаврентий Павлович относительно равнодушен к жизненным благам, хотя и аскетом, особенно по части прекрасного пола, его не назовешь. Для него важнее – сделанное дело и продвижение к вершинам власти по служебной лестнице. При этом ему свойственна забота о родных, близких и подчиненных, которых он старался не оставлять без внимания и поддержки при любых обстоятельствах. Вот этика любви к дальнему Берии, похоже, не была свойственна. К людям незнакомым можно было применять любые методы. Но без нужды Лаврентий Павлович человека предпочитал не губить – только тогда, когда, как он считал, не оставалось другого выхода.

В большевистском подполье в Закавказье

По всей вероятности, путь Берии в ЧК начался на фронте, где он по-настоящему сблизился с большевиками. В июне 1917 года Лаврентия в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы направляют в Одессу, а потом на Румынский фронт, где он работал в лесном отряде села Негулешты. После развала фронта осенью он вернулся в Баку, где в 1919 году закончил техническое училище. В автобиографии Берия писал: «...Начиная с 1917 года, в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийно-советской работы, которая перебрасывает меня с места на место, из условий легального существования партии (в 1918 г. в г. Баку) в нелегальные (19 и 20 гг.) и прерывается выездом моим в Грузию». В отряде, по утверждению Берии, он был председателем отрядного комитета и часто бывал в этом качестве на митингах рабочих и солдат в Одессе. На следствии 1953 года даже поступление в гидротехнический отряд Лаврентию Павловичу вменили в вину. Прокурор Р.А. Руденко грозно спросил: «Как могло случиться, что вы, будучи членом партии с марта 1917 года, в июне этого года добровольно вступили практикантом в гидротехническую организацию и выехали в Одессу? Было ли это поступление согласовано вами с партийной организацией?»

Суть обвинения сводилась к следующему: как мог большевик добровольно поступить в военную организацию и отправиться на фронт для участия в «империалистической войне»? Берия пытался оправдаться: «Что я поступил в эту организацию, Цуринов (Цуринов-Аванесов – соученик по техническому училищу, вместе с которым Берия создал ячейку РСДРП(б). – *Б. С.*) знал, но я ни с кем из партийной организации (очевидно, имеется в виду Бакинская парторганизация. – *Б. С.*) этого не согласовывал...»

Что ж, нарушение партийной дисциплины Берии инкриминировать можно, хотя, опять-таки, он мог бы мотивировать свой отъезд в армию намерением вести антивоенную агитацию среди солдат и рабочих прифронтовой полосы. Но главным мотивом отъезда, как кажется, явилось желание завершить образование. Чтобы закончить техническое училище, необходимо было пройти производственную практику. Да и заработок техника-практиканта был существенным подспорьем. Правда, и революционную деятельность при этом Берия, вполне возможно, не оставлял, будучи избран председателем отрядного комитета. Хотя насчет председательства в комитете Лаврентий Павлович запросто мог соврать. Следствие этот факт из-за малозначительности проверять не стало.

В начале 1918 года, после развала Румынского фронта, Лаврентий возвратился в Баку. Восемь месяцев, вплоть до сентябрьской оккупации города турецкими войсками, он работал в секретариате Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Вместе с турками в город вернулись лидеры азербайджанской социалистической партии «Мусават» – сторонники национальной независимости Азербайджана. При мусаватистском правительстве Берия с октября 1918 до января 1919 года работал конторщиком на заводе «Каспийское товарищество Белый Город». Затем он стал председателем подпольной большевистской ячейки бакинских техников, оставаясь на этом посту вплоть до занятия Баку Красной Армией в апреле 1920 года.

С работы же на заводе Берия ушел, чтобы продолжать учебу. В автобиографии он писал: «В связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я вынужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем комячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора...»

Здесь, пожалуй, уже проскальзывает определенный прагматизм. Берия предпочитает завершить свое образование, а не отдаваться повседневной партийной работе. Разовые пору-

чения – это ведь далеко не то, что повседневная деятельность в подполье. Да и ячейкой техников, сдается мне, Лаврентий руководил сугубо формально, если вообще руководил. Вряд ли он мог реально делать это, например, тогда, когда после окончания училища был направлен подпольной коммунистической партией Азербайджана на службу в контрразведку мусаватистского правительства. Позднее, на процессе 1953 года, этот факт расценили как предательство. Однако в архиве сохранилась объяснительная записка старого большевика И.П. Павлуновского, в 1919–1920 годах являвшегося заместителем начальника Особого отдела ВЧК. В 1926–1928 годах Иван Петрович руководил Закавказским ГПУ, а в 1932 году стал заместителем наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе и, как и 12 из 13 заместителей Серго, не пережил Большой чистки. Его записка датирована 25 июня 1937 года, еще до ареста, и адресована лично Сталину. Павлуновский писал, что перед назначением на работу в Закавказье имел беседу с председателем ВЧК: «...Т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных т.т. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе». В Тифлисе Орджоникидзе подтвердил Павлуновскому, что Берия работал в мусаватистской контрразведке по поручению партии, и об этом известно не только ему, Орджоникидзе, но и Кирову, Микояну и тогдашнему секретарю Кавказского бюро партии А.М. Назаретяну. Павлуновский заключил свою записку следующими словами: «Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне: а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытаются использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в мусаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет. Я спросил у Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т. Сталину говорил».

Павлуновский также сообщил об отношении Орджоникидзе к Берии: «В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину».

Интересно, что на судьбу самого Павлуновского эта записка никак не повлияла. Сталин методически уничтожал людей из окружения Орджоникидзе. В конце июня, буквально через пару дней после подачи записки о Берии, Павлуновский был на пленуме выведен из кандидатов в члены ЦК, исключен из партии, вскоре арестован и 30 октября 1937 года расстрелян. Очевидно, что у него не было никаких мотивов, чтобы исказить биографию Лаврентия Павловича или приукрашивать отношение к нему Орджоникидзе. Сталин же, несмотря на конфликт с Серго и самоубийство последнего, согласился с его характеристикой деловых качеств Берии. Иосиф Виссарионович всегда ценил Орджоникидзе как опытного хозяйственника и рекомендацию, данную Берии, воспринял очень серьезно. Тем более что о Лаврентии Павловиче хорошо отзывался и Микоян. Во всяком случае, Сталин не считал Берию скомпрометированным. Через два месяца после записки Павлуновского Лаврентий Павлович был вызван в Москву и назначен заместителем Ежова.

Сам Берия никогда не утаивал факт своей службы в мусаватистской контрразведке. В частности, в автобиографии 1923 года можно прочесть: «Осенью того же 1919 года от партии Гуммет (легально действовавшей в Азербайджане партии социал-демократического толка, сотрудничавшей с большевиками. – Б. С.) поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне». Из контекста этого сообщения становится ясно, что в контрразведке Берия работал как тайный большевистский агент и вынужден был спешно покинуть службу в контрразведке после разоблачения и гибели своего сообщника.

Вскоре Баку заняла Красная Армия. И Лаврентий Павлович сразу же был направлен на нелегальную работу в Грузию, где у власти находилось меньшевистское правительство. Согласимся, что сотрудника контрразведки только что свергнутого правительства не стали бы отправлять со столь деликатной миссией в страну, которую большевики собирались захватить, если только он не был в действительности «засланным казачком».

Берия выехал в Тифлис. Арестованный после Второй мировой войны грузинский эмигрант Ш. Беришвили, живший в Париже, во время следствия в 1953 году показал: «Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамишвили – бывший министр внутренних дел при меньшевиках – прочитали в тбилисской газете «Коммунист» (а газету мы выписывали) о назначении Берии на какую-то должность, то Рамишвили вспомнил в моем присутствии об аресте Берии в 1920 году меньшевистским правительством. Рамишвили сказал, что Берия был арестован начальником особого отряда Меки Кедия в 1920 году, когда Берия из Баку приехал в Грузию по какому-то заданию от большевиков. Рамишвили тогда же сказал мне, что Берия после ареста все рассказал ему о своих заданиях и связях. Я удивился, а Рамишвили велел мне напомнить об этом, когда к нему придет Кедия Меки. Последний к нам вообще приходил часто.

Когда к нам пришел Меки Кедия, то мы спросили его об аресте Берии в 1920 году и о том, как Берия вел себя на допросах. Кедия подтвердил, что Берия после ареста плакал и всех выдал, после чего был освобожден».

Показания Беришвили как будто подтверждает и двоюродный брат самого Лаврентия Павловича Герасим Берия. На его квартире Лаврентий останавливался в 1920 году, когда приехал в Тифлис. Герасим сообщил следователям, что нашел брата в тюрьме под его настоящей фамилией, а не под вымышленной – Лакербайя, о которой речь впереди. Он также подтвердил, что на его квартире после ареста Лаврентия особым отрядом был произведен обыск.

Интересно, а что писал об этом эпизоде сам Лаврентий Павлович? В автобиографии 1923 года о пребывании в Грузии в 1920 году рассказано так: «С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане (так коммунисты именовали занятие Баку частями 11-й советской армии. – Б. С.) краевым комитетом компартии большевиков от регистрада (регистрационного, т. е. разведывательного отдела. – Б. С.) Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с центральным комитетом Грузии, но согласно переговорам Г. Стуруа с Ноем Жордания (главой грузинского правительства. – Б. С.) освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию».

Далее Берия сообщил, что ему тогда удалось остаться в Грузии и под вымышленной фамилией Лакербайя поступить на службу в представительство РСФСР, которое возглавлял Киров. В мае 1920-го Берия выехал в Баку за директивами в связи с заключением мирного договора между Россией и Грузией (большевики соблюдали его всего несколько месяцев), но на обратном пути его арестовали. Кирову не удалось вызволить Берия, и Лаврентия Павловича отправили в Кутаисскую тюрьму, отличавшуюся суровым режимом. Он провел там больше двух месяцев. В августе в результате голодовки политзаключенных Берия и другие узники-большевики были освобождены и в августе 1920 года высланы в Баку. Там Лаврентий Павлович сразу же был назначен управляющим делами ЦК Компартии Азербайджана. Вряд ли бы ему доверили столь ответственный пост, если бы имелись сведения о его недостойном поведении в тюрьме.

Замечу, что Герасим Берия наверняка имел в виду первый арест брата, когда тот действительно содержался в Тифлисской тюрьме под своей настоящей фамилией. В Кутаисской же тюрьме Лаврентий Павлович находился под именем Лакербайя и так и не был опознан грузинскими властями. Предположение же следователей в 1953 году, что Берия был освобожден из

тюрьмы потому, что выдал грузинской контрразведке сеть советской агентуры, вряд ли основательно. Ведь первый раз его арестовали вместе с большой группой членов ЦК грузинской Компартии, но быстро освободили благодаря хлопотам Г.Ф. Стуруа, представлявшего советскую сторону в Грузии. Во второй же раз Лаврентия Павловича посадили в Кутаисскую тюрьму, где брат навещать его никак не мог. Очевидно, Шалва Беришвили, уже находившийся в заключении, готов был дать любые необходимые следователям показания против Берии и вольно или невольно соединил два ареста будущего шефа НКВД в один.

7 июля 1953 года бывший директор ЦГАОР Г. Костомаров писал Хрущеву: «Настоящим сообщая, что в бытность мою директором Центрального государственного архива Октябрьской социалистической революции МВД СССР ко мне в архив явились два сотрудника НКВД и попросили представить им возможность ознакомиться с делами фонда меньшевистского грузинского контрреволюционного правительства. Насколько помню, дела, которые интересовали указанных лиц, относились к контрразведке. В тот же день, поздно вечером, в архив явились два других сотрудника МВД СССР – одна из них была лейтенант Г. Балашова. Мне было предложено срочно выдать им дела. Я заявил, что дела без отношения из наркомата я выдать не имею права. Тогда Балашова подала отношение с предложением выдать дела, указанные в письме. Эти дела были выданы под расписку Балашовой. Я перед выдачей этих дел быстро просмотрел их содержание. Из просмотра установил, что в двух делах в числе агентов контрразведки меньшевистского правительства значился Л. Берия и еще одно лицо, занимавшее тогда видное положение в Грузии; точно фамилию другого лица не помню, но твердо запомнилось, что эта фамилия начиналась с буквы «Ч». Такое скоропалительное изъятие дел из архива меня смущало, потому что там в числе агентов контрразведки числился Л. Берия. Я об этих делах решил написать краткую записку с приложением копии отношения Наркомата внутренних дел в Секретариат товарища Сталина. Никто меня по этому вопросу позднее не вызывал.

До 1941 года дела, в которых имелась фамилия Берия, в архив не возвращались. Были ли они возвращены в архив, мне неизвестно, так как я уже не являлся директором архива Октябрьской революции. Балашова вскоре была уволена в запас, и мне думается, что она проживала в Москве. На мой вопрос, для кого были взяты дела, Балашова мне тогда сказала, для ЦК ВКП(б).

Сообщая об этом, я думаю, что в Центральном архиве Октябрьской революции, наверное, сохранились описи указанных выше дел».

Замечу, что если бы это письмо появилось до ареста Берии, цена бы ему была гораздо выше. В данном же случае никакой конкретики Костомаров привести не мог, и без документов предъявить обвинения Берии было невозможно. Но не приходится сомневаться, что если указанные документы Берии компрометировали, он их наверняка уничтожил. А если он их, наоборот, сохранил, то, значит, никакого компромата на Лаврентия Павловича там не было.

Кроме того, возникает вопрос, почему грузинские эмигранты не использовали впоследствии против Берии имевшийся на него компрометирующий материал? Если верить Беришвили, Лаврентий Павлович выдал всю свою агентуру, а этот факт мог положить конец его чекистской и партийной карьере. Однако грузинские меньшевики никак не пытались шантажировать могущественного главу закавказских чекистов, а впоследствии – руководителя Закавказской парторганизации. А ведь могли бы, хотя бы для того, чтобы облегчить участь своих арестованных товарищей. Но никаких фактов такого рода даже весьма пристрастному следствию в 1953 году установить не удалось. Не логичнее ли предположить, что ничего против Берии у бывшего шефа грузинского МВД Ноя Рамишвили на самом деле не было?

Кстати, хочу обратить внимание читателей, что меньшевистская Грузия была все-таки демократическим государством, и осудить человека даже на тюремное заключение, а тем более на смерть, там можно было, лишь имея против него веские улики. Такими уликами против Берии грузинская контрразведка, вероятно, не обладала. К тому же мнимый Лакербайя был,

как-никак, сотрудником советской дипломатической миссии, а с Советской Россией в то время поддерживался хрупкий, но мир. Этим обстоятельством, а также вызвавшей большой общественный резонанс голодовкой политзаключенных и объясняется, скорее всего, освобождение Лаврентия Павловича из Кутаисской тюрьмы.

Насчет участия самого Лаврентия Павловича в знаменитой голодовке сохранилось не слишком лестное для него свидетельство. В характеристике, данной Берии в 20-е годы комиссией ЦК Компартии Грузии, отмечалось: «В тюрьме не подчинялся постановлениям парторганизации и проявлял трусость. К примеру: не принимал участия во времени объявления голодовки коммунистов». Но безоговорочно верить этому утверждению нельзя. Мы не знаем, следствием каких интриг и борьбы за власть в недрах грузинского ГПУ стала вышеуказанная характеристика, где Берия также обвинялся в уклонах к левизне, бюрократизму и карьеризму, и признавалось невозможным использовать его на более ответственной работе.

А 20 января 1954 года, уже после официального осуждения и расстрела Берии и его подельников, генеральный прокурор Р.А. Руденко предоставил Хрущеву следующий документ: «21 октября 1919 года в Сухуми были арестованы и преданы военно-полевому суду за участие в вооруженном восстании солдаты 2-го пехотного полка Н. Тодуа, Г. Чубинидзе, Б. Цомая, Н. Нозадзе и Л. Берия.

9 июля 1920 года полномочный представитель РСФСР в Грузии С. М. Киров обратился с нотой к министру иностранных дел грузинского меньшевистского правительства и на основании ст. 10 договора между Россией и Грузией потребовал освобождения из Кутаисской тюрьмы Николая Нозадзе, Ноя Тодуа, Георгия Чубинидзе, Баграта Цомая и Лаврентия Берия, осужденных военно-полевым судом к каторжным работам за участие в вооруженном выступлении в октябре 1919 года.

Используя этот документ, Меркулов в книге «Верный сын партии Ленина – Сталина», изданной в 1940 году в Тбилиси, безусловно с ведома Берии, фальсифицировал исторические факты и ложно утверждал, что С. М. Киров принимал деятельные меры к освобождению Л. П. Берия из Кутаисской тюрьмы.

В настоящее время документально установлено, что в ноте С. М. Кирова от 9 июля 1920 года за № 327 упоминается не Л. П. Берия, а Лаврентий Игнатьевич Берия – солдат второго пехотного полка, который подвергался аресту вместе с солдатами этой же части Н. Тодуа, Г. Чубинидзе, Б. Цомая и Н. Нозадзе.

Следственные документы на солдат Л. И. Берия и других хранятся в делах 421 и 424 фонда 142 Центрального государственного архива Октябрьской революции ГССР. Эти данные нами получены после осуждения Берия».

Эта информация и упоминаемые в ней документы выглядят фальшивкой, изготовленной с одной целью: получить возможность и далее тиражировать ноту Кирова от 9 июля 1920 года без изъятия оттуда фамилии «Берия». Для этого Руденко и его подчиненные изобрели двойника-солдата Лаврентия Берия, за которого, а не за презренного врага народа, будто бы и ходатайствовал сакральный Сергей Миронович».

Между тем Берии было бы слишком рискованно в 1923 году врать насчет своего освобождения из Кутаисской тюрьмы при помощи Кирова. Ведь Киров в 1921–1926 годах был Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана и членом Кавказского бюро РКП(б). И Берия непосредственно соприкасался с ним, когда работал в советском полпредстве в Грузии. Начальники Берии легко могли бы поинтересоваться у Мироныча, действительно ли он ходатайствовал об освобождении Берии, и если бы вскрылась ложь, Лаврентию Павловичу не поздоровилось бы. Несомненно, на ранних этапах карьеры Киров поддерживал выдвижение Берии. К тому же Берия выслана в Советский Азербайджан не одного, а с группой заключенных, которые, очевидно, в 1923 году могли легко подтвердить как факт его пребывания в кутаисской тюрьме, так и обстоятельства освобождения из нее.

Лаврентий Павлович, как мы увидим далее, получил в Баку в высшей степени превосходную характеристику. Этому предшествовали следующие события, изложенные в автобиографии: «На этой должности (управляющего делами ЦК Компартии Азербайджана. – Б. С.) я остаюсь до октября 1920 года, после чего Центральным Комитетом назначен был ответственным секретарем Чрезвычайной Комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Эту работу я и т. Саркис (председатель комиссии) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 года). С окончанием работы в Комиссии мне удалось упросить Центральный Комитет дать возможность продолжить образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 году). Согласно моим просьбам ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через БакСовет. Однако не проходит и двух недель, как ЦК посылает требование в Кавбюро откомандировать меня на работу в Тифлис, своим постановлением назначает меня в АзЧека заместителем начальника секретно-оперативного отдела (апрель 1921 г.) и вскоре уже – начальником секретно-оперативного отдела – заместителем председателя АзЧека».

Между прочим, на первом допросе после ареста, состоявшемся 8 июля 1953 года, Лаврентий Павлович поведал о своей революционной юности. На вопрос «почему в июне 1917 года в момент ожесточенной борьбы большевиков в Баку против внутренней и международной контрреволюции вы добровольно поступаете техником-практикантом в гидротехническую организацию армии и уезжаете на румынский фронт?» Берия ответил: «Действительно в июне или в другом месяце 1917 года я добровольно вступил техником-практикантом в гидротехническую организацию армии вместе с Чекрыжевым, который учился вместе со мной в Баку в техническом училище. Почему я не остался в Баку для участия в подпольной работе – я над этим не задумывался».

ВОПРОС: Когда вы возвратились в Баку?

ОТВЕТ: Возвратился в 1917 году, в октябре месяце и продолжил учебу в техническом училище.

ВОПРОС: Чем занимались в Баку в период оккупации турками?

ОТВЕТ: Продолжал учиться и был в ячейке этого училища и выполнял отдельные небольшие поручения.

ВОПРОС: Вы в автобиографии, написанной 22 октября 1923 г., указываете: «Осенью 1919 года от партии «Гуммет» поступаю на службу в контрразведку». Правильно это?

ОТВЕТ: Да, правильно.

ВОПРОС: Ответьте, от кого именно вы получили задание поступить в контрразведку?

ОТВЕТ: Задание получил от одного из руководителей «Гуммет» – Мирзадауда Гуссейнова. Контрразведка эта находилась при муссаватистском правительстве и состояла из левых элементов коммунистов и муссаватистов и в начале своей деятельности должна была вести борьбу с белогвардейцами. Имела ли отношение к этой контрразведке английская контрразведка – я ничего не могу сообщить.

ВОПРОС: Расскажите подробно о вашей деятельности в контрразведке?

ОТВЕТ: В основном моя деятельность свелась к ознакомлению с письмами граждан, которые поступали в контрразведку. Эту работу я проводил под руководством Измайлова, который был тогда коммунистом. Работа моя в контрразведке продолжалась месяца три-четыре, а может быть больше, сейчас не помню.

ВОПРОС: Кто такой Муссеви?

ОТВЕТ: Муссеви левый коммунист. Еще до меня он получил задание работать в контрразведке, как это мне было известно от Гуссейнова, причем он был заместителем начальника контрразведки, а начальником контрразведки был Ших-Заманов. От Гуссейнова я имел поручение контактировать работу с Муссеви.

Муссеви давал задание Измайлову, а через него мне ознакамливаться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви, о письмах, заслуживающих внимания.

Муссеви был убит, по моему мнению, муссаватистами за его деятельность. Относится это к периоду конца 19 или начала 20 года.

ВОПРОС: Кто может подтвердить, что по заданию «Гуммет» вы работали в контрразведке, и как выполнялось это задание?

ОТВЕТ: Назвать лиц, которые могут подтвердить то обстоятельство, что именно по заданию «Гуммет» я работал в контрразведке, и как выполнялось это задание мною, – я, кроме Гуссейнова и Измайлова, не могу. В 1920 году в адрес бывшего в то время секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Каминского поступило заявление о моем сотрудничестве в контрразведке в пользу муссаватистов. Это заявление было предметом специального разбора на президиуме ЦК АКП(б), и я был реабилитирован.

ВОПРОС: В своей автобиографии вы указываете: «...приблизительно в марте 1920 года после убийства Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в бакинской таможне».

Покажите подробно по вопросу оставления работы в контрразведке, по чьему указанию вы оставили эту работу?

ОТВЕТ: По совету Гуссейнова я подал заявление начальнику контрразведки об увольнении с работы и был уволен беспрепятственно. Истинной причиной моего ухода из контрразведки являлось то, что эта контрразведка стала полностью муссаватистской. При помощи Гуссейнова я поступил на работу в бакинскую таможню счетным сотрудником. Гуссейнов в то время был вроде директора департамента министерства финансов муссаватистского правительства, и, как мне кажется, таможня находилась в его ведении.

ВОПРОС: Расскажите о вашем аресте в Тифлисе. Кто допрашивал вас, о чем?

ОТВЕТ: Первый арест был в 20 году в Тифлисе. Я был задержан вместе с другими на несколько часов и освобожден. Никто и ни о чем меня тогда не допрашивал. Вторично я был арестован в том же году в Тифлисе и направлен вместе с Коландадзе в Кутаисскую тюрьму, где я содержался под арестом месяца два – два с половиной. Никто меня там не допрашивал.

ВОПРОС: В вашей биографии, опубликованной в Б.С.Э., указывается, что в августе 1920 года в результате организованной вами голодовки политических заключенных вы были высланы меньшевистским правительством из Грузии. Правильно ли это?

ОТВЕТ: Да, правильно.

ВОПРОС: Куда вы были высланы?

ОТВЕТ: Был выслан в Советский Азербайджан.

ВОПРОС: Как могло случиться, что вас, активного политического противника меньшевиков, как это вы утверждаете, организатора голодовки политических заключенных, меньшевики выслали в Азербайджан? Почему такая снисходительность?

ОТВЕТ: Выслали не только меня в Советский Азербайджан, а и других, причем это объяснялось, с одной стороны, нашим нажимом – объявлением нами голодовки и, как мне кажется, главным являлось вмешательство представительства РСФСР в Грузии, которое возглавлялось Кировым.

В этом представительстве я числился дипкурьером.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что утверждение об организованной вами голодовке есть ложь, что в действительности в Кутаисской тюрьме вы проявили себя как трус, не подчинились решению партийных товарищей и отказались участвовать в голодовке, объявленной коммунистами? Отвечайте.

ОТВЕТ: Утверждаю, что я был одним из организаторов голодовки, но по состоянию здоровья был отправлен в числе других в тюремную больницу за несколько часов до общего прекращения голодовки.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что еще в 20 годах партийная организация отмечала у вас наличие уклонов к карьеризму и бонапартизму и уклона к левизне?

ОТВЕТ: Может быть, что и было, но я не помню и не представляю».

Насчет того, что тогда показания давал именно Берия, сомнений не возникает. Кто, кроме Лаврентия Павловича, мог помнить, с кем именно он отправился практикантом-гидротехником на Румынский фронт. Что же касается обвинений в работе в мусаватистской контрразведке, то опровергает их Берия достаточно убедительно. «Гуммет» была левой организацией, близкой к коммунистам, а мусаватисты в 1919 году боролись не столько против коммунистов, сколько против агентов Деникина, стремившегося к восстановлению «единой и неделимой». Что же касается того, сорвал ли Берия голодовку политзаключенных или, наоборот, был одним из ее организаторов, вряд ли есть возможность ответить на этот вопрос и сегодня. Противоречивые свидетельства на сей счет, скорее всего, отражают борьбу различных фракций в руководстве Закавказья в начале 20-х годов, и трудно сказать, кто здесь врет.

Отныне целых одиннадцать лет жизни Лаврентия Павловича будут связаны с чекистской работой. До поступления же в ЧК ничего особо выдающегося за Берией, как, впрочем, и за подавляющим большинством других коммунистов-подпольщиков не числилось. Нет сведений о том, что добытая им информация, в частности, во время службы в мусаватистской контрразведке, серьезно помогла операциям Красной Армии против Азербайджана или деятельности бакинского большевистского подполья.

Руководитель закавказских чекистов

Вот в должности начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, надо полагать, Лаврентий Павлович проявил себя неплохо. Хотя вплоть до 1922 года находил возможность урывками учиться и в политехническом институте. В 1923 году секретарь ЦК азербайджанской Компартии Рухулла Ахундов выдал Берии удостоверение-характеристику: «Удостоверение дано сие ответственному партийному работнику тов. Берии Л.П. в том, что он обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Работая управделами ЦК Азербайджанской Компартии, чрезвычайным уполномоченным регистра Кавказского фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней деятельности, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве...» Автор характеристики был арестован и расстрелян в 1938 году, в бытность Берии во главе коммунистов Грузии. Ахундов был тогда начальником Управления по делам искусств при Совнарком Азербайджана. Лаврентий Павлович не смог или не захотел чем-либо помочь несчастному.

Столь же лестную характеристику дал Берии в 1924 году первый секретарь Закавказского крайкома партии А.Ф. Мясников: «Берия – интеллигент... Заявил себя в Баку как способный чекист на посту заместителя председателя ЧК Азербайджана и начальника секретно-оперативной части. Ныне начот (начальник секретно-оперативной части. – Б. С.) Грузинской ЧК».

В Азербайджанской ЧК Берия сделал немало. С гордостью отмечал в автобиографии, что активно участвовал в разгроме мусульманской организации «Иттихад», которая, по его утверждению, насчитывала «десятки тысяч членов», и ликвидации Закавказской организации правых эсеров. За эту последнюю операцию Лаврентий Павлович 6 февраля 1923 года был отмечен специальным приказом коллегии ВЧК: «За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социал-революционеров начальник секретно-оперативной части Бакинского губотдела тов. Берия и начальник секретного отдела тов. Иоссем награждаются оружием – револьвером системы «Браунинг» с надписями, о чем занести в их послужные списки...» Кроме того, 12 сентября 1922 года Совнарком Азербайджана отметил заслуги Берии похвальным листом.

В Грузии, где с осени 1922-го Лаврентий Павлович возглавлял секретно-оперативную часть и являлся заместителем начальника местного ЧК, он тоже неплохо проявил себя. В автобиографии Берия отмечал: «...Принимая во внимание всю серьезность работы и большой объект, отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удается достигнуть серьезных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность. Результаты достигнутой работы отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения меня орденом Красного Знамени...»

Итак, в 23 года Лаврентий Берия – уже заместитель начальника Грузинского ЧК и руководитель самого важного ее подразделения – секретно-оперативной части, занимавшейся наблюдением за настроениями населения и разработкой оперативных мер против тех, кто подзревался в намерении бороться с Советской властью. Если попытаться вписать бериевскую должность в систему дореволюционных должностей, то это – заместитель (товарищ) начальника губернского жандармского управления. Во главе управления обычно стоял генерал-майор

или полковник; его заместитель, соответственно, обычно носил чин полковника или подполковника.

Разумеется, до 1917 года Берия не мог даже мечтать, чтобы в 23 года получить чин подполковника. Не случись революция, он бы в этом возрасте в лучшем случае только окончил бакинский Политехнический институт (если бы он открылся) или какой-то иной вуз и поступил бы рядовым инженером к кому-нибудь из местных нефтяных магнатов – Манташеву, Гукасову или Нобелю (на заводе у Нобеля в Балаханах он в 1916 году проходил практику). Если бы повезло, мог бы со временем получить большой оклад, но вряд ли бы пошел на госслужбу, тем более учитывая его тягу именно к техническому образованию. Но этот вариант биографии был бы осуществим только в случае, если бы родители или сам Берия смогли каким-то образом изыскать средства для продолжения образования. Иначе пришлось бы идти Лаврентию на те же бакинские нефтепромыслы простым техником, и неизвестно, выбился ли бы он когда-нибудь в инженеры, сделал ли бы хоть какую-нибудь карьеру. Конечно, и техник в Баку зарабатывал вполне прилично. Той нужды, как в деревне, Берия бы уже не знал. Но юного мингрела, как кажется, снедало нешуточное честолюбие. И именно революция позволила реализовать самые честолюбивые мечты.

Когда познакомились Берия и Сталин, достоверно не известно. Некоторые историки относят это событие ко времени подавления грузинского восстания 1924 года. Возможно, это произошло и раньше. Во всяком случае, уже в январе 1924 года Берия докладывал лично Сталину о том, что Троцкий был столь слаб в день похорон Ленина, что не смог выступить публично, а лишь написал статью, которую прочитали по радио. Кстати, этот доклад опровергает версию самого Троцкого, что он не приехал на похороны из-за козней Сталина, сообщившего неверную дату траурной церемонии. Судя по всему, Лев Давидович был действительно болен и физически не мог присутствовать на прощании с Лениным.

Кстати сказать, нет никаких данных, что Берия когда-либо примыкал к левой или правой оппозиции Сталину. Даже весьма пристрастное следствие и июльский пленум 1953 года не рискнули навесить ему ярлык «троцкиста» или «бухаринца» и обвинить в связях с оппозиционерами 20-х годов (хотя предъявленное ему обвинение в «буржуазном перерождении» совпадало с тем, что в свое время предъявили Бухарину, Рыкову и его товарищам). От Троцкого же Лаврентий Павлович был далек, к идеям мировой революции никакого интереса не проявлял. Троцкий был романтиком революции, Берия – ее прагматиком. Лев Давидович тогда, сразу после смерти Ленина, мог победить в борьбе со Сталиным только на путях военного переворота и превращения СССР в латиноамериканскую «банановую республику» со своим каудильо. Некоторые командиры и комиссары Красной Армии, в первую очередь командующий Московским военным округом Николай Иванович Муралов, предлагали ему арестовать Политбюро и захватить власть, но Троцкий эту идею отверг. Он хотел быть не военным диктатором, а партийным вождем, призванным распространить коммунистическую революцию на весь мир, и за эту утопию заплатил жизнью.

Тогда, в январе 1924-го, Берия, конечно, не мог предполагать, что через шестнадцать с половиной лет ему придется возглавить операцию по уничтожению Троцкого. Но, думаю, уже тогда, наблюдая борьбу Троцкого и Сталина, понял, что Лев Давидович обречен. Троцкий проигрывал тактически, собственное здоровье ставя выше политической целесообразности. Он апеллировал к партийной массе, т. е. к тем, для кого он был заведомо чужой. Старая гвардия не могла простить Троцкому его небольшевизма до 1917 года. Молодой призыв, пополнивший партийные ряды после смерти Сталина, чувствовал себя обязанным возглавляемому Сталиным партаппарату, а отнюдь не Троцкому. А Лаврентию Павловичу не хотелось быть среди проигравших. И он спокойно репрессировал в Закавказье троцкистов, а потом и их противников бухаринцев.

Интересно другое. Когда после смерти Сталина Берия попытался провести свои реформы, для их осуществления его-то как раз могла устроить роль «советского Пиночета». Но шансов взять власть военным путем у него не было, да и нет никаких свидетельств, что Лаврентий Павлович на самом деле собирался совершить переворот силами армии или МВД.

Особенно ярко проявился сыскной талант Берии при подавлении меньшевистского восстания в августе – сентябре 1924 года. Вот что рассказывает об этом со слов отца сын Лаврентия Павловича Серго: «В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнает, причем заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе (в честь которого и был назван Серго Лаврентьевич. – *Б. С.*), в свою очередь, передает его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые бы позволили предотвратить кровопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг – допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо, получив согласие Москвы, не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили ее всего лишь как провокацию...

В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброске отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение – арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике (так оно во многом и было. – *Б. С.*) и неспособна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руководство в обратном.

Джугели все же был арестован, но из-за досадной случайности – его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомился с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики все же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понес бессмысленные жертвы, которых вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития еще можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей...».

Казалось бы, сыну надо было представить отца в выгодном свете. Вот и придумал красивую сказку про Лаврентия Павловича – гуманиста, всеми силами стремившегося не допустить напрасного кровопролития. Тем более что существуют слухи (только слухи; документов на сей счет до сих пор не опубликовано), будто как раз своей жестокостью при подавлении грузинского восстания Берия заслужил внимание и благосклонность Сталина. Но более логичным

кажется предположение, что Джугели, как и бывший мэр Тифлиса Баня Чикашвили и бывший член Конституционной ассамблеи Грузии Ной Хомерики были выслежены и арестованы чекистами в надежде обезглавить готовившееся восстание и тем самым либо предотвратить, либо значительно ослабить его. Однако восстание, вопреки ожиданиям Берии и его сотрудников, оказалось довольно мощным и продолжалось более двух недель. Сначала повстанцам сопутствовал успех. Им удалось овладеть рядом городов Западной Грузии, в том числе Чиатурой, Сухумом, Батумом и Кутаиси. Бои шли даже в пригородах Тбилиси. Но вскоре для борьбы с восстанием были переброшены дополнительные части Красной Армии, и под натиском численно и технически превосходящего противника сторонники независимости Грузии вынуждены были отступить. В начале сентября часть из них через батумский порт ушла морем в Турцию. Многие раненые повстанцы были захвачены в плен. Ряд из них, а также арестованных накануне восстания Джугели, Хомерики и Чикашвили расстреляли, других отправили в концлагеря.

Накануне восстания Берия попробовал сменить место работы. В конце уже цитированной автобиографии 1923 года, написанной накануне восстания, Берия просит ЦК предоставить ему возможность продолжать образование в техническом институте, поскольку видит свое призвание именно в этой отрасли знаний, имеет уже законченное специальное техническое образование и сможет отдать свой опыт и знания советскому строительству именно в этой области, а партия сможет после завершения учебы использовать его там, где сочтет нужным. Лаврентий Павлович не стыдился признаться: «За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование». К моменту своего отъезда из Баку в Тифлис в 1922 году Лаврентий Павлович успел закончить два курса Бакинского технического института, в который было преобразовано прежнее техническое училище. В 1921 году Берия даже собирались командировать в Бельгию для изучения технологии нефтедобычи, но потом передумали и направили на оперативно-чекистскую работу, где он к концу 1923-го достиг немалых успехов. И вдруг чекиста охватывает тяга к техническим знаниям. Он готов оставить так успешно начавшуюся чекистскую карьеру. Не странно ли? Думаю, что одной из причин вновь проснувшейся тяги к техническим знаниям было то, что Лаврентий Павлович осенью 1923-го догадывался о том, что меньшевики рано или поздно поднимут народ на восстание, и ему, как одному из руководителей ГПУ, придется топить мятеж в крови. Берии не хотелось участвовать в бессмысленном уничтожении соотечественников-грузин. Поэтому и пытался предотвратить выступление, хотя и понимал, что шансов на это мало: не было у меньшевиков доверия к чекистам. А заодно пробовал вернуться в Баку, в институт, чтобы не участвовать в будущей расправе над повстанцами. Не получилось.

Если бы старшие товарищи удовлетворили тогда просьбу Лаврентия Павловича, его судьба могла сложиться гораздо счастливее. Стал бы Берия со временем видным руководителем нефтяной промышленности. Здесь было больше шансов, чем в партийном или чекистском аппарате, пережить чистку 1937–1938 годов, особенно если бы к тому времени Берия не успел подняться слишком высоко по служебной лестнице. Его административные способности помогли бы ему сделать хорошую карьеру в годы Великой Отечественной войны и в последние годы правления Сталина. Во времена хрущевской оттепели или брежневского застоя Берия имел бы все шансы дорасти до заместителя или даже первого заместителя главы правительства и скорее всего тихо ушел бы на покой персональным пенсионером союзного значения, как какой-нибудь Байбаков. Не было бы рокового выстрела в бетонном бункере штаба Московского военного округа в 1953-м, завершившего его жизнь, но не было бы в той жизни и руководства карательным ведомством после Ежова и атомным проектом. Не стал бы Берия маршалом и не вошел бы в Большую Историю, пусть, по мнению большинства, и со знаком минус.

Рискну высказать и совсем крамольную мысль. Лаврентий Павлович понимал, что чекистская работа – дело грязное, и у молодого студента в ту пору не очень лежала к ней душа (потом – втянулся). Вот и попытался в последний раз соскочить с чекистского поезда, перейти на работу более чистую, к которой имел склонность еще до революции. Вот Николаю Александровичу Булганину в 1922 году удалось благополучно перейти с чекистской работы на хозяйственную. В результате он не только стал Маршалом Советского Союза, как и Берия, но и дорос до председателя Совета Министров. Правда, после разгрома Хрущевым «антипартийной группы» Николай Александрович попал в опалу. Его разжаловали в генерал-полковники и отправили на пенсию. Но оставили в живых. Булганин умер в 1975 году, в возрасте 79 лет, пенсионером союзного значения. Так что переход на хозяйственную работу мог дать Лаврентию Павловичу реальный шанс умереть своей смертью. Но не сложилось. Стать инженером-нефтяником не удалось. Потом власть развратила Берию, да и выйти из системы он уже не мог. А когда попытался в 1953-м эту систему реформировать, оказалось, что плата за выход – жизнь.

С несостоявшейся поездкой в Бельгию связана женитьба Берии. Вот что рассказала об этом в годы перестройки его вдова Нина Теймуразовна Гегечкори: «Я родилась в семье бедняка. Особенно трудно стало матери после смерти отца... Росла я в семье родственника – Александра Гегечкори, который взял меня к себе, чтобы помочь моей маме. Жили мы тогда в Кутаиси, где я училась в начальной женской школе. За участие в революционной деятельности Саша часто сидел в тюрьме, и его жена Вера ходила встречаться с ним. Я была еще маленькая, мне все было интересно, и я всегда бегала с Верой в тюрьму на эти свидания. Между прочим, тогда с заключенными обращались хорошо (это свидетельство противоречит утверждению самого Берии в автобиографии 1923 года, будто в Кутаисской тюрьме были невыносимые условия. – *Б. С.*). Мой будущий муж сидел в одной камере с Сашей. Я не обратила на него внимания, а он меня, оказывается, запомнил.

После установления Советской власти в Грузии Сашу, активного участника революции, перевели в Тбилиси, избрали председателем Тбилисского ревкома. Я переехала вместе с ними. К тому времени я была уже взрослой женщиной, отношения с матерью (имеется в виду приемная мать – жена Саши Вера. – *Б. С.*) у меня не сложились.

Помню, у меня была единственная пара хороших туфель, но Вера не разрешала мне их надевать каждый день, чтобы они подольше носились. Так что в школу я ходила в старых обносках, старалась не ходить по людным улицам – так было стыдно своей бедной одежде...

В первые дни установления Советской власти в Грузии студенты организовали демонстрацию протеста против новой власти. Участвовала в этой демонстрации и я. Студентов разогнали водой из пожарного брандспойта, попало и мне – вымокла с головы до ног. Мокрая, я прибежала домой, а жена Саши Вера спрашивает: «Что случилось?» Я рассказала, как дело было. Вера схватила ремень и хорошенько меня отлупила, приговаривая: «Ты живешь в семье Саши Гегечкори, а участвуешь в демонстрациях против него?»

Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления Советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал: «Хочешь не хочешь, но мы обязательно должны встретиться и поговорить».

Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Недзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк.

Сели мы на скамеечку. На Лаврентии было черное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной и что я ему очень нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось двадцать два года.

Он объяснил, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование – Лаврентий должен жениться.

Я подумала и согласилась – чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью. Так, никому ничего не сказав, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня. Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию».

Для Нины Теймуразовны это, несомненно, был брак по расчету. Хоть и из дворянского рода была Нина, но бедность давно уже заставила позабыть аристократические предрассудки. К тому же после революции дворянское происхождение неразумно было афишировать, и брак с молодым и перспективным чекистом помогал обрести определенное положение в обществе. Да и Лаврентий Павлович, похоже, женился не только под влиянием романтического чувства, но и потому, что для поездки за границу срочно требовалось обзавестись супругой. Может быть, Берия в чем-то тяготился этим браком и оттого часто заводил мимолетные связи на стороне?

В Тифлисе (Тбилиси), где Берия жил вплоть до 1938 года, о нем сохранилась добрая память. Вот что пишет Николай Зенькович, посетивший Тбилиси уже в наши дни: «Никакой злости или неприязни – исключительно доброжелательное отношение сохранилось у бывших его соседей по большому тбилисскому дому, где Берия жил до переезда в Москву, занимая крупные посты в Грузии. С трудом верится, но ведь это факт: будучи первым секретарем ЦК Компартии Грузии, он в свободное время самолично установил во дворе дома турник, кольца, другие спортивные снаряды... Этому еще можно не удивляться – каких иногда чудачеств не отмачивают знаменитости! Но чтобы каждое утро делать в построенном своими руками спорт-городке зарядку с соседскими ребятишками – согласитесь, на такое способен далеко не каждый нынешний представитель власти, считающий себя чистокровным демократом».

Замечу, что в Москве из-за занятости времени на зарядку у Лаврентия Павловича уже не оставалось. Наверное, оттого и располнел под конец жизни.

В Тифлисе Берия в августе 1924 года сделал очередной шаг в карьере: он возглавил секретно-оперативную часть полномочного представителя ОГПУ в Закавказской Федерации. В 1927 году Лаврентий Павлович стал председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя ГПУ Закавказья, а в 1931 году возглавил, наряду с грузинскими, и всех закавказских чекистов, сделавшись одновременно полномочным представителем ОГПУ по Закавказью. Это была уже точно генеральская должность.

По роду своей деятельности Лаврентию Павловичу приходилось составлять и отправлять вверх секретно-оперативные сводки о настроениях населения и разного рода антисоветских акциях. Они не оставляли никаких иллюзий: местные жители особой любви к большевикам не испытывали и винили новую власть в том, что жить становилось все труднее и труднее.

Но работа Берии отнюдь не ограничивалась бумагами. В Грузии и в Закавказье в целом Лаврентию Павловичу пришлось трудиться не покладая рук, подавляя восстания и выявляя и репрессируя недовольных Советской властью. Одно из крупных восстаний вспыхнуло в марте 1929 года в Аджарии. Его центром стал Хулинский уезд. Поводом к нему послужили попытки закрыть медресе и обязать всех местных мусульманских женщин снять чадру. Берия был категорически против столь радикальных мер в кампании по борьбе с религией. Но руководство Аджарии его не послушало, и восстание предотвратить не удалось. Главе грузинских чекистов пришлось непосредственно руководить его подавлением. Оно облегчалось тем, что повстанцы не получили никакой поддержки со стороны Турции. Даже пограничные турецкие власти, обычно дружественно настроенные к единоверцам-аджарцам, на этот раз соблюдали полный нейтралитет. Как отмечал Берия в сводке от 13 марта 1929 года, приехавший 7 марта увещевать повстанцев и захваченный ими в заложники глава правительства Аджарии Мамед Гогоберидзе, «обратившись к руководителям повстанцев – Зебиту Джоидзе, Абдулу Такидзе и Мемеду Эфенди, заявил: «Прежде чем поднимать восстание против России, вы должны

послать делегатов в Турцию, в Кединский и Кобулетский уезды и заручиться их поддержкой, после чего, возможно, я сам бок о бок стану сражаться с вами, до установления границы до реки Чолока и объявления независимости Аджаристана. Вы хорошо должны учесть, что Турция и Россия находятся в союзе, а посему необходимо узнать, согласится ли Турция поддержать вас. Мой брат, проживающий в Кобулетском уезде, который решительно ничего не имеет, его причислили к кулакам, обложили большими налогами и лишили права голоса. Он первый присоединится к вам».

Советский чиновник, вполне возможно, преувеличивал свой сепаратизм и оппозиционность власти, заботясь о собственной шкуре: восставшие запросто могли его прикончить. Но в целом его позиция выглядела слишком уж соглашательской, за что он и поплатился после подавления мятежа своим постом.

Восстание в Аджарии было стихийной реакцией на притеснение мусульманской религии и начавшуюся уже кампанию борьбы с кулачеством. Предводители мятежа не надеялись реально ни на помощь Турции, ни на выступления в соседних уездах, и если и говорили о грядущих восстаниях и скорой турецкой подмоге, то лишь затем, чтобы ободрить своих сторонников и заставить их продержаться подольше. Надежда была только на то, что власть пойдет на уступки и удастся добиться амнистии повстанцам. Но до подавления мятежа власть на уступки не шла.

В том же донесении от 13 марта 1929 года Берия особо подчеркнул, что «лозунгами, объединившими все слои крестьянства, явились «За чадру», «Против закрытия медресе», «За религию». Из числа требований следует указать на требование «сменить уездных работников», «дать лес крестьянам», «отменить Госстрахование» и проч.». Центром восстания стало Чванское теми (сельсовет. – *Б.С.*), население которого поддерживало тесные связи с местными беками (землевладельцами) – бежавшими в Турцию братьями Химиашвили (Химшиевыми).

С первых же дней мятежа Берия прибыл в Аджарию. Он докладывал главе Закавказского ГПУ свояку Сталина С.Ф. Реденсу: «Согласно решения совещания ЦК КП(б)Г выехал в Батум, куда я прибыл 9 марта в 4 часа. Из беседы с находящимися здесь товарищами – зам. Пред АдГПУ т. Меркуловым и зав. АгитПропом обкома т. Асатиани, замещающего секретаря обкома т. Панухова, ввиду отсутствия последнего, выясняется следующая предварительная картина того, что происходило и происходит в Хулинском уезде Аджаристана... Нелепую попытку вооруженного выступления нужно считать ликвидированной. Чрезвычайно важно сейчас глубже взглянуть на происшедшие события и попытаться дать анализ причин их возникновения и роста...»

Во время нашего пребывания в пораженных районах мы постоянно вели разъяснительную кампанию, стремясь избежать ненужного кровопролития, стараясь успокоить население, вернуть бежавших в горы и леса крестьян обратно в села и выяснить путем допросов захваченных в плен повстанцев и бесед как с их «делегациями», так и другими товарищами подоплеку всего происшедшего, выяснить, какие причины заставили крестьян взяться за оружие.

Нами установлено с ясностью, не допускающей возражений, что причины «Хулинского инцидента» в ряде мероприятий партийных и советских органов Аджаристана, которые оказались оторванными от крестьянской массы и не сумели достаточно верно оценить как настроения отдельных прослоек, так и ряд объективных условий быта и жизни аджарского крестьянина.

В ряду этих причин основная заключается в нажиме, под которым проводилась кампания по снятию чадры. Выяснено, что в ряде случаев вместо создания благоприятной обстановки для добровольного снятия чадры уездные органы власти применяли метод угроз, арестов и насилий.

С кампанией по снятию чадры совпали по времени: закрытие медресе и мектебе (мусульманских духовных училищ. – Б. С.), перевыборы Советов и «активизация» женщин в связи с приближением 8 марта.

Такая «нагрузка» оказалась не под силу аджарскому крестьянину. В результате всего этого блок кулацких и антисоветских элементов с муллами и ходжами сумел на религиозно-бытовой почве подчинить своему влиянию основные массы крестьянства – бедняков и середняков – и таким образом создать единый фронт против мероприятий Советской власти...

Коммунисты и комсомольцы иногда держали себя вызывающе. По показаниям крестьян, многие из партийцев не здоровались с населением при встречах, запрещали называть себя «товарищами» («Какой я тебе товарищ»), смеялись над религией и т. д.

В результате в январе месяце мы имели в том же Хулинском уезде выступление женщин, которые в числе до 200 человек избивали учителя. Репрессии, проведенные после этого случая (арест 22 человек), заставили крестьянство смириться и «добровольно» снимать чадру. Всеаджарский съезд женщин-аджарок, постановивший снять чадру, внешне прошел блестяще. Однако в период пребывания женщин на съезде в Батуме был допущен ряд бестактностей. Делегаток водили на оперетту и в балет. Зрелище обнаженных по ходу оперетты женщин на сцене в глазах мужей-аджарцев превращалось в символ разврата, который царит в Батуме и от которого аджарскую женщину спасет чадра – честь. Снять чадру значит обесчестить женщину. Некоторые аджарцы уводили своих жен из театра во время действия.

Чрезвычайно характерно, что из всех уездов Аджаристана именно в Хулинском уезде мы имеем наибольшее количество случаев снятия чадры (3.500), а из всех теми Хуло этим особенно выделяется Чванское.

Не подлежит никакому сомнению, что эти высокие цифры получены в результате административного нажима, ибо иначе это явление, ввиду особой некультурности Хуло, необъяснимо.

Поэтому, когда к 8 марта стали в Хулинском уезде проводить выборы женщин-гостей на Всеаджарский съезд Советов, крестьянство решительно воспротивилось... По директиве секретаря укома тов. Каландадзе в семье Концелидзе за неявку на собрание были арестованы 5 мужчин (показания самого Концелидзе). Темские власти вызывали к себе ненависть населения.

В Схалатинском теми были случаи, когда заставляли аджарцев приводить на собрание своих больных жен на спине...

Ошибки в налоговой политике (переобложение), имевшие место в прошлом году и ныне исправленные, по показаниям крестьян приучили их критически относиться к мероприятиям власти.

Нередки были случаи снижения налога с 200 рублей до 50 и т. д. Крестьяне заявляли: «Если бы мы сами не принимали мер к снижению, нам так бы и пришлось платить по 200 рублей». Отсюда вывод: крестьянство само должно защищать свои интересы.

Большое недовольство вызвало к себе госстрахование. Не столько само по себе, сколько система усиленного взимания очередных взносов и систематическое запаздывание в выдачах премий за павший скот.

Поэтому в Чванах выборы женщин происходили в уже созданной указанными моментами напряженной обстановке. Поведение партийцев, приехавших 7/III для проведения выборов, отнюдь не способствовало разряжению сгущенной атмосферы. Они, по многочисленным показаниям, заявили, что если мужья не приведут женщин на собрание, будут применены репрессии, что правительство намерено силою снимать чадру, и т. д. 50 крестьян окружили приехавших товарищей, стали их избивать.

Активное участие в этом принимали группа Абдула Такидзе, влиятельного кулака села Дуз-Чвана, вместе с бандитами Изетом Чигаидзе и Одабаш-оглы... Сторонники этой группы

немедленно после избияния разошлись по селам Чванского теми поднимать население и призывая его к вооруженной борьбе за «веру и обычай».

Часть крестьянства шла более или менее охотно, будучи распропагандирована раньше, другая часть шла потому, что «все соседи выступили».

Общее состояние района хотя и представлялось гораздо более удручающим, чем во время январского выступления женщин, однако могло бы разрешиться миром, если бы этому не помешал бы ряд новых обстоятельств... В руки вооруженных крестьян попали несколько членов правительства, ряд ответственных работников и некоторые представители местной власти, один вид которых разжигал скрытую ненависть поднявшихся крестьян.

Члены правительства с товарищами были окружены в доме Абдулы Такидзе, с группой сторонников науськивавшего толпу на них, а с другой стороны обещавшего спасти пленников... Нужно откровенно признать, что поведение захваченных членов правительства, в частности председателя СНК тов. Мамеда Гогоберидзе, внедряло в сознание повстанцев мысль, что правительство слабо, что стоит только сильнее нажать на него, и все требования крестьян будут выполнены, и что, в сущности говоря, повстанцы правы в своих претензиях. М. Гогоберидзе выступил перед повстанцами с заявлением, что он сам против снятия чадры и закрытия медресе, что он по этому вопросу выступал в Батуме, но что его не послушали, и т. д. Недопустимое для члена правительства и коммуниста поведение».

Берия цитировал письмо захваченных повстанцами чиновников Совнаркому и обкому Аджарии: «Весь народ Чванского теми сильно взволнован действиями местной власти. Народ Чванского теми требует немедленно отдать к строжайшему суду как темское, так и уездное правительство, а также требует немедленно упразднить все постановления местной власти, в особенности: снятие чадры, закрытие медресе – мектебе. А также просит никаких красноармейцев не вводить, чтобы напрасно не проливать кровь бедных крестьян. Нас всех хорошо берегут, и все кончится перемирием. Примите меры к перемирию. Обязательным условием перемирия положено – приезд т. Рыкова в Аджаристан. Этого требует не только Чванское теми, весь Аджаристан, повторяю, войска не высылайте, а дело кончится миром».

Лаврентий Павлович сделал вывод, что поведение захваченных членов аджарского правительства «способствовало тому, что движение стало нарастать и из рядового случая избияния трех зарвавшихся коммунистов – вылилось вооруженное выступление».

Уже 6 апреля 1929 года Берия представил Реденсу доклад Грузинского ГПУ о событиях в Аджарии. Станислав Францевич оставил на докладе красноречивую резолюцию: «Настоящий доклад, объясняющий с точки зрения ГПУ Грузии причину событий в Аджаристане, а также и выводы, настолько исчерпывающий, что специального доклада по этому вопросу ЗакГПУ давать не будет, вполне солидаризуясь с этим докладом».

Прежде чем перейти к самому докладу, замечу, что эта резолюция, на мой взгляд, опровергает расхожее мнение о будто бы конфликтных отношениях между Берией и Реденсом. Единственный серьезный аргумент в пользу этой версии – арест Реденса по ордеру, подписанному Берией, 22 ноября 1938 года. Сын Станислава Францевича Владимир Аллилуев утверждает: «Сильному, хитрому и прожженному интригану Берия, рвущемуся к большой власти, Реденс – человек дзержинской закалки – был совершенно не нужен в качестве начальника, он был ему опасен. Причем опасен вдвойне, ибо мой отец, породненный семьями со Сталиным, имел к нему прямой доступ.

Свалить Реденса по деловым качествам Берии было не под силу, и тогда он обращается к приему, которым он мастерски пользовался всю свою жизнь, – нужно человека скомпрометировать. В этом Берия был непревзойденный профессионал.

Мать мне потом рассказывала, что отцу было непросто работать в Грузии... Особенно ему досаждали частые застолья и обильные возлияния. Пить он не любил и всячески старался этих застолий избегать. Но в один прекрасный день, где-то под Новый год, Берия со

своими людьми хорошенько напоили отца, раздели его и в таком виде пустили пешком домой. «Шуточка» удалась. После этой «шалости» работать в Закавказье на посту полномочного представителя ОГПУ и председателя ГПУ отец уже не мог. В начале 1931 года Реденса переводят в Харьков и назначают председателем ГПУ Украины».

Не знаю, действительно ли Реденс допился до того, что вернулся домой в костюме Адама, и была ли это на самом деле «шутка», организованная Берией. Что-то не верится, что Лаврентий Павлович рискнул бы так пошутить со сталинским свояком. Иосиф Виссарионович, наверное, наказал бы осрамившегося руководителя закавказских чекистов, но расценил бы «шалость» прежде всего как оскорбление самому себе. А уж он-то нашел бы возможность поквитаться с архитектором скандала. По свидетельству же Хрущева, Реденс сильно злоупотреблял спиртным, так что свободно мог допиться до скотского состояния без всякой помощи Лаврентия Павловича.

Если даже инцидент с голым Реденсом на тифлисских улицах действительно имел место, то на карьере чекиста он никак не сказался. Украинское ГПУ в табели о рангах стояло гораздо выше, чем Закавказское. А в 1933 году Станислав Францевич возглавил чекистов Москвы. Там «человек дзержинской закалки» в разгар «ежовщины» отправил на смерть более 10 тысяч человек, на которых не было никакой вины. Но, в отличие от Берии, Реденса в 1961 году полностью реабилитировали.

Владимир Аллилуев признает, тем не менее, что «отец ценил деловые и организаторские способности Берия и даже полагал, что он может возглавить ГПУ Закавказья. Об этом говорится даже в его письме к Г.К. Орджоникидзе». Думаю, что здесь передан подлинный характер взаимоотношений Станислава Францевича и Лаврентия Павловича.

Невозможно представить себе, что Берия, готовясь по замыслу Сталина занять кресло Ежова, мог намекнуть Иосифу Виссарионовичу, что надо бы убрать Реденса. Решения о своих родственниках и свойственниках диктатор принимал только сам, ни с кем не советуясь. И надо отметить, что большинство родственников обеих его жен, Сванидзе и Аллилуевы, либо были расстреляны, либо оказались в ГУЛАГе. Может быть, вождь не хотел, чтобы на воле оставались люди, которые помимо его выбора, а только благодаря отношениям свойства, оказались вхожи в его ближний круг. Ведь для них Иосиф Джугашвили был не равным Богу «великим кормчим», а всего лишь человеком.

Скорее стоит предположить, что между Реденсом и Берией существовали очень хорошие, если даже не дружеские отношения, и Лаврентий Павлович устроил кандидату на место Ежова последнее дьявольское испытание: подпиши ордер на арест друга, и станешь наркомом. Берия испытание выдержал. 20 ноября 1938 года он подписал ордер на арест Реденса, а 25 ноября получил назначение наркомом внутренних дел СССР.

Но вернемся к докладу Берии о положении в Аджарии. Лаврентий Павлович подчеркивал: «Корни развернувшихся событий кроются не только и не столько в антисоветской работе элементов, издавна враждебных существу Советской власти, сколько, главным образом, в извращении линии партии при проведении советских мероприятий и в ряде объективных причин».

Он дал весьма квалифицированный анализ социально-экономической ситуации в Аджарии: «Положение основной массы аджарского крестьянства в материальном отношении крайне незавидно. Главным бичом аджарца является малоземелье. Если взять Хулинский уезд, наибольший из уездов Аджаристана, являвшийся непосредственной ареной выступления, то здесь на каждое хозяйство в среднем приходится 0, 77 га посевной площади и 0, 51 га сенокосной площади. Норма неимоверно мизерная. С этого клочка земли каждое хозяйство, состоящее в среднем из 7 душ, должно прокормиться в течение года.

В связи с крайним малоземельем большое значение в бюджете аджарского крестьянина занимают скотоводство и лесной промысел... В Хулинском районе, например, насчитывается

свыше 45.000 голов скота, что составляет на каждое хозяйство в среднем по 11 голов... Пастбищ для прокормления скота достаточно, на каждое хозяйство приходится по 9 га, однако большинство крестьян предпочитает на лето перегонять свой скот на попас в район Артвина в Турции (до Первой мировой войны этот район входил в состав Российской империи. – Б. С.). До 1926/27 года пользование пастбищами в Аджаристане производилось бесплатно. Затем была установлена оплата в размере 40–50 копеек за голову крупного рогатого скота и 12,5–15 копеек за голову мелкого скота. Эта плата, при всей ее незначительности, тем не менее является достаточно чувствительной для бюджета крестьянина, так как доходность хозяйства его, благодаря применению отсталых форм и культур, весьма незначительна.

Лесной промысел в довоенное время давал крестьянству в год свыше 10.000 рублей дохода (кстати сказать, не ахти какая сумма; если речь идет только о Хулинском районе, то выходит всего по 2,5 рубля на хозяйство, пусть даже царские рубли и были в 5–6 раз «тяжелее» советских. Но для нищих аджарских крестьян и эти деньги были немаловажным подспорьем. – Б. С.). Вследствие хищнического истребления леса таяли с невероятной быстротой. С установлением Советской власти вопрос упорядочения лесного хозяйства был поставлен в надлежащую плоскость. Вся площадь лесов была разбита на 2 части, из которых 50 процентов были объявлены лесами госзначения с установлением соответствующей плановой системой эксплуатации, а остальная площадь передана в ведение крестьянства. Естественно, что в связи с этим доходность крестьянства уменьшилась. Ценный лес из государственных угодий стал отпускаться за плату, причем некоторым категориям крестьян с известной льготой... Все же крестьянство весьма недовольно этой реформой и во всех требованиях повстанцев мы находим пункт о бесплатном отпуске леса».

Лаврентий Павлович указал на кричащую нищету аджарцев: «Валовая доходность крестьянского хозяйства, по исчислению Аджарского Госплана, определялась в 1927–28 году суммой 323 рубля в год. По Хулинскому уезду она еще меньше и достигает цифры в 290 рублей. В то же время по минимальному хозсчету Госплана прожиточный минимум средней крестьянской семьи в Аджаристане равен сумме в 554 рубля в год. Следовательно, в среднем каждое хозяйство имеет дефицит в своем бюджете на сумму 264 рубля в год, т. е. 49 процентов... Если же принять во внимание, что громадное большинство крестьянских хозяйств Аджаристана относится к бедняцким (70 процентов всех хозяйств освобождены от налога), то все бедственное положение аджарского крестьянства станет более понятным.

Каждое стихийное бедствие или недород обрекает его на голод. Так было, например, в 1926/27 году в результате сильного наводнения. В текущем году уже в январе месяце отмечаются жалобы беднейшей части крестьянства на голод. 8 декабря в селении Цхемвени бедняк Хуршуд Эминович Махарадзе, 47 лет, в группе крестьян 4–5 человек, высказался: «Кончились у меня и деньги, и кукуруза, что будет с нами зимой, все мы сдохнем с голода, если будет так продолжаться, то Аджария восстанет против коммунистов»...

Естественно, что в связи с этой нуждой появляется недовольство властью, усиленно муссируемое кулацкими элементами».

Берия также отмечал, что расцвет в Аджарии преступных промыслов вызван безысходной экономической ситуацией: «Бедственное положение аджарского крестьянства является одной из причин высокого распространения в Аджаристане контрабандного промысла. Имея глубокие экономические корни, контрабанда здесь не уничтожается, несмотря на применение репрессивных мер».

Большое недовольство вызвало также введение обязательного государственного страхования скота. Помощь пострадавшему от наводнения населению оказалась расхищена, что также не способствовало популярности коммунистической власти. Берия приводил убийственные факты: «Для оказания помощи населению, пострадавшему от наводнения, в 1926/27 году было отпущено 194.000 рублей. Из этой суммы было истрачено по прямому назначению всего

лишь 50.000 рублей, остальная же сумма пошла на другие расходы, ничего общего не имеющие с оказанием помощи пострадавшим от наводнения...».

Вину за вспыхнувшее восстание Берия возлагал на местное партийное руководство Хулинского уезда: «Все имеющиеся материалы показывают, что поведение довольно значительной части партийцев и комсомольцев во время важнейшей кампании по перевыборам Советов и борьбе с религиозно-бытовой косностью... послужило одной из причин для возникновения выступления... Кратковременные аресты, угрозы и насилия часто сопровождали кампанию по снятию чадры и закрытию медресе.

Все это естественно вызывает открытое и явное недовольство широких крестьянских масс, еще больше усугубленное тем, что сами партийцы и комсомольцы не выполняли того, что проводили.

В селении Семеба 15.1.29 г. было назначено общее собрание для проведения подготовительной предвыборной кампании. Собрание было собрано жителем села Семеба кандидатом ВКП(б) Коболадзе Хасаном Мамудовичем, который в тот день устраивал свадьбу сестры с подарками и, чтобы не провалить свадьбу, уговорил крестьян вместо собрания прийти на свадьбу. Было приглашено до 200 человек. Среди крестьян на этой почве наблюдались разговоры: наше правительство запрещает нам устраивать свадьбы, однако сами коммунисты делают это, чтобы заработать деньги, назначают свадьбу с подарками, а Коболадзе не задумался даже перед тем, чтобы сорвать собрание крестьян.

В селе Тхилвани Схалтинского теми (сельсовета. – Б. С.) ячейка ЛКСМ, секретарем которой состоит Иса Микеладзе, на 100 процентов религиозна. Все члены ячейки до собрания идут молиться... Микеладзе совместно с красноармейцем Патарадзе был на рыбной ловле. Когда настало время молитвы, он бросил все, встал на колени и начал молиться.

Во время кампании по проведению кампании по снятию чадры коммунисты, комсомольцы и их семьи не только не давали должного примера массе, но, наоборот, сплошь и рядом способствовали срыву кампании и росту недовольства тем, что, не снимая чадры своих жен, заставляли это делать других...

Слабость партийной и комсомольской организации, отсутствие политического чутья у руководящей верхушки, отрыв их от всей остальной массы крестьянства и резкое пренебрежительное отношение к ним явились важнейшими причинами той ненависти, которую стали питать крестьяне к компартии вообще.

«Коммунисты – как волки для нас», – говорили повстанцы в своих речах...

Часть партийцев, чтобы избежать побоев и сохранить свою жизнь, примкнула к повстанцам, даже возглавила их небольшие отряды, другая, оставшаяся более или менее верной партии, подверглась гонениям и арестам среди повстанцев».

Начальник Грузинского ГПУ специально отметил, что «еще в конце 1927 года нами было сигнализировано нарастание массового движения в Аджаристане, выявившегося тогда в сильном переселенческом настроении, грозившем перейти в вооруженное выступление». Имелось в виду намерение многих аджарцев переселиться в Турцию.

Берия особенно остановился на роли мусульманского духовенства в организации восстания: «Сельское население Аджаристана обслуживается 150 мечетями и двумя сотнями мулл. Таким образом, на каждые 300 крестьян аджарцев приходится один мулла, на каждые 400 – одна мечеть. Материальное положение муллы – выше середняцкого крестьянского хозяйства. В большинстве случаев аджарские муллы могут быть причислены по своему экономическому положению к кулакам... Исключительно духовной деятельностью занимается лишь меньшая половина мулл. Остальные же располагают, кроме того, собственным хозяйством или состоят на советской службе (преподают в советских школах). Средний годовой заработок муллы от мечети 400–500 рублей... Этот заработок уже значительно превосходит среднюю доходность аджарского крестьянского хозяйства... Крестьяне оказывают муллам так называемую «трудо-

вую помощь»... Духовная карьера зачастую привлекает молодое крестьянство, и теперь мы имеем целый ряд групп общей численностью до 100 человек, которые проходят спецкурс в особом роде семинариях и готовятся стать муллами... Аджарский мулла занимает острую анти-советскую позицию не только по мотивам религиозного порядка, но также потому, что хозяйство его – кулацкое хозяйство.

Аджарское духовенство сохранило свои права почти в полной неприкосновенности и после советизации. Бывший председатель СНК Химшиашвили организовал духовенство, объединив его в лице муфтиата, и предоставил этому духовенству также льготы и привилегии, которыми оно в Аджаристане никогда не пользовалось».

Берия указал и на связь повстанцев с аджарской эмиграцией: «Химшинский уезд являет собою сферу влияния беков из фамилии Химшиевых. Советизация Аджаристана заставила Химшиевых бежать в Турцию и расселиться в пограничной полосе (Ардаган, Поцхов).

В Турции Химшиевы чувствовали как бы гостями и продолжали себя считать хозяевами Верхней Аджарии.

Аджарские крестьяне не порывали связи с беками, общаясь с ними во время летних кочевков. Это позволяло бекам влиять на аджарских крестьян в отрицательную сторону. Всякие провалы Советской власти беки раздували, внедряя в сознание аджарца недовольство соввластью и предвещая близкий ее конец. Постоянное общение с политическими эмигрантами Грузии, Азербайджана и проч. позволяло бекам осведомляться относительно антисоветских планов кавказской эмиграции, что в свою очередь передавалось аджарскому крестьянину. Точно установлено, что до 1927 года аджарцы Хулинского уезда регулярно платили подать своим бекам-эмигрантам».

Берия пытался урегулировать конфликт с повстанцами без применения силы: «Полоса мирных переговоров с повстанцами продолжалась до утра 24 марта, и упорное желание наше закончить конфликт без применения репрессий, к сожалению, не дали желаемых результатов». Требования повстанцев включали «свободу религии», «свободные перевыборы Советов»; «открытие медресе»; «отмену запрещения носить чадру»; «изгнание всех грузин и коммунистов»; «смену уездной власти и удаление некоторых наркомов Аджарского правительства»; «амнистию всем участникам восстания и арестованным»; «отмену платы за лес и госстрахования»; «запрещение обучения девочек».

Лаврентий Павлович докладывал, как удалось подавить восстание: «При первом же появлении воинских частей участники выступления, за небольшим исключением, разошлись по домам почти без всякого сопротивления, и дело обошлось самыми незначительными жертвами. Повстанцы боя не принимали и при первых выстрелах разбежались в разные стороны. Часть из них (около 200 человек) во главе с вожаком Али Султан Болквадзе ушла в Турцию. Уже на другой день, 25. III, все движение было ликвидировано. Общее количество убитых у нас 8, у повстанцев около 30 человек, раненых – 10 у нас и около 30 у повстанцев». Был расстрелян один из предводителей мятежа в Схалтинском теми Искандер Махарадзе».

Цифры потерь выглядят правдоподобными, поскольку войска, в отличие от восставших, имели в своем распоряжении пулеметы и не испытывали недостатка в боеприпасах.

Для оздоровления ситуации Лаврентий Павлович предлагал послать в Хулинский уезд «авторитетную комиссию для обследования работы партийного и советского аппарата и рассмотрения жалоб крестьян», снять ряд проштрафившихся работников и «особо обследовать вопрос о предоставлении крестьянам леса, госстрахования и о кредите». Заодно Берия хотел провести проверку и в других уездах Аджаристана и во всех мусульманских районах Грузии, чтобы предотвратить аналогичные волнения. Берия подчеркивал: «При отсутствии мероприятий по партийной и советской линии, все мероприятия ГПУ не достигнут цели, и те причины, которые лежат в основе имевшего место вооруженного выступления, искоренены не будут». Он понимал, что восстания легче предотвратить экономическими и политическими мерами,

чем потом пускать в ход войска. Без нужды Лаврентий Павлович людей никогда не губил. Но и мягкотелостью не страдал. Через несколько недель были сменены основные руководители Аджарии (никто из них не пережил 1937 года), а ряд руководителей повстанцев, сложивших оружие, арестован и расстрелян. Но восстание вынудило власти пойти на уступки – вновь разрешить ношение чадры, открыть медресе и не принуждать женщин и девушек посещать школы.

Смена руководства в Аджарии также вызвала волнения. Прежний председатель Совнаркома Гогоберидзе был родом из Кобулетского уезда автономной республики, а новый, Лордкипанидзе, – «варягом» из Грузии. Земляки Гогоберидзе возмущались: «Если не будет нашего председателя СНК, то мы сделаем хуже, чем хулинцы». Но на этот раз обошлось. А Зекерию Лордкипанидзе Берия расстрелял в 1938-м.

Восстание в Хулинском уезде вызвало резонанс в Батуми и других городах Аджарии. Берия с тревогой отмечал, что в разговорах аджарцев «повторялись... требования о свободе чадры и духовного преподавания, закрытия грузинских школ, присоединения к Москве и т. д. Наряду с этой «московской ориентацией» межнациональные отношения между грузинами и аджарцами резко обострились. В среде рабочих это сопровождалось рядом вызывающих поступков со стороны аджарцев (невыход на работу, нанесение побоев). В свою очередь, грузины самым резким и презрительным образом отзывались о «неблагодарных свиньях – аджарцах», которых в свое время напрасно не истребил генерал Ляхов, и т. д. Русские рабочие приходили в негодование от слухов о том, что «аджарцы срубают головы убитым русским красноармейцам», несмотря на это, они, более объективно оценивая события, указывали на промахи и местных властей в антирелигиозной политике, на то, что крестьян вовлекли в движение провокаторы, контрреволюционеры и т. д.». Берия констатировал, что после подавления восстания «тревожное состояние не улеглось. Многие аджарские хозяйства намереваются уйти в Турцию, комсомольцы и партийцы опасаются террористических актов, греки обнаруживают тенденцию уезжать на родину. Производительность труда аджарских рабочих на предприятиях Батума значительно пала».

В качестве необходимых первоочередных мер для оздоровления ситуации в Абхазии Берия рекомендовал: «Предложить Аджарскому обкому послать в Хулинский уезд авторитетную комиссию для обследования работы партийного и советского аппарата и рассмотрения жалоб крестьян, которая должна вести работу во всех темах».

Особо обследовать вопрос о предоставлении крестьянам леса, госстрахования и о кредите.

Оздоровить уездный и темский партийный и советский аппарат путем снятия ряда работников.

Использовать опыт проверки в Хулинском уезде для проведения соответствующих организационных мероприятий не только в остальных уездах Аджаристана, но и во всех мусульманских районах Грузии.

Принять соответствующие меры к поднятию уровня развития аджарского крестьянства».

С острыми конфликтами между грузинами и армянами, армянами и азербайджанцами, абхазами и грузинами, между различными этнографическими группами внутри закавказских народов Берия был хорошо знаком, так как возглавлял Секретно-оперативное управление Закавказского ГПУ.

В последние годы жизни и после смерти Лаврентия Павловича часто обвиняли в «мингрельском национализме». Но в действительности в бытность в Грузии он с этим национализмом, как, впрочем, и со всеми остальными, неустанно боролся, в полном соответствии с линией партии. Так, 23 апреля 1929 года в очередной информационной сводке Берия сообщал: «Проект перенесения центра ряда уездов Западной Грузии в Поти вызвал недовольство в ряде районов Зугдидского уезда... Много толков создано вокруг Зугдидского музея. Ходят слухи о том, что вся реорганизация вызвана желанием Тифлиса присвоить себе музей, для чего и хотят

лишить Зугдиди его значения, как уездного центра. Слухи эти подкрепляются проникшими в массы сведениями о предполагаемой распродаже части экспонатов для вывоза за границу. В разговорах слышится много протестов, оценивающих распродажу как «разграбление народного достояния», «хищническое отношение к культурным ценностям» и т. д.

Нетрудно видеть за всем этим, с одной стороны, отражение местных интересов, ущемляемых ликвидацией (по мнению крестьян) музея, приносившего доход жителям от экскурсантов; с другой стороны, история с музеем – повод для всякой враждебной агитации, в том числе и для агитации так называемых «мингрельских сепаратистов». К последним Лаврентий Павлович, как видно, не питал никаких симпатий. И всегда за национальными и политическими требованиями он усматривал также экономическую основу.

С борьбой с «мингрельским сепаратизмом» связана и одна романтическая история, в которой Лаврентий Павлович показал себя неутомимым борцом за нравственность. 27 октября 1930 года он докладывал руководству Закавказской Федерации: «Председатель Пахуланского колхоза (Цаленджихский район) Леонтий Гогохия около двух месяцев тому назад был арестован по обвинению во вполне доказанном похищении комсомолки Козуа с целью принудить ее ко вступлению с ним в брак. Кроме того, Гогохия имеет за собой ряд затрат, причем только по линии Цекавшири он растратил 13–14.000 рублей.

После ареста Гогохия произошел ряд фактов, свидетельствующих о том, что он пользуется со стороны некоторых ответственных товарищей совершенно незаслуженной поддержкой, которая уже привела к освобождению Гогохия на поруки, а в дальнейшем может избавить его от ответственности за все содеянное.

Когда работник Зугдидского отделения Грузинского ГПУ нашел похищенную комсомолку Козуа, вместе с похитителем Гогохия, доставил в отделение, туда прибыл секретарь укома т. Жвания и в присутствии начальника отделения т. Закария, стал уговаривать Козуа: «Что особенного случилось, Гогохия тебя любит, и ты бы вышла замуж за него...»

Т. Жвания говорил комсомолке, что на нее «падет ответственность за гибель Пахуланского колхоза, который неминуемо развалится».

Козуа возражала: «Я не только не люблю Гогохия, но даже не уважаю его. Я знала его только как председателя колхоза и, в качестве единственной комсомолки, выполняла всю ложившуюся на меня общественную работу».

Параллельно с этим Козуа рассказала, что Гогохия приставал к ней с объяснениями в любви, с письмами и т. д. Она жаловалась в уком и Наробраз (очевидно, Козуа работала учительницей. – Б. С.), но никто не оградил ее от домогательств Гогохия.

Вскоре начались различные послабления тюремного режима для Гогохия. Его посещали различные, часто неблагонадежные лица. Через них он проводил кампанию за то, чтобы «крестьянство коллективно потребовало его освобождения».

Гогохия послал в Цаленджихский РК КПГ телеграмму с угрозой, что «коллективизации угрожает развал, если его не освободят».

Правление колхоза, под влиянием Гогохия, потребовало вызова Гогохия «для выяснения некоторых вопросов». И действительно, Гогохия препроводили в Пахулани под конвоем. Он воспользовался случаем для ведения агитации в пользу «автономной Мингрелии», так как Гогохия примыкал к группировке «автономистов». В расчеты этой группы входит перенесение районного центра из Цаленджихи в Зугдиди, поскольку это должно ослабить остальные районы бывшего Зугдидского уезда за счет одного, главного Зугдидского района.

Наконец, недавно Гогохия вовсе освобождается на поруки и руки у него совершенно развязаны, как для сведения личных счетов со своими врагами, так и для «автономистской» деятельности. Необходимо принять меры к тому, чтобы в деле Гогохия не примешивались посторонние впечатления и чтобы следствию была обеспечена беспристрастность».

Здесь растратчик и похититель девушки-комсомолки (прямо как в «Кавказской пленнице» – «студентка, комсомолка, красавица») предстает еще и зловредным «мингрельским автономистом», а сам Берия – борцом за девичью честь. Правда, любвеобильность самого Лаврентия Павловича была уже тогда притчей во языцех. Позднее, в 1953-м на следствии, ему это припомнили. Тогда Берия признал, что женщин у него в самом деле было много, но что они вступали с ним в интимные отношения исключительно по доброму согласию или, в случае если речь шла о профессиональных жрицах любви – за деньги по установленной таксе. Десятки женщин, оказавшихся в списках бериевских секретарей, напротив, утверждали, что вступали в связь с Лаврентием Павловичем по принуждению, под угрозой репрессий или вообще были им изнасилованы. Что ж, признаться в бескорыстной любви к поверженному шефу МВД было рискованно – сразу могли взять в оборот как «английскую шпионку» и «заговорщицу». Так что всей правды о любовных похождениях нашего героя мы уже никогда не узнаем.

Известный публицист Кирилл Столяров утверждал, что «у Лаврентия Павловича проявилось идилическое, книжное представление о колхозниках... Голодной, послевоенной деревни он толком не знал, и судя по всему, знать не хотел». На самом деле Берия прекрасно знал деревню 20–30-х годов и не имел никаких оснований считать, что после разорительной войны 1941–1945 годов жить там стало лучше. Он аккуратно поставлял руководству Грузии и Закавказья секретные сводки о настроениях народа.

Надежды на избавление от тягот хлебного кризиса 1928–1929 годов и сплошной коллективизации крестьяне видели в лидерах антисталинской оппозиции. Так, 27 апреля 1930 года чекисты изъяли в Тифлисе до 300 экземпляров троцкистских листовок, где, в частности, утверждалось: «Аппаратная бюрократия захватила власть. Рабочий больше не хозяин своей страны... Даже если пятилетка будет выполнена, это только укрепит строй бюрократии. Рабочие останутся ни с чем. Не нужно поддаваться обману... Сейчас различные части бюрократии, сталинцы, правые, борются друг с другом. Все они, не говоря уже о меньшевистской и прочей сволочи, хотят воспользоваться недовольством в рабочей массе... Сознательные рабочие, глубже усваивайте неисполненное завещание Ленина, чтобы разобраться во всех уловках и маневрах правительственных аппаратчиков... Да здравствует диктатура пролетариата не на словах, а на деле!»

А в Батуме в ночь с 5 на 6 мая распространялись рукописные листовки уже от лица правых: «Трудящиеся. Коммунистическая партия накануне гибели. Уверяем вас, что коммунисты будут скоро уничтожены. Несчастный народ, всюду слышен твой стон. Вы не имеете ни хлеба, ни радости». Листовка была подписана: «Правый рабочий».

Характерно, что оппозиционеры в равной мере поносили как «сталинских аппаратчиков», так и другие, антисталинские течения: правых, меньшевиков и «прочей сволочи». Перед лицом смертельной опасности оппозиционеры обнаружили фатальную неспособность объединиться. Всевозможные «блоки» троцкистов и правых, правых и меньшевиков, дашнаков и мусаватистов возникали только в чекистских головах, но отнюдь не потому, что коллеги Лаврентия Павловича верили в реальность подобных союзов. Просто таким образом можно было охватить гораздо больше «врагов народа» в рамках одной «заговорщической организации».

5 мая 1930 года Берия докладывал руководству Закавказья о настроениях населения Эриванского и Ленинаканского округов в связи с продовольственными трудностями: «В селении Гейгумбет местными троцкистами ведется провокация о том, что «Красная Армия больше не в состоянии противостоять бандам и в Нахкрае (Нахичеванском крае. – Б. С.) она сдалась бандитам... Троцкий собрал 6000 аскеров из Турции и перешел на сторону дашнаков, и скоро дашнаки во главе с Троцким будут в Армении». Вдохновителем последней провокации (о Троцком) явился бывший руководитель группы троцкистов Акуппорян».

Лев Давидович Троцкий, во главе 6 тысяч турецких солдат в качестве предводителя дашнаков идущий освобождать Армению от большевиков, – такое можно вообразить только в

каком-нибудь анекдоте от «армянского радио». Но так уж достал крестьян Сталин, что они готовы поверить в примирение двух злейших врагов – турок и дашнаков и готовность последних подчиниться человеку, который руководил ликвидацией независимой Армении.

С голодухи и безысходности и не такие сумасшедшие комбинации привидятся. А голод был такой, что вместо мяса в борще могла оказаться... ящерица. Берия докладывал руководству Закавказья: «1-го июня 1930 г. в Забратской столовой ЦРК № 13 (г. Баку. – Б. С.) сварили вместе с борщом довольно большую ящерицу. Части этой ящерицы попали в несколько тарелок обедающих рабочих (получился произвольный синтез украинской кухни с дальневосточной, который бакинские рабочие, привыкшие к кавказской кухне, явно не оценили. – Б. С.)... Последнее время в новых рабочих столовых Заводостроя ФЗР на стройках «Макс-Миллер», «Бедшер», «Винклер», «Кох», где работают до 1000 человек, наблюдается раздача обедов, явно недоброкачественных, так, например, в борще нескольких рабочих были обнаружены черви в 2 сантиметра, вторые блюда являются какими-то рвотными и часто бракуются рабочими. 28.IX.1930 г. и 4/X составили акты с подписями завкома и нескольких рабочих о найденных червях и гнилостном запахе во 2-м блюде».

А когда в Азербайджане летом и осенью 1930 года в связи с коллективизацией вспыхнуло восстание, повстанцы возлагали надежды на лидеров правой оппозиции Сталину. Побывавший в плену у мятежников член компартии бакинский рабочий-железнодорожник Рахманов свидетельствовал в своем докладе руководству Закавказского ГПУ – Реденсу и Берии: «Район, куда я был командирован, буквально кишит бандитами. Есть банды до 200 человек. Вооружены они прекрасно, причем особенно интересным является то, что они хорошо снабжены патронами. Я встречался в июле с группой бандитов – верховых. Они вступили со мной в разговор. Они называют себя не бандитами, а просто людьми, спасающими свои жизни от произвола местных властей, доведших их до необходимости взяться за оружие. Крестьяне жалуются на свою тяжелую жизнь и безвыходное положение. С одной стороны, они обязаны снабжать хлебом правительство, а с другой стороны – снабжают требующих хлеба бандитов». В общем, красные придут – грабят, белые (точнее, зеленые – ведь восстание шло под зеленым знаменем ислама) придут – опять грабят...

Реденс и Берия цитировали суждение о восстании беспартийного бакинского слесаря И. Афанасьева: «В Гяндже уже началось восстание. Туда посланы войска на усмирение. Восставшие в Гяндже взрывают мосты и грабят поезда. Когда-нибудь эта проклятая власть сломит себе голову. Есть ведь пословица: сколько вор ни ворует, а рано или поздно голову сломит. Ты посмотри на настроение массы. Нет ни одного процента довольных. Власть прямо издевается над народом. Ведь даже хлебом не может снабдить население. Сама напакает власть, а потом находит каких-то вредителей. Со многими мне приходилось говорить, и они прямо говорят – пусть только начнется война, мы знаем, на кого поднять винтовку за то, что грабят наших отцов. Ведь сами партийцы против этого безобразия. Посмотри на настроения наших рабочих и сам хорошо поймешь. Казаки на Северном Кавказе только и ждут начало конца». К этому крику души чекисты сделали такое примечание: «В прошлом Афанасьев собственник, – имел свою мастерскую, в данное время антисоветски настроен».

А рабочий бакинской «Союзнефти» Ивашенко предавался мечтаниям с каким-то безвестным сексотом: «Рабочие ничего не жрут, кроме хлеба. Наше положение улучшится, когда Рыкова прогонят, а за ним и Сталина». Лидеры правых, выходит, были столь же ненавидимы рабочими, как и Сталин.

Впрочем, некоторые из недовольных, особенно из числа интеллигенции, высказывали симпатии Бухарину. «С такой политикой, если мы будем продолжать в таком же духе, мы далеко не уйдем, – заявлял беспартийный инженер отдела рационализации бакинского завода имени Шмидта Зимников, – главное, все молчат и ничего не хотят говорить. Политика, которую ведет ЦК ВКП(б), приведет к тому, что скоро люди будут подыхать с голода (как в воду

глядел инженер. – *Б. С.*) Бухарин был прав, что нельзя было так круто поворачивать тяжелую индустрию. Это все может отрицательно повлиять на население и вызвать нежелательные колебания, да и партийцы когда-нибудь очнутся от спячки. Рабочие скрытно ропщут на пятилетку. Пока возможно, надо исправлять сейчас».

Другой бакинский инженер, Барак, откликаясь на расстрел 48 «вредителей», заявил: «Советская власть нашла причину продзатруднений в тех 48-ми, которых расстреляли. Это только замазывание глаз рабочим. Рабочему в настоящих условиях на те гроши, которые они получают, жить почти невозможно. Кооперативы пусты, обеды противны в столовых, что будет дальше, никому неизвестно».

Непраздничное настроение было у рабочих в Закавказье в день 7 ноября 1930 года. В сводке, составленной в связи с главным революционным праздником, Берия сообщал о высказываниях рабочих Армянского карбидного завода: «Все, о чем докладывали на заседании (о достижениях власти и др.), является ложью». «Мы не обязаны работать в пользу крестьян, так как последние сами ничего не делают, а рабочих заставляют работать за них. Крестьяне нам за это из своей продукции ничего не дают. Этим мы только их превратим в лодырей. Рабочих и превратили в каких-то ослов самопожертвования. В единственный выходной день (7 ноября) нас, рабочих, гонят куда попало. Голыми и босыми отправляют нас на уборку хлопка, не снабжая нас обувью и одеждой». Подобные настроения подытожил директор Клинического института Меликян: «Нам не до Октябрьских празднеств, когда желудок пуст».

Октябрьская демонстрация в Баку в том году тоже прошла далеко не гладко. Берия докладывал: «В демонстрации отдельные рабочие выступали против правых уклонистов и призывали вести борьбу с ними. Часть выступающих поддерживала право-оппортунистические лозунги, отрицая необходимость борьбы с Бухариным, Рыковым и др. Беспартийный рабочий Ахмед Таги из Ленинского района: «Мы с начала 5-тилетки обвиняли Бухарина за его неправильный подход к вопросам хозяйственного строительства, а на деле вышло, что он прав. Нас морят голодом, зарплаты вовремя не выдают». Комсомолец Симонян, рабочий строительного отдела Ленинского района: «С идеей колхозов ничего не вышло, разорили крестьян и нас с голода уморят. Не нужно было настаивать и прислушиваться к голодающим рабочим и крестьянам. Мы рабочие работаем голодные и раздетые, а жены комиссаров ходят в шелку и золоте. На шею рабочего садятся, и чем дальше, тем хуже становится, конца не видно». Рабочий «Азнефти» Курдигов: «Крестьян грабят, не дают им развивать своего хозяйства, народ голодает. Если на сторону Рыкова и др. перейдут еще несколько вождей, то тогда разобьют Сталина». Неизвестный: «Видно, положение улучшается. Политбюро сейчас фактически проводит линию правого уклона. Товары отпускаются без ордеров, скоро отменят заборные книжки (карточки. – *Б. С.*). Умерили отпуск товаров за границу. Зачем уклонистов обвинять, ведь они этого не хотели».

«Политика Сталина привела нас к нищете. Недаром Рыков и Бухарин против его политики. Голод терпеть можно год, а не подряд несколько лет. Ведь заводами и фабриками сыт не будешь», – возмущался котельщик завода имени Пятакова член ВКП(б) Гриценко. А другой член партии кочегар того же завода Гейдар Керимов в группе рабочих говорил: «Из-за политики Сталина все персидские подданные уезжают в Персию. Они правы, так как голодать никто не хочет».

6, 7 и 8 ноября 1930 года на территории фабрично-заводского района Баку чекисты обнаружили 35 листовок и прокламаций антисоветского, антикоммунистического и антисталинского содержания. Среди них были такие, например: «Товарищи. Только Рыков даст нам жить, но не Сталин – националист. Да здравствует свободная жизнь».

«Граждане товарищи. С вас три шкуры дерут. Долой коммунистов – паразитов. Штаб обороны гор. Баку».

«Правительство СССР, мы жить хотим».

«Товарищи рабочие. Сила у вас. Довольно вам мучиться. Ваши дети гибнут, как и вы. Свергните это паршивое правительство и будете жить как люди».

Берия с сожалением констатировал: «В настроении масс праздничные моменты отсутствовали».

Много хлопот ГПУ доставлял и конфликт в руководстве Азернефти. Группировка братьев Агаларовых открыто симпатизировала троцкистам. Как отмечалось в сводке Закавказского ГПУ, «Агаларовы заявляют: «Почему такого вождя, как Троцкий, исключили из партии. Сейчас руководит партией кучка бандитов». Берия сделал вывод: «Пришло время убрать их (братьев) с фабрики».

Продовольственные трудности 1930 года заставляли многочисленных персидских подданных, работавших на бакинских заводах и нефтепромыслах, возвращаться на родину. Как отмечалось в сводке Закавказского ГПУ, «ряд рабочих персподданных, отражая в данном случае настроение большинства, утверждают: «Раньше при Николае и при муссаватистах жилось лучше. В нехватках виновата Соввласть. Улучшения никакого не будет, в дальнейшем еще хуже будет».

О том же говорил и персидский подданный – оператор завода «Крэкинг» беспартийный Мехти Кулиев: «С нашими верхами социализма никогда не построишь. Нам дают по норме, за границу отправляют без нормы, сколько хочешь. Теперь хорошего наверно не дождешься. Нас кормят только баснями. 12 лет существуем, ждем только хорошего, а получается все хуже и хуже».

Но больше всего в 1930 году хлопот Берии доставило восстание в Азербайджане. В начале декабря Закавказское ГПУ докладывало о борьбе с повстанцами в Гянджском уезде, численность которых превышала тысячу человек: «Во главе банддвижения стал бывший член муссаватистского парламента, бывший мулла-иттихадист (член исламской партии Азербайджана, с которой в начале 20-х годов успешно боролся Берия. – Б. С.) Гаджи Ахунд. Объединение бандгрупп под его руководством ставило задачей организацию массового выступления. С этой целью Гаджи Ахунд широко развернул а/с агитацию. Усиленно распространялись слухи «о скором падении Соввласти, приходе англичан, турецких войск» и т. д. Крестьяне призывались к борьбе с колхозами, к вооруженному выступлению «против русских захватчиков, за религию, за освобождение от нищеты» и т. д. В Кедабекском районе распространялись прокламации с подобными лозунгами. Для подтверждения слухов о приходе турецких войск один из бандитов (по распоряжению Гаджи Ахунда) был переодет в турецкого офицера и командирован по селам в сопровождении бандгруппы, которая публично величала его «паша». Бандагитаторы при этом уверяли крестьян в том, что «правые уклонисты солидарны с Гаджи Ахундом» и т. п.

Эта подготовка собрала вокруг Гаджи Ахунда свыше 1000 человек хорошо вооруженных и подчинила его влиянию ряд сел Шамхорского и Касум-Измайловского районов. Кулацко-зажиточная прослойка в этих районах явилась ближайшим источником материальной и физической помощи банддвижению.

В район концентрации банд были стянуты войсковые части. Активные выступления бандгрупп начались с 10 ноября».

Да, Бухарин, Рыков и Томский впереди, на лихих конях, во главе воинов ислама – это примерно то же самое, что Троцкий, объединяющий под своей командой дашнаков и турецких солдат. Но народы бывшей Российской империи все надеялись, что кто-то придет спасти их от Сталина и большевиков, будь то Троцкий, Бухарин, англичане, турки, черт, дьявол... Хотя Турция в то время вообще была союзником Москвы и турецкие власти сильно ограничивали антисоветскую деятельность кавказской эмиграции в приграничных районах. Англия же не имела никаких планов интервенции в СССР.

Восстание Гаджи Ахунда поначалу казалось серьезной угрозой. Повстанцам даже удалось на полтора суток прервать движение по железной дороге Баку – Тифлис.

Однако очень скоро выяснилось, что разжиться продовольствием в стране, где крестьяне едва сводят концы от урожая до урожая, нет никакой возможности. Люди Гаджи Ахунда вынуждены были реквизировать продукты у населения, тем самым восстанавливая его против себя. Как отмечалось в докладе Берии, уже в начале декабря «Гаджи Ахунд стал уговаривать своих товарищей разбиться на части, мотивируя наступлением частей Красной Армии, невозможностью достать в большом количестве продукты». Очень скоро Гаджи Ахунду пришлось раздробить свою армию на мелкие отряды, а большинство повстанцев разошлись по домам. Войска под командованием главы Азербайджанского ГПУ М.П. Фриновского загнали группу Гаджи Ахунда и 9 его ближайших сторонников в Дивардинские зимовники, где почти все они, включая главаря, были убиты в бою 9 декабря 1930 года. Поднятое Гаджи Ахундом восстание было подавлено с помощью суровых репрессий. В селах брали заложников, заставляя крестьян выдавать скрывающихся повстанцев. Захваченных в плен участников мятежа и заподозренных в пособничестве им расстреливали на месте. Только 8 декабря 1930 года, например, казнили 23 «бандита» и 10 «пособников и укрывателей». По социальной принадлежности расстрелянные распределялись следующим образом: кулаков – 12, середняков – 15, бедняков – 2, рабочих – 2, антисоветский элемент – 1 и совслужащий – 1. Некоторые добровольно сложившие оружие повстанцы временно оставлялись на свободе в расчете, что они сагируют своих товарищей прекратить борьбу. Потом их тихо «изымали» и либо расстреливали, либо отправляли в концлагеря.

Сталин тоже читал все сводки ГПУ. И боялся, что, если кризис еще более углубится, бывшие вожди оппозиции смогут стать знаменем народного недовольства, а их сторонники на местах, равно как и уцелевшие меньшевики, дашнаки, эсэры и члены других запрещенных партий придадут выступлениям и рабочих организованность. Поэтому сразу, как только появился подходящий предлог, – убийство Кирова, началась широкая кампания превентивных репрессий всех подозрительных, достигшая кульминации в 37–38-м годах.

Берия с тревогой отмечал, что во время демонстрации 7 ноября 1930 года в столице Азербайджана, хотя «отдельные рабочие выступали против правых уклонистов и призывали вести борьбу с ними... часть выступающих поддерживала правооппортунистические лозунги, отрицая необходимость борьбы с Бухариным, Рыковым и др.».

Продовольственные трудности заставляли людей ностальгировать по тому времени, когда у власти в Закавказье были антисоветские правительства, не говоря уж о благословенном царском времени. Так, еще 30 апреля 1929 года, в связи с введением карточек на хлеб – 800 грамм для работающих и 400 грамм для иждивенцев в день, Берия фиксировал в сводке нелестные высказывания рабочих о Советской власти. «Не нужно верить брехне нашего правительства. Все, что оно обещало, это ложь. Разве при меньшевиках жизнь не была лучше. Большевики были правы, когда боролись с большевиками. Если бы меньшевики остались, то нам не жилось бы так плохо», – сокрушался тифлисский грузчик Лука Богвирадзе.

А в Армении крестьяне с тоской вспоминали о высланных кулаках и прочих «эксплуаторах». Сводки ГПУ фиксировали, как в апреле 1930 года в Армении «в селе Авдибек Аламлинского района на бедняцком совещании выступил батрак Седрак со следующим заявлением: «Что мне дала Советская власть, меня кормил священник, и ему я должен помогать». А в селе Амамлы батрак Пализьян говорил совсем уж крамольные вещи: «Наши кулаки такие же батраки, как и я. Я лично работал у кулаков Баграмянов, и они больше меня работали. У нас в селе, кто бедняк, тот лодырь. Кого мы называем кулаками, это те люди, которые день и ночь мучаются, работают».

Раз такие настроения проявляются даже среди «классово близких», значит, дело плохо. Раскулачивание и раздел добра высланных между остальными крестьянами стало совершенно необходимым для выживания Советской власти. Теперь крестьяне были связаны круговой порукой, отделены навсегда от тех, кто работал день и ночь и не боялся отстаивать перед вла-

стью свои и общественные интересы. А неуправляемое крестьянское стадо уже можно было загнать в колхоз, когда посулами, а чаще – грубой силой.

Недовольство сохранялось и в колхозах, но там его гораздо легче было контролировать тому же ГПУ совместно с колхозным руководством. Среди крестьян нарастали настроения безысходности. Берия докладывал: «В селении Карабулаге Абиранского района середняк Арутюнян, во время разъяснения статьи т. Сталина «Ответ товарищам колхозникам», заявлял среди крестьян следующее: «Произносят речи ради своего кармана, говорят, что власть рабоче-крестьянская, не верьте. Они врут, имя крестьянина коммунисты используют для того, чтобы мы молчали бы. Нигде правды нет и не будет».

Лаврентий Павлович цитировал и образец пропаганды, распространяемой среди крестьян троцкистами: «Партия разлагается, власть потеряла голову и теперь не имеет возможности поставить работу должным образом. Если до сих пор правительство работало сносно, то этим было обязано Ленину и Троцкому, которые руководили работой. А теперь за работу взялся княжеский сын – Сталин (намек на распространенную в Грузии легенду, что настоящим отцом Сталина был князь Эгнаташвили. – Б. С.), который ни одной минуты о крестьянах не думает, старается всячески наши хозяйства уничтожить. Для этой цели он выдвинул коллективизацию, и все, что делается, сами видите своими глазами».

Еще более красочную легенду поведал в Абхазии середняку Антиси Гурцкая незнакомец, назвавшийся Каландарашвили, говорил в апреле 1930 года: «Советская власть уже на краю гибели и она должна была быть ликвидирована еще в январе с. г., но по некоторым причинам она имеет счастье существовать до сего времени. Существующее жемдвижение (против закрытия медресе и снятия чадры. – Б. С.) надо усилить, так как за этим последует вооруженное восстание мужчин, к которому примкнет Красная Армия, и тогда коммунистам будет конец». В отношении товарища Сталина сказал, что он лежал в Гульрипшской санатории больным, где и умер. Тело его отвезли в Москву, но коммунисты до сих пор об этом умалчивают».

Эх, наивная крестьянская вера, что злой большевистский царь то ли уже умер, то ли вот-вот умрет и их, крестьян, оставят в покое.

Сельхозтехника, которую щедро обещали крестьянам, заманивая их в колхозы, порой обращалась в форменное издевательство над людьми и здравым смыслом. Так, 6 мая 1930 года Берия докладывал: «Полученные однорядные сеялки совершенно непригодны для кахетинских условий. Кроме того, крестьяне избегают пользования ими, так как указанные однорядки удорожают производительность труда крестьян. Например: чтобы засеять 1 га, необходима одна лошадь, одна сеялка и два человека, тогда как самым примитивным способом один человек может посеять больше двух гектаров за то же время».

Недовольны были и рабочие, которым в результате коллективизации стало нечего есть. В Ереване рабочие маслобойного завода Армхлопка кандидат партии Алике и Саркисян говорили своим товарищам, что «с раскулачиванием кулаков и ликвидацией спекулянтов положение рабочих не улучшилось. В кооперативах, за исключением черного хлеба, ничего нет. Неправильно, что у нас рабочее правительство. Кто получает жирные оклады, тот живет хорошо, а рабочие постоянно нуждаются и питаются черным хлебом. В случае войны в первую очередь отправят нас, а в то время как за рабочими нету ухода». Берия подчеркнул, что «все присутствующие при этом рабочие (17 человек) согласились с этим». Несчастные как в воду глядели: рабочие и крестьяне требовались также в качестве пушечного мяса для грядущей войны.

В июне 1930 года Берия составил очередную сводку об отношении крестьян Закавказья к коллективизации после сталинской статьи «Головокружение от успехов», опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 года: «Во время войны (так называли ударный период коллективизации) на моей земле срезали 35 деревьев и приказали молчать, теперь кто мне их возвратит», – жаловалась крестьянка Масхарашвили из села Хидари. А середняк Петр Джимиашвили сето-

вал: «Нас обманывает и правительство, и партия. Обещали нам многое, а на деле ничего не дали. Мне 65 лет, и столько, сколько в колхозе, никогда в жизни не работал. Сегодня что мы отработали, все забрали вышедшие из колхоза. У меня одна пара быков, которых я свел в колхоз. Мне понадобилось привезти дрова для семьи, отнести кукурузу на мельницу или же отвезти больных к врачу и когда я обращался в правление, мне отказывали и заявляли, что быки уже не принадлежат мне».

Эти жалобы от крестьян шли бессчетно. Но угрозы для власти они не представляли. Не было политических сил, способных канализировать крестьянское недовольство, направить его на достижение политических целей в масштабе если не всего СССР, то хотя бы в масштабе всей Грузии, Армении или Азербайджана. Некоммунистическая оппозиция была окончательно подавлена к середине, а внутривластная, троцкистская и бухаринская – к концу 20-х годов. У власти же были армия и ГПУ, способные без труда подавить даже локальные вооруженные восстания. На разговоры же недовольных смотрели как на материал для будущих арестов и следственных дел.

В бытность Лаврентия Павловича во главе ГПУ Грузии он был не чужд либерализма. Так, Берия постоянно воевал с партийным руководством Грузии по поводу «перегибов» в антирелигиозной кампании, причем не только по отношению к мусульманам. 3 мая 1929 года в специальной докладной записке «О грузинской церкви» он требовал: «Разослать циркулярное письмо местным парторганизациям, подтвердив еще раз методы и рамки антирелигиозной пропаганды с предложением прекратить всяческие безобразия, которые провоцируют политику нашей партии и вызывают озлобление довольно лояльного грузинского духовенства и верующих к Советской власти. Предложить по советской линии несколько ослабить налоговый нажим на духовенство и ни в коем случае не производить арестов представителей последнего без соответствующей санкции со стороны ГПУ. Предложить прокуратуре расследовать все случаи ограбления и поджогов церквей и виновных привлечь к ответственности. Считать абсолютно необходимым вопросы отобрания и закрытия церквей согласовывать с местными органами ГПУ в целях избежания возможных ошибок и систематического разложения грузинского духовенства».

Лаврентий Павлович разъяснял, как ему удалось приручить грузинскую церковь, несмотря на то, что католикос открыто выступал против Советской власти и поддерживал меньшевиков: «Длительной нашей работой нам удалось создать оппозицию католикосу Амвросию и тогдашней руководящей группе грузинской церкви, и лишь только в 1927 году в январе месяце удалось полностью вырвать из рук Амвросия бразды правления грузинской церковью и вместе с его приверженцами удалить от руководящей роли в Грузинской церкви. В апреле месяце – после смерти католикоса Амвросия, католикосом был избран митрополит Христофор, вполне лояльно относящийся к Соввласти, и уже собор, избравший Христофора, декларировал свое лояльное отношение к власти и осудил политику и деятельность Амвросия, в частности, и грузинскую эмиграцию».

Берия полагал, что после 1920 года «форсирование закрытия церквей, нажим на грузинское духовенство являлись ответом на отношение к власти духовенства. Даже и в этот период церкви закрывались не путем прямого административного постановления, а подводилась невыполнимая норма численности прихода для регистрации церкви и при невыполнении ее церковь признавалась бездействующей и закрывалась... Грузинская церковь, несмотря на свое лояльное отношение к власти, влачит жалкое существование. Массовые ограбления церквей, поджоги и разгромы их, насилия местных властей, нередко с участием партийных и комсомольских организаций, приводят церкви к совершенному разрушению, а непосильное налоговое обложение заставляет грузинское духовенство отречься от церкви и искать новые пути заработка. Лишение духовенства самых элементарных прав, как то: свободы передвижения, без арестов и административных высылков, поставило грузинскую церковь перед фактом невоз-

возможности существования... Грузинская церковь стирается с лица земли... Творимые безобразия невероятны в правовом государстве... Мы имеем весьма достоверные факты и случаи использования меньшевистской нелегальной организацией творимых безобразий вокруг грузинской церкви для демонстраций против Соввласти и дискредитации местных партийных и комсомольских организаций».

Лаврентий Павлович пытался внушить своим партийным товарищам: раньше, при строптивом католикосе Амвросии, церковь прижимали правильно, но все-таки аккуратнее, чем сейчас, но зачем же продолжать сводить ее к ногтю теперь, когда теперь грузинской церковью руководят свои люди? Думаю, что в 1943 году Сталин именно по совету Берии ослабил гонения на Русскую православную церковь, пойдя на опробованный 16 годами ранее в Грузии вариант и поставив во главе церкви карманного патриарха, синод и утверждаемых органами госбезопасности епископов.

Определенный либерализм не мешал Лаврентию Павловичу образцово выполнять директивы из центра. По образцу московских процессов над вредителями он создал дело местной, закавказской «Промпартии». Весной 1930 года была арестована группа инженеров и служащих «Азнефти», занимавшихся строительством нефтепровода Баку – Батум. Выявившиеся при проектировании и постройке нефтепровода ошибки и финансовые злоупотребления объявили вредительством – умышленным разбазариванием «народных средств». 4 мая 1930 года Берия послал показания арестованного Антона Викторовича Булгакова, бывшего главного инженера строительства нефтепровода Баку – Батум, председателю Закавказского ЦИКа Михе Цхакая. Под диктовку следователей Булгаков утверждал: «Вредительский смысл заключался в том, что для капиталистических кругов... было безразлично, за счет какого ведомства затрачены деньги на постройку нефтепровода при Советской власти, вредительские же круги НКПС видели в удержании постройки нефтепровода в своих руках повод для проведения еще добавочных капиталовложений... В то же время вредительскими кругами Закавказской железной дороги чрезвычайно раздувалась эксплуатационная смета керосинопровода... Деятели контрреволюционной вредительской нефтяной организации, а также бывшие владельцы нефтяных предприятий, находившиеся за границей, ясно понимали, что одна вредительская деятельность не будет в состоянии вызвать падение Советской власти и что главную надежду надо возлагать на интервенцию. В случае же возникновения такой интервенции, контрреволюционная организация должна была оказать ей помощь. В конце 1925 года из-за границы через секретаря Английского посольства Уайта было получено письмо на английском языке за подписью Э.Л. Нобеля и Детеринга (бывших владельцев бакинских нефтепромыслов. – Б. С.) с директивами о подготовке к интервенции. После прочтения письмо было уничтожено. В этом письме, которое очевидно было написано по желанию и по указаниям английского военного штаба, предлагалось контрреволюционной вредительской нефтяной организации выделить специальную военную группу и выполнить ряд мероприятий по подготовке к предполагавшемуся на Кавказском берегу Черного моря десанту (Лаврентий Павлович в плане подготовки к такому десанту трактовал и намеченное в связи со строительством нефтепровода расширение батумского порта. – Б. С.)... В конце 1927 года в Москве через Норвежскую миссию и через А.В. Иванова (инженера, главаря «вредителей». – Б. С.) было получено от Э.Л. Нобеля письмо на английском языке... Сообщалось, что военная интервенция, предполагавшаяся на 1928 год, была по политическим соображениям отложена на год, на два».

Закавказские чекисты действовали по той же схеме, что и их коллеги в Москве и по всей стране. Группа инженеров из «бывших», еще с дореволюционным стажем, будто бы вступает в связь с эмигрантами-капиталистами. Те, в свою очередь, связаны с Генштабами и разведками Англии (Франции, Германии, Японии, Польши и т. д., в зависимости от политической конъюнктуры, региона и фантазии следователей), обнадеживают своих бывших подчиненных скорой интервенцией, в ожидании которой требуется всячески вредить Советской власти: устраи-

вать взрывы на шахтах, аварии на железных дорогах, пожары на нефтепромыслах и т. д. Такого рода инцидентов в годы индустриализации из-за бесхозяйственности, нехватки квалифицированных кадров рабочих и инженеров, а главное, из-за отсутствия у людей заинтересованности в добросовестном и производительном труде, в СССР было с избытком. Вот и требовалось свалить вину на «вредителей» – «буржуазных спецов». Берия и Реденс в организации очередного «вредительского дела» были не оригинальны.

Рабочие же сообщения об осуждении инженеров-«вредителей» встречали с энтузиазмом. Берия 17 декабря 1930 года сообщал об откликах на процесс Промпартии. В частности, рабочие Тифтравая выражали искреннюю радость: «Так им и надо. Пусть знают оставшиеся в живых вредители, что Советская власть жестоко карает тех, кто поднимает против нее свою изменническую руку!» И огорчились, что Рамзину и остальным приговоренным к расстрелу вышло помилование. Такова же была позиция подавляющего большинства рабочих. Бакинские рабочие, например, настаивали: «Таких подлецов не стрелять надо, а на куски резать».

Особенно возмущало пролетариев, что вот, инженеры выучились на народные деньги, а теперь гадают, да еще при этом люди гибнут. О том, насколько основательны выдвинутые против «спецов» обвинения, рабочая масса не задумывалась. Правда, в конце обзора Лаврентий Павлович привел и критическое мнение о процессе Промпартии, оговорившись, что высказывавшие его лица давно уже разрабатываются ГПУ как «антисоветский элемент»: «В заключение интересно будет привести разговор сотрудников на постройке Дома связи на проспекте Руставели... Чертежник конторы Ястребов сказал: «Осадчий и Шеин, которые на Шахтинском процессе были общественными обвинителями и сидели рядом с государственным обвинителем Крыленко по левую сторону, теперь сами являются подсудимыми». Счетовод Петров ему на это ответил: «Остался только один Крыленко на левой стороне». А бухгалтер Блажиевский закончил разговор следующими словами: «Ничего, на следующем процессе и Крыленко будет сидеть на правой стороне суда».

И ведь как в воду глядел тифлисский бухгалтер Блажиевский! В 1938 году прокурор Н.В. Крыленко был арестован и расстрелян. Правда, судила Николая Васильевича Военная коллегия Верховного суда в ускоренном порядке, без участия обвинения и защиты, так что на скамье подсудимых несчастному пришлось томиться очень недолго – от силы пару часов.

Сталин тоже прочел подготовленную ГПУ сводку откликов о процессах над «вредителями». Может быть, даже заимствовал оттуда идею насчет Крыленко. Главное же, Иосиф Виссарионович убедился: народ жаждет крови своих врагов и, пожалуй, с особым удовлетворением воспримет казнь бывших членов компартии. Большевиков рабочие и крестьяне не шибко жалуют. А тут появится возможность все тяготы «сплошной коллективизации» и «ускоренной индустриализации» свалить на «плохих большевиков», отведя критику от главного большевика и немногочисленной группы «твердых сталинцев». Это изверги Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Рыков, Каменев и Сокольников и прочие организовывали диверсии, уничтожали хлеб, чтобы спровоцировать голод, организовывали саботаж заданий пятилетки. А им помогали десятки, сотни тысяч троцкистов и бухаринцев по всей стране. Вот на кого можно было спокойно списать ошибки, произвол и бесхозяйственность номенклатуры всех уровней.

Но необходимо отметить, что уже тогда Лаврентий Павлович не только занимался фальсификацией дел против «врагов народа», но и пытался исправить некие особенно вопиющие пороки судебно-следственной практики. Так, 20 октября 1930 года он представил доклад «Об основных недочетах в работе судебно-следственных органов и прокуратуры». Там, в частности, утверждалось: «В работе судебно-следственных органов Грузии отмечается отсутствие плановости, неудачный по своей квалификации подбор работников, неувязка в работе отдельных звеньев судебно-следственного аппарата, слабое, а временами полное отсутствие делового руководства и надзора со стороны прокуратуры и т. д.». Берия указывал на «необходимость укомплектования судебно-следственных органов партработниками, политически и

теоретически достаточно подготовленными, а для поднятия квалификации уже работающих в аппарате лиц – организовать краткосрочные подготовительные курсы». Он призывал «усилить борьбу с хозяйственными преступлениями, используя при этом все способы для выявления нарушений революционной законности, а также участие органов прокуратуры в деле проведения ударных кампаний: хлебозаготовки, посевкампании, индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и др. Усилить инструктаж Верховного суда и надзор прокуратуры над деятельностью судебных органов. Повести решительную борьбу с текучестью личного состава сотрудников судебно-следственного аппарата. Воздержаться от частых перебросок работников внутри судебно-следственных органов. Принять срочные меры к безотлагательному разбору дел, залежавшихся у следователей и суда».

Что и говорить, меры разумные, но в конкретных условиях 30-х годов не слишком актуальные. Не за горами была Большая чистка, когда текучесть сотрудников следствия, суда и прокуратуры достигла предела, а судопроизводство велось по упрощенной и ускоренной схеме разного рода особыми «тройками» и «двойками». Под конец жизни Лаврентий Павлович попытался упразднить последний внесудебный орган – Особое совещание при МВД, но не успел, и по иронии судьбы стал последней жертвой другого внесудебного органа – Специального судебного присутствия, судившего участников мнимого «бериевского заговора» без участия прокуроров и адвокатов.

Берия приходилось заниматься не только судами, но и повседневными нуждами людей. Так уж сложилось исторически, что органы госбезопасности занимались не только своими прямыми обязанностями, но и народно-хозяйственными проблемами, и надзором за религией и культурой, и повседневным бытом, ибо всюду возникали весомые поводы для «антисоветских настроений», за всеми сферами народной жизни нужен был глаз да глаз.

20 ноября 1930 года Берия и Реденс подготовили совместный доклад «О настроении рабочих и служащих города Баку и его районов в связи с продзатруднениями». Картина представляла удручающая: «Рабочий (член партии) газового отдела Сураханского района в заявлении, поданном в Сураханский райсовет относительно квартиры, дает оценку переживаемого момента с явно антисоветской точки зрения. «Нас не считают за людей. Действительно большое сходство настало современной политики с политикой Николая II-го... Заставляют идти к царю – с петициями в Райсовет... Товарищи Райсоветчики, выжмите из своих мозгов искру сочувствия к рабочим».

На заседании бюро ячейки, где заявление рабочего было осуждено как антипартийное, он разорвал партбилет и заявил о выходе из партии». Царские времена с ностальгией вспоминал старый беспартийный рабочий Илья Чернов, проработавший на бакинских заводах более 40 лет: «Раньше Николай плохой был, а жили как люди. Теперь говорят хорошо, а нигде ничего не добьешься. Не разберешь, что делается. Советская власть нехорошо делает». А беспартийный рабочий 1-го Бурового управления Ленинского района Александр Клейн возмущался: «В наших газетах пишут, что в Германии рабочие живут плохо, что там ничего нет, большая безработица и т. д. Все это неправда. В Германии лучше живется рабочим, чем в СССР. Вот приезжали из Германии и рассказывали, что у них прислуга ходит в лучшей одежде, чем мы».

«Ни в одном государстве нет такого хаоса, как у нас, – утверждал хронометрист отдела турбинного бурения беспартийный М. Шишков. – А главковерхи везде и всюду кричат о том, что мы выполняем пятилетку и догоняем Америку. Таких порядков нет даже в самой отсталой стране, к примеру в Индии. Рабочий кушает как свинья, а если станет говорить правду, то его считают антисоветским элементом. Все отправляют за границу, нас морят. А теперь там не принимают, так давай нас давить очередями. На собраниях кругом кричат – у нас есть, у нас много. А мы хлопаем. Дураками нас считают. Мы же все понимаем и прохлопали все хорошее». А рабочий завода имени Пятакова перс Исмаил Хазрат был краток, но категоричен:

«Кто сказал, что это продовольственные затруднения. Это приходит время, когда большевики должны подохнуть».

Во главе коммунистов Закавказья

Составлять и подписывать секретно-осведомительные сводки Лаврентию Павловичу пришлось все время пребывания на высоких чекистских постах, на которых он оставался до ноября 1931 года, когда его сделали первым секретарем Компартии Грузии и вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП (б). Тогда же по случаю десятилетия Грузинской ЧК председатель ОГПУ В.М. Менжинский издал специальный приказ, где с большим удовлетворением отметил, что «огромная напряженная работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы под бессменным руководством тов. Берии, сумевшего с исключительным чутьем всегда отчетливо ориентироваться и в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи, и в то же время личным примером заражать сотрудников, передавая им свой организационный опыт и оперативные навыки, воспитывая их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету». На следующий год Лаврентий Павлович стал един в трех лицах, возглавив парторганизации Закавказья, Грузии и Тбилиси. К ордену Красного Знамени Грузинской ССР на груди Берии добавились такие же ордена РСФСР, Армянской ССР и Азербайджанской ССР. В 1934 году на XVII съезде партии его сразу же избрали полноправным членом ЦК.

13 июля 1932 года, полгода спустя после того, как в конце октября 1931-го он был назначен 2-м секретарем Закрайкома ВКП(б), Берия написал секретарю ЦК Кагановичу достаточно традиционное для местных руководителей письмо, где просил снизить план сельхоззаготовок и помочь техникой: «Дорогой Лазарь Моисеевич! В настоящее время уже представляется возможным подвести некоторые итоги нашей работы за истекшие 6 месяцев... Общая площадь посевов этого года превысила на 19.261 га площадь посевов прошлого года. Посевной план в целом выполнен на 97,3 %... по хлопку на 101,6 %, по табаку на 93 %, по чаю – на 93,8 %, по винограду – на 97 %.

Хлебозаготовки этого года потребуют огромного напряжения. Прежде всего, о плане. Мы очень тщательно подсчитали, проверили и пришли к убеждению, что заданная Закавказью цифра чрезмерно велика, непосильна и попытка ее реализации может создать крупные осложнения.

Фактически заготовительный план по Закавказью оставлен центром на уровне прошлого года, хотя в постановлении ЦК ВКП(б) и Правительства говорится о снижении плана на 1 млн пудов. В прошлом году крестьянскому сектору было задано 4.044.000 пудов. Вместе с заданием по совхозам (400 пудов) и с гарнцевым сбором – это составит кругом 5 млн пудов, т. е. столько же, сколько и в прошлом году. Видимо, в центре не учли имеющийся у нас недосев 1931 года, который удалось ликвидировать только частично (по Грузии недосев выражается в 60.000 га). В прошлом году задание по хлебозаготовкам в порядке «встречных» планов было перевыполнено, но деревня оказалась накануне восстания, мужик уходил в лес.

В этом году, благодаря большому неурожаю, перспективы значительно хуже. Неурожай, вызванный сильной засухой, охватил почти все Закавказье, в особенности Грузию и Армению. При таких условиях нам волей-неволей приходится ставить вопрос о снижении хлебозаготовок до уровня реальных возможностей.

Мы подсчитали, что по крестьянскому сектору сможем заготовить не более 2,5 млн пудов, по совхозам 538.000 пудов и гарнцевого сбора 568.000 пудов, итого 3.605.000 пудов (кругло). Таким образом, нам план должен быть снижен примерно на 1,5 миллиона пудов. Это абсолютно необходимо, иначе мы не гарантированы от повторения рецидивов прошлого года.

Вопрос хлебозаготовок стоит остро и требует скорейшего разрешения. Перепись скота, проведенная в этом году, показала огромное снижение поголовья в Закавказье. Так, по Грузии

численность КРС 1569.600 голов, оказалось в наличии – 1.378.500, мелкого скота – 1653.600, оказалось в наличии – 896.774, свиней – 320.000, оказалось 198.597.

Огромное снижение поголовья, явившееся следствием перегибов, допущенных в прошлом, чрезвычайно затруднило выполнение плана по скотозаготовкам... План 10 мая постановлением ЦК и СНК СССР уже снижен с 38 тыс. т до 28 тыс. т живого веса, но и этот план является напряженным и больше фактически заготовленного на 4 тыс. тонн... Лишь 19 районов Грузии не дефицитны по мясу». Берия жаловался, что общий товарный выход мяса составил 3805 тонн при плане в 4500 тонн: «Выполнение этого плана (4500 тонн) должно, следовательно, пойти в известной своей части за счет значительного уменьшения поголовья, и без этого пострадавшего за последние годы».

Он отметил и остроту финансовой проблемы, связанной с дефицитом товаров для населения: «Проводящиеся в настоящее время заготовки технических культур (коконов и пр.) сильно тормозятся благодаря отсутствию дензнаков. Ежедневно с мест поступают десятки телеграмм, которые Госбанк не в состоянии удовлетворить. За отсутствием денежных средств задерживается также выдача зарплаты, что вызывает повсеместно большое недовольство. При этом следует отметить, что мобилизация денежных ресурсов и реализация займа протекают у нас далеко не плохо. По мобилизации денежных ресурсов контрольная цифра выполнена на 93 процента (данные на 5 июля по Грузии), по займу на 75,9 процента.

Напряженность положения с денежными ресурсами в числе прочих причин объясняется значительным оседанием денег на селе. Товаропроводящая сеть на селе задерживает и замедляет оборот средств, с другой стороны, развитие колхозной торговли не обеспечено еще в достаточной мере товарами ширпотреба, способствует накоплению денежных средств у крестьян. Приток средств в деревню в настоящее время далеко превышает возможности мобилизации средств у населения, и это создает кассовый разрыв, больно ударяющий по хозяйственным организациям и начинаниям».

Берия не забыл и родную Грузию. Из двух вариантов строительства новых коксовых установок, в Гяндже или Ткварчели, он ратует за последний: «Где строить в Закавказье коксовые установки: в Гяндже или Ткварчели. И тот, и другой варианты имеют своих сторонников и противников. Мне, однако, кажется, что все преимущества на стороне Ткварчельского варианта. Научные исследования и расчеты, произведенные в связи с этим отдельными специалистами и комиссиями специалистов, с несомненностью устанавливают выгоду постройки коксовых установок именно в Ткварчели, вблизи угольных месторождений.

Сторонники Гянджинского варианта обосновывают постройку коксовых установок в районе Гянджи тем, что отходные газы коксовых печей можно будет использовать для обогрева доменных печей. Газы коксовых печей, между тем, являются ценнейшим сырьем для промышленности и использовать их для сжигания это значит совершить преступление.

Принятие Ткварчельского варианта означает постройку в Ткварчели крупного коксового комбината, который помимо кокса для Дашкесана даст: азотистые удобрения (до 75 тыс. тонн), синтетический аммиак, сульфат аммония, искусственный спирт и другие крайне нужные продукты для развития ценнейших культур в Западной Грузии.

От постройки коксовых печей вблизи металлургических заводов с использованием коксовых газов для обогрева домен отказались не только передовые страны Запада, но и наши строители». Берия доказывал, что Ткварчельский вариант даст экономию в 4 млн рублей – иначе придется возить уголь и дефицитную воду в Дашкесан и использовать для этого дополнительно 28 тыс. вагонов.

Лаврентий Павлович предлагал разводить в Колхиде субтропические культуры: цитрусовые и чай, для чего требовалось осушение болот. И настаивал на строительстве нового паровозо-ремонтного завода в Тифлисе, поскольку старый, возведенный еще в 1883 году, устарел морально и физически.

Берия просил Кагановича помочь с автотранспортом: «С мест идут буквально вопли о помощи транспортными средствами... Мы стоим перед угрозой гибели части урожая технических культур, которые не удастся вывезти даже при условии мобилизации всего имеющегося авто- и гужевого транспорта. Я уже не говорю о том, что за отсутствием легковых машин чрезвычайно затрудняется связь с районами и срывается выполнение срочных заданий. Аппарат ЦК имеет на ходу только одну машину, которая к тому же по несколько раз в неделю портится.

В переговорах с Вами и с товарищем Молотовым мне было обещано выделить для Грузии известное число грузовых и легковых автомашин и автобусов. До сих пор, видимо, не представлялось возможным реализовать это обещание. Очень прошу помочь нам в этом деле. Нам нужно на первое время 15–20 легковых машин (фордов), 20 грузовиков, 10–15 автобусов. Это наша минимальная потребность, и я думаю, что в интересах дела ее нужно удовлетворить еще в текущем квартале».

Замечу, что требования главы коммунистов Грузии более чем скромные. Подозреваю, что накануне Первой мировой войны кавказский наместник имел парк легковых автомобилей побольше, чем Лаврентий Павлович почти два десятилетия спустя.

Особо жаловался Берия на работу столь близких Кагановичу железных дорог: «Работа Закавказских железных дорог все время ухудшается, особенно начиная с мая месяца. Если в 1931 году Закавказские железные дороги по своим показателям занимали первое место среди дорог всего Союза, то в настоящее время они сползли на 9 место с тенденцией к дальнейшему ухудшению. По оценке НКПС, Закавказские железные дороги по состоянию скоростной езды, ремонта паровозов и их эксплуатации стоят на одном из последних мест... Основной причиной создавшегося положения, несомненно, является неслаженность руководства дороги и ее дирекции. Отсюда отсутствие дисциплины, интриги, групповая борьба, дезорганизация аппарата и проч. Нет твердой руки в управлении, во всех вопросах проявляется какая-то мягкотелость, половинчатость, нерешительность.

Нужно этому положить конец. Нужно, чтобы НКПС вплотную занялся Закавказскими дорогами и как следует расшерстил аппарат во главе с дирекцией.

На днях по этому вопросу имел разговор с т. Папулия Орджоникидзе. Я ему прямо сказал, что нельзя со всеми драться, нельзя вечно быть на ножах с руководящим составом дирекции, с отделами, с секретарем ЗКК по транспорту, с ДТО ОГПУ и др. Нужно наладить, наконец, деловую работу. Тов. Папулия со мной как будто согласился и обещал наладить отношения. Что из этого выйдет, не знаю».

Немного забегу вперед и скажу, что ничего путного из обещаний старшего брата Серго Орджоникидзе не вышло, и именно его несостоятельность как хозяйственника создала в дальнейшем хороший предлог для ареста несчастного Папулии Константиновича. Он был осуществлен по указанию Сталина новоназначенным наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым 27 октября 1936 года, в день 50-летнего юбилея Серго.

Берия покритиковал и недавно смещенного с поста первого секретаря Закавказского крайкома Мамию (Ивана) Орахелашвили: «Тов. Мамия Орахелашвили продолжает быть недовольным и дуется. Он даже перестал ходить на бюро ЦК. Теперешним положением он определенно не доволен, хотя я делаю все, чтобы избежать в пределах возможности столкновения с ним. Он, видимо, не понимает или не хочет понять, что для создания деловой атмосферы: для выполнения тех задач, которые поставлены перед нами решениями партии и правительства и Вашими указаниями, нужна твердая рука, нужна решительность и четкость в работе, и больше всего в этом нуждается грузинская организация, в которой со времени ухода тов. Серго не прекращались интриги и групповая борьба.

Только твердая рука, последовательная и ясная позиция могут создать деловую атмосферу работы и покончить с бесконечными склоками, разъедавшими организацию. Это лучше

всего подтвердилось опытом истекших 7–8 месяцев работы, и я думаю, что этот опыт для многих (за исключением, может быть, тов. Мамия) не прошел даром.

На этом опыте, в этой атмосфере – люди научились по-новому работать, по-новому подходить к делу, и мне думается, что уже это одно является немаловажным достижением».

К письму Лаврентий Павлович добавил от руки очень многозначительный постскрипtum: «Был два раза у т. Коба и имел возможность подробно проинформировать его о наших делах. Материалы по вопросам, затронутым в этом письме, переданы также товарищу Коба».

Значит, Берия в то время был уже вхож к Сталину и делал красноречивый намек Лазарю Моисеевичу, что просьбы закавказских коммунистов, скорее всего, будут удовлетворены генсексом. Лаврентий Павлович знал, что группировка Орджоникидзе – Ломинадзе впала в немилость у Сталина, и не пожалел критических стрел в адрес близкого к ней Орахелашвили и брата Серго Орджоникидзе Папулию (оба они погибли во время Большой чистки). Очевидно, аргументы, изложенные в письме, нашли понимание у Иосифа Виссарионовича. В октябре 1932 года Берия был утвержден главой коммунистов Закавказья.

О конфликте Берии с Орахелашвили, случившемся в 1932 году, рассказывал в конце 70-х Ф. Благовещенскому один из ближайших соратников Берии П.А. Шария: «Конфликт дошел до того, что обоих вызвали в Москву, чтобы там сделать выбор в пользу одного».

В это время Акопов, секретарь Тбилисского горкома, явился на партсобрание в ИМЛ Грузии (который возглавлял Шария. – Б. С.), чтобы «пронюхать», куда же идет дело: он был уверен, что Шария это знает. А тот «не знал» и в своем выступлении говорил о том, что нужно усилить воспитательную работу, что приоритет слишком отдан работе организационной. Акопов на основе этого решил, что победа будет за Орахелашвили, – и соответствующим образом себя повел. Но тут сделался известным противоположный выбор Москвы – и Акопов поспешил в Орджоникидзе (Владикавказ), чтобы встретить возвращающегося с победой Берию и на аэродроме сказать ему о «провокации», которую организовал Шария в своем институте.

Вскоре после этого в ИМЛ отмечали 40-летие литературной деятельности Горького. Шария опаздывал (был у больной матери), просил подождать, но заседание начали без него. Когда он явился, то взял из зала и вместе с собой провел в президиум Марию Орахелашвили (жену только снятого и переведенного в Москву первого секретаря Закрайкома Мамии Орахелашвили. – Б. С.) – старую большевичку, наркома просвещения, члена правления института. Это было сочтено за демонстрацию, и вскоре Шария «сам ушел» из института. За девять месяцев опубликовал три книги. Потом под угрозой исключения из партии (этот ультиматум ему предъявил сам Берия) снова вернулся на партийную работу...

В конфликте Берия – Орахелашвили Шария «не хотел групповщины, считал, что «виноваты обе стороны», и «прямо говорил» им об этом. Но, «конечно, правильно» решение в пользу Берии. «Берия – фигура, – говорит Петр Афанасьевич «конфиденциально», и кулак его сжимается, как бы отражая волевой характер «фигуры» (что-что, а сильная, жестокая воля, до беспощадности к другим, у Лаврентия Павловича действительно была. – Б. С.), – а Орахелашвили...» – и рука бессильно-недоумевающе расслабляется, и фраза остается незаконченной. Он прибавляет про Берию: «Но дальше республики я бы его не пустил». Лаврентием Павловичем он не назвал его ни разу».

Что ж, насчет того, что политический потолок Берии – это руководство республиканской парторганизацией, Шария, пожалуй, прав. Только неизвестно, зародилось ли это мнение у Петра Афанасьевича еще в 30-е годы или уже во Владимирской тюрьме, после падения неудачливого патрона. Лаврентий Павлович действительно преуспевал в Москве только тогда, когда выполнял административно-технические функции: по указанию Сталина чистил НКВД от людей Ежова, руководил народным хозяйством в годы войны, возглавлял работу по созданию ядерного и термоядерного оружия. Попытка же играть самостоятельную политическую роль после смерти Сталина за какие-нибудь три месяца закончилась полным крахом.

Шария также говорил диссиденту Р.И. Пименову, вместе с которым сидел во Владимирской тюрьме, о довольно низком уровне бериевской эрудиции. Пименов вспоминал: «Интеллектуальнейшим из бериевцев был Шария. Издавна он был секретарем Берии то по науке, то по иностранным делам, а Берия бесподобно умел подбирать людей. О самом Берии Шацкин как-то сострил: «Со времен Гутенберга Берия не прочитал ни одной книги», – и, пересказывая мне этот анекдот, все бериевцы соглашались с расстрелянным Шацкиным; Людвигов дополнял, что, требуя от него достать какую-нибудь книгу, Берия не умел назвать ни автора, ни заглавия книги, ни о чем она, а описывал ее цвет, формат, толщину, у кого в руках видел. К слову, четко следуя газетным установкам момента, они Берию иначе как «людоедом» не честили, кто чаще, кто реже, кто сквозь зубы, кто пламенно. Но у Берии был нюх на способности людей (отмечали они, отдав дань хуле), и главным его принципом был подбор по деловым качествам. Гарантию же преданности себе он усматривал в том, что объединял на близких должностях лиц, взаимно ненавидевших друг дружку. Этим в зародыше пресекался какой бы то ни было заговор против него: прежде взаимно донесут (весьма своеобразная система «сдержек и противовесов». – Б. С.). И хотя ко времени знакомства со мной все жизненные грозы уже отшумели для этих бериевцев, уже с десяток лет они находились в тюрьме, – они продолжали ненавидеть один другого, что было заметно».

Понятно, что в условиях тюрьмы никто из заключенных не рискнул теплым словом отозваться о Лаврентии Павловиче. Кто-нибудь из сокамерников обязательно донесет, что имярек восхваляет «врага народа». А за это грозил карцер или, в худшем случае, даже дополнительный срок. Тем более что жили бериевцы во Владимирке, как пауки в банке. Шария, тот и на свободе в беседе с посторонними на всякий случай даже не называл Берию по имени-отчеству – чтобы не заподозрили в симпатии к «лубянскому маршалу». Но вот насчет того, что книг Берия почти не читал, по крайней мере художественных, возможно, академик был недалеко от истины. Об этом ведь пишет и его сын Серго, упирая, правда, на то, что отец больше налегал на книги по истории и экономике. На самом деле, как я думаю, Берия, как и другие советские чиновники его ранга, читал главным образом сравнительно короткие справки по тем или иным актуальным вопросам, подготовленные для него референтами, в том числе и интеллектуалом Шарией. Да и письмо Меркулова, которое я привожу ниже, свидетельствует, что Берия больше полагался на эрудицию своих помощников, чем на свою собственную.

А вот насчет бериевского чутья на людей Пименов не ошибся. Помощников себе Лаврентий Павлович подбирал исключительно по деловым качествам, и весьма удачно. И не только подбирал, но и умел заставить делать именно то, что в данный момент было необходимо. Иначе не получил бы Советский Союз в рекордно короткий срок атомной и водородной бомбы и ракетного оружия.

Надо признать, что процитированное выше письмо Берии Кагановичу – отнюдь не уникальный документ. В партийных архивах сохранилось немало подобных же писем и шифрограмм как самого Берии, так и других глав обкомов и республиканских парторганизаций. В них красной нитью проходят просьбы о снижении плана по поставкам зерна, мяса и другой сельхозпродукции. В то же время секретари обычно ратовали за размещение на подведомственных территориях объектов тяжелой индустрии, хотя одновременно жаловались на товарный голод – острую нехватку продовольствия и товаров повседневного спроса. Парадокс объяснялся просто. В условиях централизованного снабжения всеми ресурсами размещать в своей республике или области предприятия легкой промышленности или крупные пищевые комбинаты с точки зрения местной партийной власти было бессмысленно. Львиная часть их продукции все равно бы забиралась в другие регионы для поддержки рабочих, занятых на предприятиях тяжелой промышленности, которые, как правило, имели оборонное значение. Так что, разместив у себя металлургический, нефтеперерабатывающий или машиностроительный

заводы, можно было быть уверенным, что поставки продовольствия и ширпотреба в регион значительно увеличатся.

Но наивно было бы думать, что просьбы об уменьшении плановых сельхозпоставок вызывались только заботой о населении своих областей, краев и республик. На самом деле невыполнение планов вполне могло стоить местному партийному боссу поста, а в 1937–1938 годах – и головы. Хлопоча о корректировке планов в сторону снижения, Берия, Хрущев, тот же Каганович в бытность его главой коммунистов Украины, и многие другие заботились также о собственной шкуре. Хотя и сочувствие к несчастным крестьянам у них присутствовало. Берия, напомню, вырос в крестьянской семье, не понаслышке знал о тяжелом труде землепашца. Другое дело, что если из центра следовал категорический приказ, Лаврентий Павлович, Лазарь Моисеевич, Никита Сергеевич и прочие руководители краев, областей и республик тех же крестьян не щадил, равно как и рабочих, трудовую интеллигенцию и своих товарищей-партийцев. Замечу, что многих, например Павла Петровича Постышева, даже повышенное рвение в расправе с «врагами народа» не спасло от гибели в огне костра Большой чистки. Но Берия тогда уцелел.

Нередко Лаврентию Павловичу удавалось хоть немного облегчить жизнь своих земляков. Так, 2 января 1938 года Сталин телеграфировал ему о своем принципиальном согласии продавать дешевый хлеб совхозным рабочим: «Не возражаем против продажи хлеба рабочим животноводческих совхозов по 5 рублей пуд. Необходимо только знать, какое количество хлеба будет продано рабочему, и вообще нужно установить норму для каждого». Что ж, учет и контроль для Иосифа Виссарионовича – прежде всего.

При чтении письма Берии Кагановичу бросается в глаза, что глава коммунистов Закавказья весьма умело лоббировал интересы края и особенно родной Грузии, с хорошим знанием технических деталей (пригодилось соответствующее образование и грамотные помощники). Разумеется, когда Лаврентий Павлович ратовал за размещение в Ткварчели коксовых установок, он не знал, что через десять с небольшим лет ему придется руководить самой важной оборонной отраслью Советского Союза – атомным проектом, подчинившим своим нуждам всю экономику и лучшие научные силы страны.

В период руководства Берии парторганизациями Грузии и Закавказья произошло два инцидента, в которых уже после падения «лубянского маршала» старались увидеть им же организованные провокации с целью втереться в доверие к Сталину. В сентябре 1933 года вблизи Гагр в Абхазии в сторону находившегося там на отдыхе Иосифа Виссарионовича было произведено несколько выстрелов. После ареста Берии стали говорить, что он специально инсценировал покушение на вождя, чтобы закрыть его своим телом и тем доказать свою преданность и незаменимость. Об этом событии вспоминает со слов отца и Серго Берия: «Бытует версия, что в сентябре 1933 года мой отец якобы инсценировал покушение на Сталина, когда тот отдыхал на одной из южных дач (начальник личной охраны Сталина Н.С. Власик в мемуарах ошибочно относит покушение к лету 1935 года. – Б. С.). Цель понятна – заслужить благосклонное отношение вождя. Небылиц на сей счет написано много, а вот что происходило в действительности.

Существовали так называемые особые периоды. Это когда Сталин где-то отдыхал. Так было и в тридцать третьем. Все знали, что Сталин уехал в Москву. И начальник ГПУ Абхазии Микеладзе, очень хороший, кстати, человек, решил отдохнуть. Выехал с друзьями, как говорится, «на природу», слегка расслабиться. Развлекались на берегу. Выпили, закусили, и тут Микеладзе увидел пограничный катер. Здесь, на его беду, и пришла в голову мысль прокатиться всей компанией, а в ней были и женщины.

Кроме того, что Микеладзе руководил органами государственной безопасности Абхазии, ему, как начальнику оперативного сектора, подчинялись и пограничники. Но как остановить пограничный катер? Начал стрелять в воздух, пытаясь привлечь внимание экипажа. Подчер-

квиваю, в воздух – не по катеру. Кто мог знать, что на борту пограничного корабля находился в это время Сталин...

Факт стрельбы зафиксировали и начали разбираться. Нашлись горячие головы, которые тут же расценили это как террористический акт: мол, Микеладзе покушался на жизнь главы государства. Так пьяная выходка переросла в покушение.

Отцу все же удалось отстоять тогда Микеладзе, тот отделался снятием с работы и переводом на низовую должность в Грузию. Он бывал у нас дома с женой и сокрушался, как несправедливо с ним обошлись. Отец говорил ему:

– Слушай, ну что еще можно было сделать? Ты же сам понимаешь, что происходит. Вот меня даже упрекают, что я укрываю террориста. Считай, что еще легко отделался.

Мама тоже переживала за эту семью...

Словом, Микеладзе уехал в Грузию и об этом досадном недоразумении начали потихоньку забывать, но не все, разумеется.

Когда умер председатель Совнаркома Абхазии Лакоба (в декабре 1936 года; Берия после ареста обвинили в том, что он будто бы отравил Лакобу. – *Б. С.*), его смерть связали с Микеладзе. А там вот какой случай произошел. Еще при жизни Лакобы на его даче из его же револьвера застрелилась дочь председателя Госбанка Розенгольца. Увязали и с этим фактом. Выстроили версию – специально из Москвы следователь приехал! – будто бы эта девушка подслушала разговоры заговорщиков и ее таким образом «убрали». ГПУ Абхазии к расследованию не допустили. Состоялся суд, и несколько человек были осуждены к расстрелу, в том числе и «террорист» Микеладзе. Правда, я слышал, что московские следователи обещали ему освобождение и выдачу других документов. Якобы его расстрел был фиктивным, а решение по Микеладзе принималось чуть ли не на самом «верху». Исходили из того, что сломить Микеладзе не удалось – он был действительно очень сильным человеком, – и решили взять уговорами. Но утверждать, что бывшему руководителю ГПУ Абхазии удалось в действительности избежать тогда расстрела, я, естественно, не могу».

Бывший начальник сталинской охраны генерал-лейтенант Н.С. Власик описал инцидент под Гаграми несколько иначе: «Летом 1935 года было произведено покушение на товарища Сталина. Это произошло на юге. Товарищ Сталин отдыхал на даче недалеко от Гагр.

На маленьком катере, который был переправлен на Черное море с Невы из Ленинграда Ягодой, т. Сталин совершал прогулки по морю. С ним была только охрана. Направление было взято на мыс Пицунда. Зайдя в бухту, мы вышли на берег, отдохнули, закусили, погуляли, пробыв на берегу несколько часов. Затем сели в катер и отправились домой. На мысе Пицунда есть маяк, и недалеко от маяка на берегу бухты находился пост погранохраны. Когда мы вышли из бухты и повернули в направлении Гагр, с берега раздались выстрелы. Нас обстреливали.

Быстро посадив т. Сталина и прикрыв его собой, я скомандовал мотористу выйти в открытое море. Немедленно мы дали очередь из пулемета по берегу. Выстрелы по нашему катеру прекратились.

Наш катер был маленький, речной и совершенно непригодный для прогулок по морю, и нас здорово поболтало, прежде чем мы пристали к берегу. Присылка такого катера в Сочи была сделана Ягодой тоже, видимо, не без злого умысла – на большой волне он неминуемо должен был опрокинуться, но мы, как люди не сведущие в морском деле, об этом не знали (но так покушения не устраивают: по принципу «то ли перевернется, то ли нет». – *Б. С.*).

Это дело было передано для расследования Берии, который был в то время начальником ЦК Грузии. При допросе стрелявший заявил, что катер был с незнакомым номером, это показалось ему подозрительным и он открыл стрельбу, хотя у него было достаточно времени все выяснить, пока мы находились на берегу бухты, и он не мог нас не видеть.

Все это был один клубок. Убийство Кирова, Менжинского, Куйбышева, а также упомянутые покушения были организованы правотроцкистским блоком».

Николай Сидорович не питал никакой любви не только к Ягоде, но и к Берии, поскольку с его и Маленкова происками связывал свой арест в 1952 году после проведенной ревизии сталинской obsługi (тогда выяснилось, что Власик обильно брал для собственных нужд коньяк и шампанское, икру и семгу и разные другие деликатесы, выписывавшиеся якобы для Сталина). И послушно повторял версию 1936–1938 годов, когда выстрелы у Гагр трактовались как покушение, организованное троцкистами и бухаринцами. Единственный факт, который бывший сталинский телохранитель передал верно, это то, что на допросах пограничники утверждали, будто катер вызвал подозрения и потому был обстрелян.

Документы расследования гагрского инцидента, цитируемые Николаем Зеньковичем, свидетельствуют, что все происшедшее квалифицировалось как недоразумение, когда «своя своих не познаша». При этом пограничники показали, что действовали по инструкции: катер со Сталиным, мол, отсутствовал в представленной им заявке на прохождение в охраняемой зоне. Командир пограничников Лавров заявил, что, увидев движущийся незаявленный катер, пересекавший подведомственную зону, то есть погранзаставу «Пицунда», он сигналами повел катеру пристать к берегу. А поскольку тот продолжал двигаться прежним курсом, произвел несколько выстрелов вверх.

Подобные объяснения выглядели вполне естественно в тех условиях. Не могли же Микеладзе, Лавров и другие пограничники и чекисты признаться в том, что устроили веселый пикник с девочками и спьяну решили покататься на катере. Версия же о том, что это была устроенная Берией инсценировка с целью повышения своей популярности у Сталина, не выдерживает никакой критики. Интересно, каким образом ему удалось уговорить Микеладзе принять участие в такого рода спектакле. Начальник ГПУ Абхазии должен был понимать, что за происшедшее его по головке не погладят, даже если в результате никто не пострадал. И Берия был совершенно прав, когда говорил Микеладзе, что тот еще легко отделался – простым понижением в должности (Лаврову пришлось хуже – дали пять лет). Но даже если бы Микеладзе заранее знал, что наказание этим ограничится, ему все равно не было бы никакого резона участвовать в столь опасной постановке. Да и Берии устраивать подобные игры не было никакого смысла. Хотя непосредственной ответственности за инцидент он не нес, часть вины все равно Иосиф Виссарионович мог возложить на главу грузинских коммунистов: как-никак, неприятность случилась на подведомственной ему территории. К тому же в случае инсценировки никто не стал бы выдавать попытку покушения за халатность, как это было сделано в ходе официального расследования. Тогда бы уж Лаврентию Павловичу логичнее было сделать так, чтобы покушавшиеся погибли в перестрелке. И никаких концов бы не осталось!

Подчеркну также, что ни осенью 1933 года, ни годом позже никаких драматических ускорений в карьере Берии не произошло. Нет ни малейшего признака, что именно после инцидента в Абхазии Сталин стал более благосклонно относиться к Лаврентию Павловичу.

В принципе, происшествие под Гаграми стало следствием обычной советской халатности. О поездке Сталина на катере должны были вовремя оповестить пограничников и абхазских чекистов. Сделать это должен был тот же Власик и глава ГПУ Грузии Д.С. Киладзе (расстрелян в 1937 году, так же как и Микеладзе и Лавров). Но оповестить-то как раз и было затруднительно, поскольку Микеладзе и Лавров в этот момент безмятежно пьянствовали на природе и на своих рабочих местах отсутствовали. А когда Власик в мемуарах рисует умильную картину, как он закрыл вождя своим телом, – это просто запоздалая попытка оправдать собственное разгильдяйство. Я таки уверен, что ни Власик, ни Берия тогда Сталина своей грудью от пуль не закрывали, тем более что ни одна из выпущенных в воздух пуль до катера так и не долетела.

Другое дело, что в 1937-м, в период Большой чистки, когда всюду изыскивали врагов народа и раскрывали покушения на Сталина и других вождей, грех было не вспомнить стрельбу под Гаграми. И тогдашний глава НКВД Грузии С.А. Гоглидзе, в 1953-м расстрелянный вместе с Берией, представил, наверняка с подачи Ежова, все происшедшее как теракт. Микеладзе

арестовали, а Лаврова доставили в Тбилиси из лагеря, заставили признаться и расстреляли. Но всего этого осенью 1933-го Лаврентий Павлович предвидеть, естественно, еще не мог. Потому вполне искренне утешал Микеладзе, что тот легко отделался.

Зачем же все-таки следователи Руденко и Москаленко в 1953 году так упорно старались приписать Берии инсценировку покушения на Сталина? Даже если бы это и было правдой, подобное деяние и под статью-то подвести было бы трудно. Разве что обвинить Лаврентия Павловича в мошенничестве? Полагаю, что сверхзадачей тут было попытаться объяснить как широким массам, так и номенклатуре, почему Берия оказался столь приближен к Сталину. Требовалось убедить народ, что Лаврентий Павлович пролез наверх путем всевозможных махинаций, а не за счет своих чекистских и организаторских талантов.

Был и еще один инцидент, в котором позднее заподозрили срежиссированную Берией инсценировку. Летом 1937 года во время поездки в Сухуми он пережил покушение на свою жизнь. Лаврентий Павлович остановил машину на окраине города и вышел поразмяться. Вдруг из-за кустов выскочили трое неизвестных с пистолетами. Личный телохранитель Берии чекист Борис Михайлович Соколов успел закрыть его своим телом и тоже обнажил «вальтер». Им на помощь бежали водитель и секретарь Абхазской парторганизации. Бандиты отстреливались. У Соколова правая рука была прострелена четырьмя пулями, и его пришлось срочно доставить в больницу.

Соколов оказался не только преданным телохранителем, но и талантливым писателем. Уже во второй половине 50-х годов он написал детективный роман «Мы еще встретимся, полковник Кребс», который переиздается и сегодня. Кстати, этот роман – единственный в советской литературе, где матерый иностранный шпион – резидент британской разведки Кребс, хотя и раненый, но благополучно уходит от преследующих его чекистов. Но что самое интересное, в этом романе, похоже, описано знаменитое покушение на Берию. Только отнесено оно на десять лет назад, в 20-е годы, и Берия там, разумеется, не фигурирует. Зато герой, имеющий явные автобиографические черты, становится жертвой этого покушения и получает тяжелое ранение в руку, которую приходится ампутировать. Не знаю, действительно ли сам Соколов в результате покушения лишился руки, но ранение он, во всяком случае, получил тяжелое. Это само по себе подрывает распространенную после ареста и казни Берии версию о том, что это покушение инсценировал сам Лаврентий Павлович, чтобы повисить свои акции в глазах Сталина. Однако обстоятельства покушения, как кажется, исключают инсценировку. Вряд ли бы Берия стал сознательно калечить своего телохранителя. И в любом случае пули пролетели рядом с Берией и вполне могли поразить и его, хотя бы за счет непредсказуемого рикошета. Скорее всего, главу коммунистов Грузии тогда обстреляли либо абхазские противники Советской власти (как в романе Соколова), либо просто уголовные бандиты.

Признаем, что Берия был не только хорошим чекистом (со всем, что с этим словом связано дурного), но и хорошим хозяйственником. Кстати сказать, насчет коксовых установок, упоминавшихся в письме Кагановичу, Лаврентий Павлович был совершенно прав. Действительно, за рубежом давно уже их предпочитали строить вблизи угольных месторождений и развивать коксохимию, а не сжигать ценный коксовый газ в качестве топлива. Характерно, что Берия не побоялся призвать брать пример с «передовых стран Запада». Очевидно, он вполне сознавал техническую отсталость России. Вполне возможно, что Лаврентий Павлович смог бы неплохо хозяйствовать не только в условиях жесткой советской административной системы, но и в условиях западной рыночной экономики. Как знать, не сложился ли бы по-другому его жизненный путь, если бы Берия все-таки отправился в начале 20-х учиться в Бельгию. Затем, быть может, стал бы невозвращенцем, занялся бизнесом, выбился в миллионеры, а то и в миллиардеры. Неслучайно же в 1953 году, войдя на короткое время членом высшего коллективного руководства страны, Берия ратовал за рыночные реформы.

Следует отметить, что финансовые трудности, равно как и трудности с выполнением плана государственных сельхозпоставок, оставались постоянным фоном пребывания Берии в Грузии и Закавказье. Задержки с выплатой зарплаты в 30-е годы были столь же обычным явлением в СССР, как и в России в 90-е. В конце 1936 года Лаврентий Павлович вновь писал Кагановичу: «Т. Лазарь Моисеевич! Как ни крутимся и прилагаем все силы, чтоб выйти из тяжелого положения с финансами, дело у нас все же плохо. У нас задолженность по зарплате, но очень большая, мы своими силами не вытянем. Почему так? 1) Товаров мало поступает в наш край. 2) Нет товаров для коммерческой продажи. Что касается сбора денресурсов, ты знаешь, что эта работа у меня поставлена хорошо, и во всем Союзе иду впереди всех. Отсутствие товаров нас режет. Нужно как-нибудь нам помочь. Все я сделаю, но без помощи центра с зарплатой не справлюсь. По всем этим вопросам посылаю т. Тер-Габриэляна. Помогите нам. Привет. Лаврентий».

Об одном из источников относительного финансового благополучия Закавказья при Берии Ежов, как председатель КПК, 6 сентября 1936 года докладывал Сталину: «Дело с кредитованием Самтреста Грузии проверил. Вина Марьясина целиком подтверждается. Финансовая сторона дела такова. В начале 1936 года бывший председатель Госбанка Калманович незаконно кредитовал Самтрест Грузии в размере 22,5 миллионов рублей. Марьясин не только не принял никаких мер к понуждению Самтреста погасить банковскую задолженность, но наоборот неоднократно отсрочивал очередные платежи и производил дальнейшее совершенно незаконное и неправильное кредитование Самтреста. Сверх 22,5 миллионов рублей... выдал еще дополнительную ссуду в 5300 тысяч рублей. В результате такого широкого кредитования задолженность Самтреста Госбанку на 1-е февраля 1936 года составляла 77 миллионов рублей». Марьясин получил строгий выговор и был отстранен от руководства Госбанком. Берия же не пострадал. Можно предположить, что кредиты Грузии отпускались с одобрения Сталина, Молотова или Кагановича, а потом крайним сделали близкого к Пятакову Марьясина, который вскоре был репрессирован. Вряд ли одной только Грузии отпускались кредиты такого рода. Вероятно, дело о незаконном кредитовании Самтреста понадобилось как предлог для устранения очередного «врага народа».

Берия немало сделал для развития культа Сталина в Закавказье. Под его именем вышла книга по истории большевистских организаций в крае, где главные заслуги в борьбе с царизмом приписывались «великому кормчему». Об этой книге, вызвавшей одобрение Сталина, мы скажем дальше.

А вот издание Берией сборника ранних сталинских работ Иосифу Виссарионовичу не понравилось. 17 августа 1935 года он телеграфировал из Сочи Кагановичу, Ежову и Молотову: «Прошу запретить Заккрайкому за личной ответственностью Берия переиздание без моей санкции моих статей и брошюр периода 1905–1910 годов. Мотивы: изданы они неряшливо, цитаты из Ильича сплошь перевернуты, исправить эти пробелы некому, кроме меня, я каждый раз отклонял просьбу Берия о переиздании без моего просмотра, но, несмотря на это, закавказцы бесцеремонно игнорируют мои протесты, ввиду чего категорический запрет ЦК о переиздании без моей санкции является единственным выходом. Копию решения ЦК пришлите мне».

Сталина, разумеется, не неточность заботила, а то, что его позиции тех лет по некоторым вопросам, упоминание в положительном контексте ряда имен не соответствовали политической конъюнктуре 30-х годов. Статьи надо было основательно почистить перед изданием, а услужливый Лаврентий, выпустив их в первоизданном виде, поставил своего покровителя в неудобное положение. Но этот грех Иосиф Виссарионович Берии простил. Тем более что тот активно занялся большим и нужным делом: организацией музея Сталина в Гори.

Об этом музее в 1934 году Заккрайком принял специальное постановление. На родине вождя предполагалось не только отреставрировать дом-музей, но и выстроить рядом киноте-

атр, драматический театр, библиотеку, гостиницу и Дом колхозника. Приехавшая в Грузию в сентябре 1935-го инструктор ЦК ВКП(б) Г.А. Штернберг докладывала Кагановичу: «В день приезда в Тифлис, 16-го, состоялось мое первое свидание с тов. Берия, который в общих чертах ознакомил меня с тем, что намечается в деле благоустройства и реконструкции Гори.

Основные положения по данному вопросу нашли уже отражение в постановлении Закавказского крайкома (№ 11, от 3/Х – 34 г.). Указанным постановлением поручается специалистам составить в 2¹/₂ месяца проекты и сметы по постройке театра, кино, гостиницы, Дома крестьянина, библиотеки-читальни и по работам реставрации дома, в котором жил тов. Сталин. Одновременно с этим же постановлением решено построить заводы известковый и кирпичный для данного строительства и отпустить на приступ к работе 300 тыс. рублей...

Особым вопросом является реставрация исторического дома, или, вернее, домика, где жил тов. Сталин... Я не могла не сделать упрека местной организации в том, что я не нашла следов заботливого ухода за этим домом...

Совершенно правильно поднят вопрос т. Берия и отдельными товарищами из районной парторганизации в Гори о необходимости, в связи с реконструкцией района, где жил товарищ Сталин, выселить 40–50 семей, построив для переселения выселяемых 2 жилых дома по 20 квартир в каждом доме. Это, в сущности, вопрос дополнительных 400–500 тысяч рублей (в 1934 году весь бюджет города Гори составлял 907 тысяч рублей. – Б. С.). Но совершенно независимо от источника ассигнований потребной суммы, постройку этих домов необходимо осуществить, с тем, чтобы выселенные почувствовали бы улучшение своих условий в связи с общей реконструкцией района и реставрацией дома, где жил Великий Сталин.

Накануне отъезда я вновь была у т. Берия, который сказал мне о своем намерении выехать в Москву, где он собирается уточнить с Вами отдельные вопросы и наиболее важные моменты по делу реконструкции Гори».

Во время той поездки Штернберг завязалась интрига вокруг книги Берии «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья» (1935). Вернувшись в Москву, инструктор 10 апреля 1936 года написала заявление в КПК, где утверждала, что супруги Сеф и Янушевская в беседе с ней жаловались, что в действительности эту книгу написал не Берия, а Сеф. Позднее, в сентябре 1936 года, она так изложила обстоятельства появления на свет крамольных высказываний: «...В беседе со мной по вопросу о книге т. Берия... Янушевская в довольно откровенной форме дала понять, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. Эта постановка вопроса заставила меня насторожиться. По приезде в Москву в беседе с т. Райской М.Я., членом партии с 1918 года... о книге т. Берия, она мне также сказала, что книга т. Берия – это результат работы Сефа. Эту антипартийную болтовню мне удалось узнать из двух источников в Тифлисе и Москве, и для меня совершенно ясно, что эти разговоры значительно шире». Штернберг указала, что и С.Е. Сеф, и Л.П. Янушевская были участниками ленинградской зиновьевской оппозиции, и разразилась гневной филиппикой: «Считаю эти разговоры антипартийными, злостной клеветой на лучшего ученика т. Сталина т. Берия. Мной об этих разговорах было подано заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б) т. Ежова в апреле или марте 1936 года и тов. Шацкой – инструктору ОРПО я об этом сказала значительно раньше (сейчас же по приезде)». В апрельском заявлении этот пассаж звучал немного иначе: «Считаю, что Сеф, сохранивший себя в рядах нашей партии, до настоящего времени продолжает свою гнусную работу и клеветает на одного из учеников т. Сталина т. Берия». В августе – сентябре 1936 года партколлегия КПК по Закавказью разбирала дело об «антипартийной болтовне» Сефа и Янушевской и, судя по всему, исключила их из партии.

Забегая вперед, скажу, что, вероятно, высказывания Сефа да дело о финансовых послаблениях, сделанных Марьясиным Берии, были единственным серьезным компроматом, которым располагал Ежов против Лаврентия Павловича в 1938-м, когда того назначили в НКВД. Но история с кредитом была не оригинальна, поскольку все партийные руководители на местах

пытались выбить в Москве средства для своих регионов. Главное же, здесь больше был виноват не Берия, а ежовский собутыльник Марьясин. Идти со всем этим к Сталину было бы просто несерьезно. Дружбу с оппозиционерами Шляпниковым, Пятаковым и Марьясиным Ежову как раз и вменили в вину после ареста, на следствии. Что же касается случая с Сефом, то спичрайтеры были если не у всех, то у многих партийных руководителей. Книга Берии, судя по всему, была продуктом коллективного творчества. На следствии в 1953 году Лаврентия Павловича обвинили в плагиате уже по отношению к бывшему заведующим отделом агитации Закавказского крайкома Эрикуа Бедии.

В 1936-м эпизод с книгой по истории большевистских организаций в Закавказье закончился для Берии без каких-либо отрицательных последствий. 22 октября 1936 года член Партколлегии КПК по Закавказью Горячев докладывал главе КПК Ежову: «Согласно решению Бюро Заккрайкома ВКП(б) от 29 VIII – 36 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) по Закавказью разбирает дело Сефа Семена Ефимовича, члена КП(б) с 1919 г., и его жены Янушевской Людмилы Павловны, члена КП(б), по обвинению их в антипартийной болтовне, выразившейся в том, что в разговоре с б. инструктором ОРПО ВКП(б) т. Штернберг (ныне парторг «Минусазолото», член ВКП(б) с 1919 г.) Янушевская и Сеф заявили, что книга тов. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» является работой Сефа.

В своем заявлении в Партколлегию по Закавказью т. Штернберг утверждает, что Янушевская, будучи в Москве, в беседе с членом КП(б) с 1918 г. т. Райской М.Я. (зав. китайским сектором Ленинской школы при Коминтерне в Москве) также сказала, что книга тов. Берия – это разработка Сефа.

В этом же заявлении т. Штернберг сообщает, что об этих разговорах ею было подано заявление на Ваше имя в апреле и марте 1936 г., и поставила об этом в известность инструктора ОРПО ЦК ВКП(б) т. Шацкую.

На наш запрос т. Шацкая сообщила, что т. Штернберг действительно поставила ее в известность об этой антипартийной болтовне, которую с Штернберг вели Сеф и Янушевская. Т. Штернберг же в заявлении на имя Партколлегии по Закавказью указывает, что эту болтовню с ней вела только Янушевская.

Сообщая о вышеизложенном, прошу поручить опросить тт. Райскую и Шацкую, уточнив, кто вел эту болтовню с Штернберг, Сеф или Янушевская, и протоколы опроса обеих вместе с заявлением Штернберг на Ваше имя, поданное в марте и апреле 1936 г.»

Шацкая, в свою очередь, написала заявление на имя члена Партколлегии по Закавказью Кудрявцева: «По твоей просьбе сообщаю все, что знаю о разговоре т.т. Сефа и Штернберг, Янушевской и Штернберг.

В марте или апреле этого года ко мне на работу в ЦК зашла т. Штернберг, член ВКП(б), бывший инструктор ОРПО ЦК ВКП(б) и в разговоре заявила мне, что считает возмутительным разговоры Янушевской и Сефа о том, что книгу тов. Берия будто бы готовил Сеф. Тут же Штернберг сказала, что Сеф бывший оппозиционер (я лично т. Сефа не знаю и никогда его не видела).

Я посоветовала т. Штернберг написать об этом в Заккрайком и, будучи сама в Тифлисе, вспомнила свой разговор со Штернберг и спросила тебя, получено ли какое-нибудь заявление крайкомом. Ты ответил отрицательно, а затем через несколько дней после моего возвращения в Москву получила от тебя телеграмму с извещением, что Сеф категорически все отрицает, и ты просишь меня написать, что я и делаю».

Горячеву и другому члену Партколлегии по Закавказью Вацену написала письмо и сама Штернберг (оно поступило адресату 19 октября): «В ответ на ваше отношение... от 14/IX – 1936 г.... считаю необходимым сообщить следующее:

Будучи в командировке в Тифлисе в последних числах сентября 1935 года (в связи с вопросом о реконструкции Гори и создании там сталинского музея. – Б. С.), я была у т. т. Сефа

и Янушевской, и в беседе со мной по вопросу о книге тов. Берия «По вопросу об истории большевистских организаций Закавказья» Янушевская в довольно откровенной форме дала понять, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. Эта постановка вопроса заставила меня насторожиться.

По приезде в Москву в беседе с т. Райской М. Я., членом партии с 1918 г. (Зав. китайским сектором Ленинской школы в Москве) о книге т. Берия, она мне сказала, что Янушевская, будучи в Москве, ей также сказала, что книга т. Берия – это результат работы Сефа. Эту антипартийную болтовню мне удалось узнать из двух источников в Тифлисе, Москве, и для меня совершенно ясно, что эти разговоры значительно шире.

Сеф член ВКП(б), б. эсер, был в ленинградской оппозиции и в 1926 г. выслан из Ленинграда;

Янушевская член ВКП(б), также была в ленинградской оппозиции и в свое время выслана.

Считаю эти разговоры антипартийными, злостной клеветой на лучшего ученика т. Сталина т. Берия. Мной об этих разговорах было подано заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б) т. Ежова в апреле или марте 1936 года и тов. Шацкой – инструктору ОРПО я сказала значительно раньше (сейчас же по приезде).

Примечание: Подавая заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б), я не считала возможным в свое время послать копию в Закавказский крайком...

Парторг «Минусалозото», член ВКП(б) с 1919 г. Штернберг».

Ранее секретарь Закавказской контрольной комиссии Кудрявцев направил письмо в Особый сектор ЦК ВКП(б) И.И. Шапиро, который был по совместительству помощником Ежова: «По сообщению тов. Шацкой – инструктора ОРПО ЦК ВКП(б) в апреле 1936 года бывший работник ЦК ВКП(б) тов. Штернберг было подано вам заявление об антипартийной болтовне работника Закпарторганизации тов. Сефа по поводу книги тов. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». В связи с расследованием этого дела Заккрайком ВКП(б) прошу Вас, если можно, прислать копию заявления тов. Штенберга (так в документе. – Б. С.) или сообщить результаты заявления тов. Штенберга».

На этом письме Ежов 16 августа наложил резолюцию: «Дать материал мне».

И первое заявление Штернберг, датированное 10 апреля 1936 года, тотчас нашлось. Оно гласило: «Считаю необходимым довести до вашего сведения следующее:

Будучи в командировке в Тифлисе при встрече с Янушевской Л. – членом партии (женой Сефа), последняя мне заявила при разговоре о докладе и книге т. Берия, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. И дальше после этого уже в Москве при разговоре с т. Райской (членом ВКП(б)) я узнала, что Янушевская и т. Райской говорила, что доклад т. Берия является результатом трудов Сефа.

Сеф был эсер, активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы в 1926 г. в Ленинграде, сослан из Ленинграда в 1926 г.

Янушевская Л., жена его, также была в этой контрреволюционной группе и также выслана из Ленинграда в 1926 г. Сейчас эти люди, которые активно боролись против нашей партии, распространяют клевету, что он, Сеф, освещает историю нашей партии и одной из организаций, выращенной непосредственно тов. Сталиным.

Считаю, что Сеф, сохранивший себя в рядах нашей партии, до настоящего времени продолжает свою гнусную работу и клеветает на одного из учеников т. Сталина т. Берия.

Полагаю, что эта клевета имеет организованный характер, так как я одна имела возможность слышать эту клевету из двух источников».

Штернберг явно находилась под сильным влиянием Берии, в свое время поразившего ее проектом реставрации сталинского домика Гори и превращения родины вождя в настоящий международный туристический центр. Ее первое заявление было неприкрытым доносом

против бывшего оппозиционера Сефа, посмеявшегося покуситься на авторитет верного ученика Сталина. Но простодушная Штернберг (простодушие замечательно сочеталось с подлостью) на этот раз просчиталась. Рассчитывая защитить Лаврентия Павловича от наветов Сефа, она невольно оказала ему медвежью услугу. Ежов сразу сообразил, что дыма без огня не бывает, что вряд ли жена Сефа вдруг ни с того ни с сего стала рассказывать каждому встречному-поперечному, что ее муж, а вовсе не Берия, создал эпохальный труд «К истории большевистских организаций Закавказья». В те годы партийные вожди первого ряда еще сами писали собственные доклады и статьи. Хотя вожди второго ряда – секретари обкомов и республиканских парторганизаций уже начинали пользоваться услугами спичрайтеров. Дальше мы увидим, что бериевский доклад был плодом коллективного творчества. Но Лаврентий Павлович как раз стремился пробиться в первый ряд вождей – тех, чьи портреты несут на московских демонстрациях. И то, что его уличат в присвоении авторства не им написанного текста, было серьезной угрозой.

Вероятно, Ежов сразу оценил значение компромата против одного из наиболее видных региональных руководителей и сосредоточил все материалы об «антипартийной болтовне» Сефа и Янушевской в своих руках. Характерно, что второе заявление Штернберг, написанное в октябре 1936 года, уже куда более спокойное по отношению к Сефу и его жене. Может быть, ей дали понять, что надо немного умерить пыл. Ежову-то важнее было не осудить чересчур разговорчивого спичрайтера, а держать на крючке главу Заккрайкома. Но тогда дело Сефа и Янушевской своего развития не получило. Берия находился в явном фаворе у Сталина, а Ежов, только что, 26 сентября 1936 года, назначенный наркомом внутренних дел, еще не видел в Берии опасного для себя человека. Эх, знал бы Николай Иванович где упасть, соломки бы подстелил!

Пока все закончилось печально только для Сефа. Ранее, после высылки из Ленинграда, Семен Ефимович публично осудил свои прежние оппозиционные взгляды и продолжал относительно успешную карьеру. В 1927–1930 годах он – редактор закавказской краевой газеты, в 1930–1932 годах – заведующий культпропагандистским отделом Фрунзенского райкома Москвы, в 1932–1933 годах – заместитель директора Института красной профессуры. Затем Сеф возвращается в Закавказье. В 1933–1934 годах он – заведующий культпропагандистским отделом Закавказского крайкома, а в 1934–1935 годах – второй секретарь Бакинского горкома партии. В это время отношения Берии и его спичрайтера по какой-то причине разладились, и в карьере Сефа произошел слом. Его перебрасывают с партийной работы на гораздо менее престижную хозяйственную. В 1935–1936 годах он – председатель Закавказского Союза потребительской кооперации, а в апреле 1936 года его назначили уполномоченным наркомата легкой промышленности при Совнарком Закавказской Федерации. Вероятно, это назначение никак не было связано с заявлением Штернберг, датированным 10 апреля 1936 года. Ведь ему был дан ход только в августе – сентябре. А вот какой-то конфликт, происшедший между Берией и Сефом в 1935 году, по всей вероятности, подвинул обиженного Семена Ефимовича и особенно его супругу, переживавшую за карьеру мужа, к неосторожным разговорам. Мол, Лаврентий Павлович попользовался плодами чужого труда, а теперь сплавил Семена Ефимовича на потребительскую кооперацию. В общем, поматросил и бросил. Эти разговоры услышала Штернберг, которая как раз тогда побывала в Тифлисе. И, пусть с опозданием, но решилась написать донос. Последствия же для Семена Ефимовича оказались трагическими.

Сефа сняли с работы, исключили из партии, а в 1937 году арестовали и расстреляли (при Хрущеве реабилитировали). О судьбе Людмилы Павловны Янушевской у меня сведений нет. Скорее всего, ее арестовали вместе с мужем, но, как члена семьи «врага народа», могли не расстрелять, а отправить в лагерь. Неизвестно, дожила ли она до реабилитации.

Замечу, что по своей номенклатурной должности – уполномоченный наркомата легкой промышленности по Закавказью – Сеф вовсе не обязательно подлежал репрессиям. Правда,

его и его жены участие в зиновьевской оппозиции оставляло им немного шансов уцелеть. Бывшие оппозиционеры репрессировались в первую очередь.

В Закавказье Лаврентий Павлович принял активное участие в терроре 1937–1938 годов, широко применял санкционированное Ежовым и Сталиным избиение подследственных. На февральско-мартовском пленуме 1937 года он сообщил, что только за последний год в Грузию вернулись почти полторы тысячи меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, причем «за исключением отдельных единиц, большинство из возвращающихся остаются врагами Советской власти, являются лицами, которые организуют контрреволюционную вредительскую, шпионскую, диверсионную работу... Мы знаем, что с ними нужно поступить как с врагами».

А 17 июля 1937 года Лаврентий Павлович докладывал Сталину о разоблачении очередного «заговора»: «В Аджарии раскрыта контрреволюционная организация, связанная с турецкой разведкой и ставящая своей целью присоединение Аджарии к Турции. Организация вербовала себе сторонников и последователей в деревнях Аджарии, увязывая свою работу с эмигрантскими элементами, находящимися в Турции. Показаниями почти всех арестованных председатель ЦИК Аджарии Лордкипанидзе Зекерия изобличается в том, что он является руководителем этой контрреволюционной организации и связан с турецким консулом в Батуми и турецкой разведкой. Прошу санкционировать его арест. В настоящее время Лордкипанидзе находится под наблюдением для предотвращения возможного бегства за границу. В ближайшие дни представлю кандидатуру аджарца на пост председателя ЦИК Аджарии». Сталин оставил резолюцию: «Т. Берия! ЦК санкционирует арест Лордкипанидзе». Ясно, что ни с каким ЦК он не советовался, а единолично решил судьбу несчастного Зекерии, который ни с какой разведкой связан не был, а от аджарских эмигрантов мог ждать только смерти. Но она настигла Лордкипанидзе от рук «своих».

В Грузии Берия как глава местной парторганизации творил то же самое, что в 1937–1938 годах творили по всей стране другие секретари обкомов и республиканских парторганизаций, ничем особенным не отличаясь ни в лучшую, ни в худшую сторону. Тем более что контрольные цифры, сколько расстреливать, а сколько сажать, задавались из Москвы. Самодеятельность же местных чекистов и партсекретарей, равно как и прокуроров, составлявших на местах Особые тройки, была очень ограничена и распространялась лишь на самые низшие ступени номенклатуры. Сколько именно невинных душ загубил тогда Лаврентий Павлович в Грузии, данных нет, точно так же, как нет раскладки числа расстрелянных по другим областям и республикам. Конечно, местный секретарь, получив общую директиву из центра репрессировать всех бывших акционеров, дворян, поляков, кулаков и иные неблагонадежные категории населения, мог кого-то из списка кандидатов в ГУЛАГ или на расстрел изъять, хотя и рисковал, что в будущем его обвинят в том, что покрывает врагов народа. Можно было, конечно, и добавить кого-то, если только кандидат на пулю занимал не слишком видное положение и его казнь не требовалось согласовывать с Москвой. Тех же Бедию или Сефа, например, Берия при желании вполне мог добавить в список обреченных на смерть. Но не исключено, что они попали туда и без его участия, просто как бывшие оппозиционеры. А уж Лаврентий Павлович, даже если бы узнал об этом, наверняка не проявил бы никаких стараний, чтобы спасти от «вышки» болтунов-спичрайтеров.

Сколько именно людей отправил на смерть Берия в Грузии, повторяю, пока точно не известно. Учитывая общую численность населения СССР в тот момент – около 170 млн человек, и численность населения Грузии – около 3,5 млн человек, можно предположить, из общего числа 682 тыс. человек, расстрелянных по политическим мотивам в 1937–1938 годах, на долю возглавлявшейся Берией республики придется около 9,6 тыс. человек. Но это только в том случае, если допустить, что репрессии распределялись по территории страны абсолютно равномерно. Между тем, несомненно, что по крайней мере в столицах, Москве и Ленинграде, концентрация расстрелов была значительно выше – ведь здесь отстреливали не только местную,

но и общесоюзную норму. С учетом этого реальное число казненных в Грузии могло быть на 2–3 тысячи меньше, достигая 6–7 тысяч человек. Примерно такая норма осужденных на смерть – несколько тысяч человек была де-факто установлена для секретарей обкомов и большинства республик, занимавших свои посты в 1937–1938 годах. Только для Москвы и Ленинграда, а также такой крупной республики, как Украина, она достигала уже нескольких десятков тысяч казненных. При этом выполнение нормы само по себе отнюдь не давало гарантии на то, что соответствующий чиновник уцелеет.

Согласно оперативному приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 года, для Грузии были установлены лимиты: 2000 – по 1-й категории и 3000 – по 2-й категории (заключение в лагерь). Ранее, 10 июля, по запросу Политбюро руководство Грузии отправило в Москву предложения о репрессировании 1419 человек по 1-й категории и 1562 человека по 2-й категории, но в столице эти лимиты значительно увеличили. 30 октября 1937 года Берия направил записку Сталину, жалуясь на «чрезмерную затяжку в рассмотрении подготовленных для судебного разбирательства следственных дел» и попросив создать Специальную тройку, которая могла бы рассмотреть дела троцкистов и правых шпионов – террористов общим числом 3415 человек. К тому времени прежний лимит был превышен на 236 человек. 31 января 1938 года Политбюро утвердило дополнительный лимит для Грузии в 1500 человек по 1-й категории, а 2 апреля – еще 1000 человек по 1-й категории и 500 – по 2-й. Эти лимиты включили как избыток по первоначальному лимиту, так и большую часть предложенного Берией нового лимита. Таким образом, в рамках приказа № 00447 в Грузии были расстреляны около 4500 человек и около 3500 человек были отправлены в лагеря. Кроме того, в рамках «сталинских расстрельных списков» на 44,5 тыс. человек, фигуранты которых подлежали суду Военной коллегии Верховного суда СССР, в Грузии были расстреляны 3028 человек, что дает Грузии третье место (после Москвы и области – 7312 и Украины – 4132 человека). Однако, судя по записке Берии от 30 октября 1937 года, большинство этих лиц в действительности были расстреляны по приговору «тройки» в счет лимитов 1938 года, поскольку подготовка дел для рассмотрения Военной коллегией требовала слишком много времени. Кроме того, в Грузии некоторое число людей были расстреляны в 1937–1938 годах по приговорам «двоек» в рамках операции НКВД «по национальным контингентам». Однако учитывая, что основная часть фигурантов этой операции была представлена в Грузии «персидскими подданными», которые просто выслались за границу, и что немцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев и финнов, наиболее пострадавших от расстрелов в ходе этой операции, в Грузии по сравнению с другими республиками было немного, число расстрелянных из числа «национальных контингентов» могло составить несколько сот человек. Всего в Грузии в 1937–1938 годах, по нашей оценке, могли быть расстреляны 5–5,5 тыс. человек, или до 0,8 % всех расстрелянных в СССР по политическим статьям в этот период. Доля же Грузии в населении СССР в конце 1938 года составляла около 2,1 % населения.

Убивал ли Берия? Дело Ханджяна

Да, Берия тогда, в Грузии, и позднее, в Москве, отправил на тот свет тысячи и тысячи людей. Но убивал он их, разумеется, не лично, а подписывал сверхсекретный расстрельный список или просто отдавал словесный приказ, без номера. Впрочем, убийство по крайней мере одного человека приписали лично Берии. Будто бы Лаврентий Павлович в своем собственном кабинете застрелил первого секретаря Компартии Армении Агаси Гевондовича Ханджяна. Но обстоятельства этого дела заставляют очень сильно сомневаться в том, что последний умер насильственной смертью. Да и обвинения в убийстве Ханджяна предъявили Берии лишь почти три года спустя после ареста и казни, когда Лаврентий Павлович ни подтвердить, ни опровергнуть их уже не мог.

Вот как выглядит дело в записке заместителя председателя КПК П.Т. Комарова в ЦК КПСС от 8 февраля 1956 года: «Решением Президиума ЦК от 17 января 1956 г. Ханджян А.Г. ... реабилитирован (посмертно) (в предложении о реабилитации генеральный прокурор Р.А. Руденко утверждал, что «расправу над Ханджяном» учинили Берия и его приспешники. – Б. С.).

Главной военной прокуратурой в 1955 г. производилась проверка заявлений матери Ханджяна – Ханджян Т.С., которая отвергала версию об обстоятельствах гибели сына, считая его убитым.

О факте гибели Ханджяна А.Г. имеется официальное извещение Закрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б) Армении, опубликованное 11 июля 1936 г. в печати, согласно которому Ханджян покончил жизнь самоубийством якобы на квартире в г. Тбилиси около 9 час. вечера 9 июля 1936 г. путем выстрела из револьвера. В сообщении акт самоубийства связывался якобы с политическими ошибками Ханджяна. Политические обвинения против Ханджяна в настоящее время полностью отпали и являются не чем иным, как прикрытием факта гибели Ханджяна.

Как видно из имеющихся материалов, обстоятельства гибели Ханджяна в полагающемся законом порядке в свое время не были расследованы, а оружие, из которого был сделан выстрел, не было установлено.

По показаниям лиц, охранявших Ханджяна, последний между 7 и 8 час. вечера был обнаружен лежащим в своей комнате на кровати с огнестрельной раной в голову. Между тем, на Тбилисской станции «Скорой помощи» вызов к Ханджяну зарегистрирован в 9 час. 25 мин. и пострадавший доставлен в больницу в 10 час. 25 мин. вечера.

После консилиума врачей Ханджян оперирован в 1 час. 30 мин. утра 10 июля 1936 г. и затем он умер, о чем имеется запись в операционном журнале. В то же время в акте вскрытия трупа Ханджяна от 10 июля 1936 г. указано, что он умер 9 июля 1936 года. История болезни Ханджяна в больнице не обнаружена, хотя на всех больных того периода они имеются (она могла быть изъята впоследствии из-за политического характера дела о самоубийстве Ханджяна; все-таки не каждый день в тбилисской горбольнице умирали столь высокопоставленные чиновники. – Б. С.). Указанные данные дают основание для предположения, что могла быть произведена фикция операции над трупом.

В больнице «Скорой помощи», куда был доставлен Ханджян, по имеющимся данным, находились Берия, Агрба, наркомздрав Грузии Мамаладзе, прокурор республики Вардзиели и главный врач больницы Киршенблат. Следует отметить, что Агрба, Мамаладзе и Вардзиели в 1937–1938 гг. были осуждены и расстреляны, а Киршенблат, осужденный к 10 годам лишения свободы, был расстрелян в феврале 1938 г. в Полтавской тюрьме по постановлению тройки УНКВД без всяких на то оснований. Охранники Саноян и Мкртчян арестовывались после смерти Ханджяна и освобождены через 1,5 месяца.

Акт вскрытия трупа Ханджяна был произведен не судебным экспертом-врачом, а патологоанатомом Джорбенадзе. Указанный акт в 1955 г. Главной военной прокуратурой был направлен судебно-медицинским экспертам. Главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны проф. Авдеев М.А. дал заключение, что обнаруженная, согласно записи в акте, у Ханджяна на голове огнестрельная рана не могла быть нанесена выстрелом из пистолета «Лигнозе» калибра 6,35 (который имелся у Ханджяна), а нанесена она пулей револьвера калибра не менее 7,5 мм. В извещении Заккрайкома ВКП(б) было указано, что Ханджян застрелился из револьвера (а не пистолета).

В момент гибели Ханджяна в Заккрайкоме ВКП(б) в гор. Тбилиси находилась тройка КПК при ЦК ВКП(б) в составе председателя Короткова И.И. (умершего несколько лет тому назад), партследователя т. Ивановой и третий член тройки не установлен, но, по заявлению Ивановой, им был Синайский-Михайлов.

В своем заявлении в КПК и в показаниях, данных Главной военной прокуратуре, тов. Иванова сообщает, что 9 июля 1936 г. вечером она, Коротков и Синайский работали в здании Заккрайкома ВКП(б). Вдруг в кабинете Берии раздались 2 выстрела. Тов. Коротков бросился в кабинет Берии и долго там задержался. Не дождавшись Короткова, Иванова и третий член парттройки ушли в гостиницу, куда позже вернулся и Коротков. На расспросы Ивановой Коротков ответил, что «произошло ужасное», о чем будет известно завтра. На другой день утром они в газетах прочитали извещение о самоубийстве Ханджяна, и Коротков тогда заявил: «Иезуит Берия убил Ханджяна». Предложение Ивановой немедленно сообщить об этом в Москву Коротков отклонил, также запретил и ей делать это, сказав, что «история разберется». 11 или 12 июля 1936 г. они поездом выехали в Москву. В купе вагона Коротков, любивший рисовать, на бумаге нарисовал кабинет Берии, где на ковре лежал окровавленный Ханджян. Иванова этот рисунок уничтожила. Она предполагает, что Коротков, бывший очевидцем этого происшествия, изобразил на бумаге представившуюся ему в кабинете Берии картину.

Сообщение Ивановой об убийстве Ханджяна в здании Заккрайкома находит подтверждение в таком факте: маляр Гаспарян, ремонтировавший дом, расположенный напротив квартиры Ханджяна, 9 июля 1936 г. вечером услышал выстрел и, выйдя на балкон, увидел, как от подъезда дома, где была квартира Ханджяна, отъехала автомашина Берии.

Отсюда возникает версия, что Ханджян, застреленный в кабинете Берии, был доставлен на машине последнего на квартиру и с целью инсценировки самоубийства был произведен выстрел. Через несколько минут Берия позвонил по телефону Ханджяну и вошедший по этому звонку в комнату Ханджяна охранник Саноян обнаружил лежащего на постели окровавленного Ханджяна. Осмотром на месте бывшей квартиры Ханджяна установлено, что в его комнату имелся второй вход с лестничной клетки, минуя переднюю и комнату обслуживающего персонала, через комнату, которую тогда занимали Аматыни и Гулоян.

Как показала жена т. Ханджяна т. Винзберг Роза и охранник Саноян, Ханджян, уезжая 8 июля 1936 г. из Еревана в Тбилиси, взял с собой принадлежащий ему пистолет «Лигнозе» малого калибра, другого оружия с собой он не брал. Кроме того, Ханджян сказал ей, что в Тбилиси решительно поставит вопрос об освобождении его от работы в Армении ввиду травли со стороны Берии, и если ему откажут, то проедет далее в Москву, для чего взял с собой необходимые вещи. Таким образом, при выезде из Еревана у Ханджяна мысли о самоубийстве не было.

В ходе проверки главный судебно-медицинский эксперт проф. Авдеев М.А. высказал мнение о желательности эксгумирования черепа Ханджяна с проведением тщательного исследования.

Главной военной прокуратурой в период проверки были получены показания от Дэнунни Д.М. и Манукяна, проживающих в Ереване, о том, что, будучи арестованы в 1937 г., они находились во внутренней тюрьме НКВД Армении в одной камере вместе с арестованным профес-

сором-хирургом Мирза-Аваковым, который в их присутствии, а также Варганяна Григора и Карагезяна, рассказал о действительной причине его ареста. Как он заявил, в 1936 г., когда тело Ханджяна привезли в Ереван, Мирза-Авакова вызвали для осмотра трупа; осмотрев голову Ханджяна, он обнаружил рану с левой стороны выше виска и что выстрел произведен с дальнего расстояния, в связи с чем Мирза-Аваков пришел к выводу, что Ханджян был убит, а не покончил самоубийством. О своем мнении Мирза-Аваков говорил Варганяну Сергею и Манвеляну, и кто-то на него донес.

Как установлено в настоящее время Прокуратурой СССР, Мирза-Аваков числится «умершим в тюрьме», в настоящее время он посмертно реабилитирован».

Члены Президиума ЦК единогласно одобрили записку Комарова, содержащую версию о том, что коварный Берия собственноручно расправился с героем-мучеником Ханджяном. Однако включить этот эпизод в доклад Хрущева XX съезду с разоблачением культа личности Сталина все же не рискнули. Ведь при ближайшем рассмотрении версия об убийстве Ханджяна оказывалась шита белыми нитками и вряд ли бы убедила в виновности Берии человека, хоть сколько-нибудь знакомого с перипетиями внутрипартийной борьбы 20-х годов и особенностями Большого террора 30-х.

В записке Комарова всячески подчеркивалось, что почти все люди, причастные к делу о «самоубийстве» Ханджяна, умерли не своей смертью. Берия, мол, убирал свидетелей. Но человек, помнивший Большую чистку, сразу бы догадался, что люди, занимавшие такие номенклатурные должности, как прокурор Грузии или нарком здравоохранения республики, да еще принадлежавшие к старым большевикам, и без всякого участия Лаврентия Павловича имели очень мало шансов уцелеть. Что же касается доктора Киришенблата, то на его расстрел тройкой НКВД в Полтаве в феврале 1938 года Берия вообще повлиять никак не мог. Тогда НКВД возглавляли Ежов и Фриновский. У последнего же отношения с Лаврентием Павловичем были напряженными еще по совместной работе в Закавказье. Неужели стал бы Берия просить Ежова или Фриновского обязательно ликвидировать мало кому известного узника полтавской тюрьмы как опасного свидетеля?

Обстоятельства же будто бы происшедшего убийства Ханджяна вообще выглядят сплошной фантазией. Не настолько горяч был Лаврентий Павлович, чтобы в пылу полемики застрелить оппонента в собственном служебном кабинете, да еще в тот момент, когда в соседней комнате работала комиссия КПК, да к тому же с дальнего расстояния попасть точно в висок, чтобы легче было инсценировать самоубийство. Опытный чекист Берия, будь на то острая необходимость, организовал бы убийство главы армянских коммунистов поэлегантнее, замаскировав его под несчастный случай, и уж, конечно же, не в своем служебном кабинете и не своими руками.

Настораживает и то, что в записке Комарова почти все ссылки на прямых очевидцев преступления относятся к людям уже умершим к тому моменту, когда партийные органы и Главная военная прокуратура начали расследовать обстоятельства смерти Ханджяна. А уж версия с переноской трупа из здания Закавказского крайкома на квартиру Ханджяна выглядит как сцена из плохого боевика. Каким образом, интересно, Берия и его люди могли бы бесшумно затащить бездыханное тело в квартиру, так, чтобы это не услышали ханджяновские охранники. Как могли бы Саноян и Мкртчян не услышать, что к дому подъехала автомашина, тем более что автомобилей в Тбилиси тогда было раз-два и обчелся. А если бы услышали и выглянули в окно, то стали бы опасными свидетелями, которых бы Берия постарался уничтожить при первой возможности, хотя бы тогда, когда сам возглавил НКВД СССР. Бывшие же ханджяновские охранники благополучно пережили Лаврентия Павловича.

Предположение, будто для проникновения в комнату Ханджяна бериевские подручные воспользовались не комнатой охраны, а другой комнатой, где квартировали секретари армянского ЦК Аматауни и Гулоян, тоже не выдерживает критики. Получается, что тогда пришлось

бы посвящать в столь щекотливые обстоятельства еще двух человек, один из которых к тому же стал преемником Ханджяна во главе коммунистов Армении.

Остается предположить, что чекисты забросили труп Ханджяна через окно, а Лаврентий Павлович командовал: «Давай, заноси! Осторожно, не кантовать!»

Странно и то, что в записке Комарова не было никаких цитат из медицинских заключений. Невозможно понять, на каком основании эксперты приходили к выводу о калибре оружия, от которого наступила смерть Ханджяна. Судя по всему, тогда, в 1936-м, контрольного отстрела из принадлежащего Агаси Гевондовичу «Лигнозе» не производилось. Однако это вовсе не означает, что несчастный не мог застрелиться из собственного оружия. Газетное сообщение, что Ханджян застрелился именно из револьвера, а не из пистолета, ничего не значит. По традиции в России и в СССР вплоть до Второй мировой войны все пистолеты назывались револьверами. К тому же нельзя исключить, что Ханджян в действительности застрелился не из собственного оружия, а попросил у охранника или у кого-то из знакомых вместо дамского «Лигнозе» более надежный револьвер. Эксгумация черепа Ханджяна так и не была произведена. Акт вскрытия 1936 года и его экспертиза 1955 года никогда не публиковались, и даже нет уверенности, что они сохранились. Так что вряд ли мы когда-нибудь узнаем точно, из пистолета или из револьвера застрелился глава армянских коммунистов. Утверждение же, что выстрел в Ханджяна был произведен не в упор, а с некоторого расстояния, основано лишь на показаниях свидетелей со слов давно умершего к 1955 году человека.

Стоит также помнить, что и в советские времена и теперь эксперты у нас очень склонны находить именно то, что от них ждет следствие. А в деле Ханджяна, как мы увидим дальше, и прокуратуру, и руководство партии гораздо больше устраивал не вариант с самоубийством того, кого собирались реабилитировать, а его убийство «злодеем Берией».

Эпопея же с комиссией КПК выглядит прямо-таки как волшебная сказка. Из трех ее членов реальным выглядит только Иван Иванович Коротков, 1885 года рождения, член партии с 1905 года, член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1934–1939 годах. Некая Иванова в сообщении Комарова – абсолютно анонимна. Нет ни инициалов, ни года вступления в партию. Зато она сообщает не только очень устраивающие следствие подробности со слов Короткова, но и сама утверждает, что слышала из кабинета Берии не один, а два выстрела. Тем самым как бы опровергалась возможность, что Ханджян мог застрелиться в кабинете в присутствии Берии: дважды подряд в себя самоубийцы обычно не стреляют. О третьем члене комиссии – Синайском-Михайлове в записке тоже ничего не говорится. Жив он, умер? Коротков же, со слов Ивановой, ведет себя более чем странно. Он прямо говорит своим коллегам, что Ханджяна убил «иезуит Берия», даже рисует, как именно это произошло, но категорически отказывается сообщить об этом в Москву (а что кто-то из товарищей, которым он проболтался, донесет, выходит, не боялся!). Но если бы все происходило так, как описала Иванова, Коротков становился опаснейшим для Берии свидетелем, которого Лаврентий Павлович должен был бы постараться убрать при первой возможности. И возможность, кстати сказать, была. Ведь Иван Иванович работал под непосредственным руководством Ежова как председателя КПК. Арестовывать Ежова выпало Берии. Если бы захотел, Лаврентий Павлович вполне мог бы присоединить Короткова к делу Ежова как одного из активных проводников репрессий по партийной линии и расстрелять в ускоренном порядке по приговору Особого совещания. Не такая уж большая сошка был Иван Иванович, чтобы санкцию на его арест и расстрел надо было спрашивать у Сталина. Но никаким преследованиям Коротков не подвергся. Из КПК ему, правда, пришлось уйти, как бывшему подчиненному Ежова. В 1939–1944 годах он был директором... чего вы думаете? – Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Затем вышел на пенсию и тихо умер в Москве в 1949 году. Столь благополучная судьба в те суровые годы – косвенное доказательство того, что на самом деле Коротков не видел ничего того, что ему приписала Иванова. И Берия его, равно как и Ханджяна, никогда не собирался убивать.

Также бывший чекист Сурен Газарян, прошедший колымские лагеря и винивший в своих злоключениях Берия, подробно коснулся в своих мемуарах обстоятельств гибели Ханджяна. И тут всплывают некоторые любопытные детали: «Секретарь ЦК КП Армении Агаси Ханджян что-то не проявляет склонности быть послушным орудием в руках Берия. Надо его убрать. Берия посылает своих людей в Армению со специальным заданием: добиться компрометации Ханджяна с тем, чтобы иметь основание убить его. Нельзя читать без возмущения показания подручного Берии Жоры Цатурова, знавшего Берия по совместной работе в ГПУ Грузии и Закавказья, о том, как он приехал в Армению в качестве одного из секретарей ЦК и какие интриги вел вокруг Ханджяна. Но Ханджян пользовался большим авторитетом не только среди партийных кругов, но и во всем народе. Интриги не помогли, авторитет Ханджяна не пострадал.

Ну что ж, тем хуже для Ханджяна. Цель оправдывает средства.

Ханджяна надо убрать любыми средствами. Только такой изверг, как Берия, мог придумать подлый план убийства Ханджяна и выполнить этот план своими собственными руками.

А план был разработан до мельчайших подробностей.

Ханджян был вызван из Еревана в Тбилиси на заседание Закрайкома. В тот же вечер, после заседания крайкома, мы узнали, что Ханджян покончил жизнь самоубийством. Говорили о подробностях, о том, что Ханджян задумал самоубийство еще в Ереване, что в его кармане обнаружены два письма, написанные в Ереване перед выездом в Тбилиси. Одно письмо адресовано жене Розе Виндзберг, в котором Ханджян прощается с женой, другое на имя Берия. В этом письме Ханджян якобы сообщает Берия, что запутался и не нашел себе другого выхода.

Все это было предусмотрено для инсценировки самоубийства.

Товарищи и друзья, которые хорошо знали Ханджяна, недоумевали: как мог такой нестигаемый человек спастись перед трудностями, «запутаться» и поднять на себя руки.

Спустя четверть века было установлено, что Ханджян был убит собственноручно Берия в его служебном кабинете.

Берия проливал крокодиловы слезы над своей жертвой и отправил тело Ханджяна в Ереван с почестями.

Не впервые Берия проливал крокодиловы слезы над своей жертвой. Еще не остыл труп отравленного им Нестора Лакоба.

Авторитет Лакоба, председателя ЦИК Абхазии, не давал покоя Берия. Отравленного Лакоба он тоже торжественно отправил в Сухуми и похоронил в центре города для того, чтобы в 1937 году сровнять эту могилу с землей.

После убийства Ханджяна в Армению секретарем ЦК был послан Гайк Амагуни, но, как видно, он не выдержал «испытания», в 1937 году был арестован и расстрелян. Тогда Берия послал в Армению своего ставленника Григория Арутинова».

Арутинов, кстати сказать, легко отделался. На июльском пленуме 1953 года он охарактеризовал Берия как «карьериста и человека, который любыми средствами мог бы совершить все против партии, против государства ради захвата власти». И его лишь сняли с поста секретаря ЦК Компартии Армении, но ни исключать из партийных рядов, ни судить не стали. Григорий Артемьевич тихо скончался в своей постели в 1957 году.

Из свидетельства Газаряна, искренне верившего, что Ханджяна погубил Берия, видно, что были и предсмертные письма погибшего жене и Берии, о которых, вероятно, рассказали Газаряну друзья-чекисты. Лично я не сомневаюсь, что эти письма подлинные, а не какие-нибудь «бериевские фальшивки». Всего через полтора месяца такие же покаятные письма перед тем, как пустить себе пулю в сердце, написал бывший член Политбюро и бывший лидер советских профсоюзов М.П. Томский (Ефремов), соратник Бухарина. Его имя было упомянуто на процессе Зиновьева и Каменева, и Михаил Павлович решил не ждать неизбежного ареста и казни. В предсмертном письме он старался убедить Сталина в своей невинности: «Я

обращаюсь к тебе не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба – не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ними не входил, никаких заговоров против правительства я не делал... Не верь клевете и болтовне перепуганных людей... Не забудьте о моей семье...» А в постскриптуме еще просил не придавать серьезного значения своей пьяной выходке, когда в 1928 году сгоряча угрожал ему, Сталину, пулями. Иосиф Виссарионович ни «пуль» не забыл, ни просьбы Томского о семье, посадив его жену и детей. И в сообщении ЦК ВКП(б) о самоубийстве Томского, как и в аналогичном сообщении Заккрайкома о самоубийстве Ханджяна, говорилось, что он совершил этот акт, «запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами».

Ханджян же, вопреки мнениям наивного Газаряна и не столь наивного Комарова, имел очень серьезные основания летом 1936-го свести счеты с жизнью. Он знал об аресте Каменева и Зиновьева, о том, что готовится процесс по обвинению их в заговоре с целью убийства Кирова. А у Ханджяна были все основания опасаться, что его объявят зиновьевцем. В 1922–1925 годах Агаси Гевондович был заведующим агитационно-пропагандистским отделом Выборгского райкома партии в Ленинграде, а с 1925 года стал заведующим орготделом Московско-Нарвского райкома. Ленинградскую парторганизацию в то время возглавлял Г.Е. Зиновьев, и, естественно, такие должности, как завотделом в городском райкоме, мог занимать только человек, разделявший линию Григория Евсеевича. Ханджян, конечно, успел вовремя отмежеваться от Зиновьева. Иначе Агаси Гевондовича никогда бы не послали руководить Компартией Армении. Но теперь, с началом Большой чистки, оппозиционерам припоминали старые грехи. Так что, скорее всего, Ханджян ускорил свой конец лишь на несколько месяцев. Не исключено, что и чемодан с вещами для дальнего путешествия он взял с собой в Тбилиси только потому, что всерьез опасался, что придется сразу же ехать в Москву, только под конвоем. И Берии, какие бы острые конфликты ни возникали у него с главой армянских коммунистов, не было нужды убивать того, кого в самом скором времени все равно расстреляли бы, так сказать, в официальном (не скажу – в законном) порядке.

А еще, как кажется, Лаврентий Павлович оказался гуманнее Иосифа Виссарионовича и вдову Ханджяна, похоже, сажать не стал. По крайней мере, в своей записке Комаров ни разу не упоминает, что Роза Винзберг (или Виндзберг) была репрессирована.

Повторю, что на XX съезде Хрущев все-таки не решился обвинить Берия в убийстве Ханджяна. Он сделал это лишь пять лет спустя, в 1961 году, на XXII съезде партии. Тогда делегаты в своем большинстве уже представляли собой новое поколение руководителей, лояльных Никите Сергеевичу.

Замечу, что добивавшейся восстановления в партии мужа Р. Винзберг выгоднее было представить Ханджяна не самоубийцей, а жертвой расстрелянного к тому времени «врага народа» Берии. Самоубийство безусловно осуждалось коммунистической партийной этикой. Кроме того, версия об убийстве снимала вопрос о зиновьевском прошлом Ханджяна, что могло послужить препятствием к его реабилитации. Ведь троцкистов и зиновьевцев, равно как и бухаринцев, тогда еще не реабилитировали. Тот же Томский был восстановлен в партии только в 1988 году. Прокурору же Руденко было очень лестно изобличить Берия еще и как человека, лично расстреливавшего людей.

Той же цели служили возникшие уже после казни Берии слухи о том, что он будто бы отравил Нестора Лакобу. Тут уж даже видимости каких-то доказательств не было.

Любой диктатор-правитель, любой палач-каратель, сколько бы преступлений он ни совершил, получает в нашем сознании образ законченного злодея лишь тогда, когда мы узнаем, что он кого-то убил собственными руками. Убийства на бумаге, с помощью письменных приказов и директив, пусть даже сотен тысяч и миллионов людей, воспринимаются немного не так, как гибель одного, но зато от пули, выпущенной самим злодеем. По этой же причине Гит-

лера обвиняли в том, будто он лично расстрелял в 1934 году своего бывшего друга и вождя штурмовиков Эрнста Рема, хотя никакими свидетельствами это не подтверждается. По той же причине Сталину пытались приписать убийство собственной жены Надежды Аллилуевой или Серго Орджоникидзе. Германский фюрер и советский генсек истребили миллионы людей, но только по письменным директивам или по словесным приказам без номера и руками тысяч палачей, а не своими собственными руками.

Пожалуй, главной отличительной чертой Берии при проведении репрессий 1937–1938 годов было то, что он, в отличие от большинства партийных секретарей, имел огромный опыт оперативно-чекистской работы. Поэтому Лаврентий Павлович сам вникал во все тонкости следствия и писал весьма красноречивые записки следователям: «Крепко излупить Жужунава. Л. Б.»; «Взять крепко в работу»; «Взять в работу... и выжать все»; «Взять его еще в работу, крутит, знает многое, а скрывает». Кстати сказать, Василий Георгиевич Жужунава был кадровым чекистом с 1928 года, а в 1937 году занимал пост наркома внутренних дел Абхазии. На этот пост Жужунаву назначили уже при Ежове, но заместителем начальника Абхазского управления наркомата внутренних дел назначили еще при Ягоде. Очевидно, его арест был произведен по инициативе Ежова в рамках перманентно проводившейся при нем чистке НКВД от ягодинских выдвигенцев. Но в случае с Жужунавой нельзя не отметить одну странность. Уволен из органов внутренних дел он был еще в декабре 1937 года, а исключили из партии и арестовали его как «врага народа» только в июне 1938 года. Возможно, Берия, под чьим непосредственным руководством Василий Георгиевич начинал свою нелегкую чекистскую службу в секретно-политическом отделе ГПУ Грузии в 1928 году, пытался отстоять своего бывшего сотрудника и не допустить его ареста. Основания беспокоиться за его судьбу у Лаврентия Павловича наверняка были. Ведь еще в 1920–1921 годах Жужунава был управляющим делами наркомата продовольствия Азербайджанской ССР. В этой должности он, несомненно, много общался с Берией, и в случае ареста из него легко можно было бы выбить компрометирующие Лаврентия Павловича показания. Уж Берия-то хорошо знал, как это делается. Так что у Берии, вероятно, были серьезные основания бороться за Жужунаву. Но он не преуспел в этом деле и теперь всячески старался показать, что выбьет показания из врага народа любой ценой.

Между прочим, следствие по делу Жужунавы велось как раз летом 1938 года, перед самым переездом Берии в Москву. Так что в каком-либо либерализме его заподозрить было сложно. Судьба же Жужунавы неясна до сих пор, равно как и время, место и обстоятельства его смерти. То ли Василия Георгиевича успели расстрелять, то ли дожил он до бериевской оттепели и отделался сколькими-то годами ГУЛАГа, где, быть может, и сгинул в неизвестности.

Вот когда Лаврентий Павлович попал в Москву, стал членом Политбюро, там уже билет на вход был в другую цену. Для всех тех, кто был членом сталинского Политбюро (позднее – Президиума Политбюро) в 1939–1952 годах, норма загубленных человеческих душ составляла уже несколько десятков, если не сотен тысяч человек. Берия и эту норму честно выполнил, хотя столь всеобъемлющей чистки, как при Ежове, уже не было. Но тут подоспели и польские офицеры, и другие «враги народа» с территорий, присоединенных к СССР в 1939–1945 годах, и «наказанные народы», и «точечные» репрессии против бывших соратников Ежова, провинившихся военных, деятелей культуры, вроде Бабеля и Мейерхольда, и многих других.

Бериевская оттепель

Весной 1938 года Сталин окончательно решил сместить Ежова с поста наркома внутренних дел. Большую чистку пора было постепенно сворачивать, а ее главного исполнителя – отправлять сначала в политическое, а затем и в физическое небытие. Уже 8 апреля 1938 года Ежова по совместительству назначили наркомом водного транспорта. Николаю Ивановичу пришлось забрать в новый наркомат многих преданных ему людей в центральном аппарате НКВД, что объективно ослабило его позиции в карательном ведомстве. Одновременно это помогло Сталину совершенно естественным образом поставить вопрос о необходимости укрепления руководства НКВД новыми кадрами. А самым подходящим кандидатом на пост первого заместителя Ежова Сталин счел Берию. Во-первых, человек ему безусловно преданный. Во-вторых, в отличие от Николая Ивановича, Лаврентию Павловичу чекистского опыта было не занимать: долгие годы возглавлял ГПУ Грузии, был и во главе закавказских чекистов. И этот опыт, в частности, в свете надвигавшейся войны мог пригодиться для операций за рубежом. Но главными, конечно же, при назначении Берии были соображения внутреннего порядка. Ежова и его людей требовалось как можно скорее убрать и из НКВД, и из жизни. А уж Лаврентий Павлович, с его-то опытом, легко разберется, кого из чекистов казнить, а кого миловать, да и по старой памяти быстро сможет заменить выбывших из строя ежовских выдвиженцев хорошо знакомыми ему кадрами закавказских чекистов.

И, как по заказу, для смещения Ежова представился замечательный повод. В июне 1938 года сбежал к японцам начальник Дальневосточного управления внутренних дел Г.С. Люшков, не без оснований опасавшийся ареста. Ежов понял, что скоро настанет его черед. В письме-исповеди Сталину в конце ноября, уже после своего удаления из НКВД, Николай Иванович писал: «Решающим был момент бегства Люшкова. Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского и предложил вместе поехать докладывать Вам. Один был не в силах. Тогда же Фриновскому я сказал: «Ну, теперь нас крепко накажут...» Я понимал, что у Вас должно создаться настроенное отношение к работе НКВД. Оно так и было. Я это чувствовал все время».

Случай с Люшковым послужил предлогом для назначения 22 августа Берии первым заместителем наркома внутренних дел. Прежние руководители НКВД сделали отчаянную попытку свалить Лаврентия Павловича. В покаянном письме Сталину Ежов признался: «Переживал... назначение т. Берия. Видел в этом элемент недоверия к себе, однако, думал все пройдет. Искренне считал и считаю его крупным работником, я полагал, что он может занять пост наркома. Думал, что его назначение – подготовка моего освобождения (правильно думал! – Б. С.) ... Фриновский советовал: «Держать крепко вожжи в руках. Не хандрить, а взяться крепко за аппарат, чтобы он не двоил между т. Берия и мной. Не допускать людей т. Берия в аппарат». Фриновский в начале 30-х работал председателем ГПУ Азербайджана и часто конфликтовал с Берией как с одним из руководителей Закавказского ГПУ. Теперь Михаил Петрович предупредил Ежова, какой опасный это враг. Решено было представить Сталину компрометирующий материал на Берию – данные о его службе в мусаватистской контрразведке. Однако Сталин уже был в курсе, как обстояло дело в действительности (вспомним письмо Павлуновского), да и судьбу Ежова он давно преопределил.

На долю Берии выпала задача умерить размах репрессий. 8 сентября 1939 года другой первый заместитель наркома внутренних дел М.П. Фриновский был назначен наркомом Военно-Морского Флота, а 29 сентября в ведение Берии перешло Главное управление Государственной Безопасности. К началу октября Ежов практически утратил контроль над основными структурами наркомата внутренних дел.

Члены ЦК и правительства в одночасье прозрели. В постановлении от 17 ноября 1938 года утверждалось: «Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элемен-

тов, проведенные НКВД в 1937–1938 годах, при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры. . . Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов». Был осужден сам упрощенный порядок расследования, когда «следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными», а «показания арестованного записываются следователями в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время. . . составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование. . . о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях». Теперь НКВД и прокуратуре запрещалось осуществлять массовые операции по арестам и выселению. Любые аресты разрешалось производить только с санкции прокуратуры или постановления суда. Ликвидировались также судебные тройки, выносившие приговоры по упрощенной процедуре, без участия защиты и обвинения. Все дела от троек передавались в суды или в Особое совещание при НКВД СССР. От следователей потребовали соблюдения уголовно-процессуальных норм, а именно: завершать расследование в установленные законом сроки, допрашивать арестованных не позднее чем через 24 часа после их задержания и составлять протокол сразу же после окончания допроса.

Поняв, что его песенка спета, Николай Иванович, по русскому обычаю, ушел в запой. 23 ноября 1938 года он подал прошение об отставке. 24 ноября Политбюро освободило Ежова от должности наркома внутренних дел, сохранив за ним уже ничего не значившие посты секретаря ЦК, председателя Комитета партийного контроля и наркома водного транспорта. Премником Ежова в НКВД стал Берия. В апреле 1939-го Николая Ивановича арестовали. Люди Лаврентия Павловича отделали Николая Ивановича на славу. 2 февраля 1940 года в своем последнем слове Ежов перед лицом неминуемого расстрела утверждал: «Вчера еще в беседе с Берия он мне сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена». После разговора с Берия я решил, лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом только действительную правду. На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, что я не террорист, но мне не верили и применяли ко мне избиения». Разумеется, отказ от выбитых на следствии признаний в шпионаже и заговоре никак не повлиял на судьбу «стального наркома». 4 февраля 1940 года Николая Ивановича расстреляли.

25 ноября 1938 года Сталин специальной шифрограммой известил о переменах, происшедших в НКВД, первых секретарей компартий республик, а также обкомов и крайкомов: «В середине ноября текущего года в ЦК поступило заявление из Ивановской области от т. Журавлева (начальника НКВД) о неблагополучии в аппарате НКВД, об ошибках в работе НКВД, о невнимательном отношении к сигналам с мест, предупреждающим о предательстве Литвина, Каменского, Радзивиловского, Цесарского, Шапиро (того самого, которому пришлось разбираться с делом Сефа. – Б. С.) и других ответственных работников НКВД, о том, что нарком т. Ежов не реагирует на эти предупреждения, и т. д.

Одновременно в ЦК поступили сведения о том, что после разгрома банды Ягоды в органах НКВД СССР появилась другая банда предателей, вроде Николаева, Жуковского, Люшкова, Успенского, Пассова, Федорова (всех их, кроме застрелившегося Литвина и сбежавшего к японцам Люшкова, довелось расстреливать уже Берии. – Б. С.), которые запутывают нарочно следственные дела, выгораживают заведомых врагов народа, причем эти люди не встречают достаточного противодействия со стороны т. Ежова.

Поставив на обсуждение вопрос о положении дел в НКВД, ЦК ВКП(б) потребовал от т. Ежова объяснений. Тов. Ежов подал заявление, где он признал указанные выше ошибки, признал кроме того, что он несет ответственность за то, что не принял мер против бегства Люшкова (УНКВД Дальнего Востока), бегства Успенского (нарком НКВД Украины) (через полгода Успенского поймали люди Берии. – Б. С.), признал, что он явно не справился со своими задачами в НКВД, и просил освободить его от обязанностей наркома НКВД, сохранив за ним посты по Наркомводу и по линии работы в органах ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Ежова, освободил его от работы в НКВД и утвердил наркомом НКВД СССР по единодушному предложению членов ЦК, в том числе и т. Ежова, – нынешнего заместителя НКВД тов. Берия Л.П.

Текст заявления т. Ежова получите почтой.

С настоящим сообщением немедленно ознакомить начальников НКВД».

Смена власти в наркомате прошла без сучка и задоринки. Не только ни один из начальников областных и республиканских управлений внутренних дел не выступил в защиту Ежова и уж тем более не попытался поднять мятеж против Сталина, но даже никто из них не попытался сбежать, как это ранее сделали Люшков (удачно) и Успенский (неудачно). Чекисты ежовского призыва покорно ждали своей участи, как бараны, приведенные на бойню, и мало кто из них уцелел. Берия по приказу Сталина произвел широкомасштабную «смену караула» в своем ведомстве. А выход из системы на генеральском уровне был один: самоубийство или расстрел. Живых свидетелей прежних бессудных казней предпочитали не оставлять в живых.

26 ноября Берия в качестве главы НКВД подписал приказ о порядке осуществления постановления от 17 ноября. Из тюрем освобождались те арестованные, кто так и не признал свою вину, а также многие из тех, на кого не было других улик, кроме выбитых следователями признаний, от которых они впоследствии отказались. В 1939 году Берия издал ряд приказов о снятии с должностей и преданию суду работников НКВД, виновных в фальсификации уголовных дел. 9 ноября 1939 года появился приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», предписывавший освободить из-под стражи всех незаконно арестованных и установить строгий контроль за соблюдением уголовно-процессуальных норм.

Бериевские выдвигенцы, которых он в августе 1938-го захватил с собой в Москву, заняли ответственные посты в системе НКВД. Богдан Кобулов, бывший заместитель наркома внутренних дел Грузии, еще 29 сентября 1938 года был назначен начальником 2-го отдела Главного управления госбезопасности. А 17 декабря того же года Богдан Захарович стал заместителем начальника ГУГБ и начальником следственной части НКВД. Его брат Амаяк еще в сентябре 1938-го был всего лишь начальником райотдела НКВД в Гаграх. Но уже в октябре он стал исполнять обязанности наркома внутренних дел Абхазии, а 7 декабря был назначен первым заместителем наркома внутренних дел Украины. Бывший нарком внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе стал главой Ленинградского НКВД. Новым наркомом внутренних дел Грузии Берия сделал А.Н. Рапаву, бывшего главу Совнаркома Абхазии, начинавшего свою карьеру в Грузинском ЧК уполномоченным Особого отдела еще в 1924 году. Бывшего заведующего промышленно-транспортным отделом ЦК Компартии Грузии В.Н. Меркулова Лаврентий Павлович сделал своим первым заместителем и начальником Главного управления государственной безопасности. Всеволод Николаевич был не только кадровым чекистом с 1921 года и служил под началом Берии в Грузинском ГПУ. Он писал неплохие пьесы под псевдонимом «Всеволод Рокк» (не знаю, повлияло ли на выбор псевдонима знакомство с повестью Михаила Булгакова «Роковые яйца», где персонажа, вызвавшего из-за собственной небрежности катастрофический поход на Москву гигантских гадюк, зовут Александр Семенович Рокк). Меркуловская пьеса «Инженер Сергеев» – о борьбе с «фашистскими шпионами» с успехом шла в столичных театрах. А вот под своим именем Всеволод Николаевич выпустил брошюру «Лаврентий Берия – верный сын партии Ленина – Сталина». В феврале 1941-го с подачи Лаврентия Павловича

Меркулова назначили наркомом государственной безопасности СССР. Правда, в дальнейшем Берия разочаровался в его деловых качествах и, возможно, стал одним из инициаторов его смещения с поста главы органов госбезопасности после Великой Отечественной войны. Еще один соратник Берии по Закавказью, бывший глава Госплана Грузии В.Г. Деканозов, в декабре 1938 года стал начальником разведывательного и контрразведывательного отделов и заместителем начальника ГУГБ НКВД. Владимир Георгиевич работал вместе с Лаврентием Павловичем еще в бакинском подполье.

Это только некоторые, наиболее известные из тех, кто работал вместе с Берией в Закавказье, а потом занял важные позиции в центральном аппарате НКВД. Сам Лаврентий Павлович после XVIII съезда партии в марте 1939 года был избран кандидатом в члены Политбюро, как Ежов в 1937-м.

Точные данные о числе освобожденных из тюрем в 1938–1941 годах в рамках так называемой «бериевской оттепели» до сих пор не опубликованы, равно как и сведения о числе арестованных в этот же период по политическим обвинениям. Серго Берия полагает, что первых было 750–800 тысяч, вторых – 20–25 тысяч. В точности этих цифр позволительно усомниться. Не очень верится, что выпускали сотни тысяч, а сажали лишь десятки тысяч. Во всяком случае, в период с 1 января 1939 года по 1 января 1941 года численность осужденных за контрреволюционную деятельность, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, сократилась только на 34 тысячи человек. До этого за один только 1938 год она возросла почти в два с половиной раза – с 185 до 454 тысяч. Число заключенных в тюрьмах с приходом Берии сначала уменьшилось – с января по сентябрь 1939 года с 351 до 178 тысяч. Зато уже с сентября их число вновь стало расти – пошел поток арестованных с «освобожденных территорий» – Западной Украины и Западной Белоруссии, а позднее – из Прибалтики и Бессарабии. Кроме того, в тюрьмы с лета 1940-го стали помещать заключенных на срок от 2 до 4 месяцев за опоздание на работу, выпуск недоброкачественной продукции, прогулы и т. п. Таких к 1 декабря 1940 года насчитывалось 133 тысячи. В результате в январе 1941-го тюремное население достигло максимума – 488 тысяч, чтобы опять сократиться к маю до 333 тысяч. К тому времени многих арестованных успели осудить и отправить в лагеря. Всего же из исправительно-трудовых лагерей в 1939–1940 годах были освобождены 540 тысяч заключенных. Для сравнения: в 1937–1938 годах лагеря покинули 644 тысячи человек. Наибольшее число зэков обрели свободу в 1941 году – 624 тысячи, однако здесь мощным фактором явилась война. Значительную часть мужчин из лагерей досрочно освободили, чтобы восполнить колоссальные потери, которые несла Красная Армия на фронте. Кроме того, большинство освобожденных имели не политические, а уголовные статьи и освобождались в связи с истечением срока заключения, а не из-за реабилитации или амнистии. О числе реабилитированных в тот период узников имеются лишь отрывочные сведения. Так, на 1 января 1941 года на Колыме находились 34 тыс. освобожденных из лагерей, из них 3 тысячи считались полностью реабилитированными. Ясно, однако, что общее число реабилитированных и амнистированных по политическим статьям могло составить десятки, но никак не сотни тысяч человек.

Вот количество расстрелянных с приходом Берии действительно уменьшилось на порядок. За весь период 1921–1953 годов к смертной казни по политическим статьям были приговорены 786 098 человек. Из этого числа на 1937–1938 годы приходится 681 692 расстрелянных, из них 631 897 – по приговорам внесудебных троек. Таким образом, почти половина из 1 372 тыс. арестованных за «контрреволюционные преступления» в период «ежовщины» были казнены. А всего за два с небольшим года пребывания в НКВД печальной памяти Николая Ивановича Ежова были расстреляны почти семь восьмых от общего числа приговоренных к смерти по политическим статьям за три десятилетия сталинского правления. Но нельзя сказать, что в прекращении террора повинен Берия. Решения принимал не он, а Сталин. Однако столь же неосновательно за позднейшие репрессии возлагать ответственность на одного Лав-

рентия Павловича. Ее с ним по справедливости должны разделить Сталин и другие члены высшего политического руководства страны.

Из более чем 104 тысяч, расстрелянных в 1921–1936 и в 1939–1953 годах, львиная часть приходится на время, когда во главе НКВД был Берия. В «вегетарианские» 20-е и первую половину 30-х годов число казненных по политическим мотивам вряд ли превышало 1–2 тыс. человек. Правда, сюда, очевидно, не входят жертвы коллективизации, в том числе расстрелянные при подавлении вызванных ей восстаний. Таких могло быть несколько десятков тысяч человек. Также и после войны, при Абакумове и Игнатеве, число расстрелянных составило лишь несколько тысяч человек. Таким образом, число казненных в период пребывания Берии на посту наркома внутренних дел можно оценить немного меньше, чем 100 тыс. человек. Правда, необходимо заметить, что официальные цифры казненных в эти годы преуменьшены на несколько десятков тысяч. Так, согласно архивным данным, которые приводит историк М.И. Семиряга, в 1939–1940 годах были казнены по политическим мотивам только 4464 человека. Между тем, только в 1940 году были казнены почти 22 тысячи польских офицеров и гражданских лиц – представителей интеллигенции и имущих классов. Также вряд ли попали в официальную статистику тысячи политзаключенных, расстрелянных при эвакуации из тюрем в западных областях, подвергшихся германской оккупации. Эти расстрелы были санкционированы Берией. Так, только к 12 июля 1941 года в Львовской области «убыло по 1-й категории» (как мы помним, эвфемизм расстрела в документах НКВД) 2464 политзаключенных, в Дрогобычской области – 1101, в Станиславской области – 1000 человек, в Тернопольской области – 674, и еще 18 были убиты «при попытке к бегству», в Ровенской области – 230, в Волынской области – 231, в Черновицкой области – 16, в Житомирской области – 47, в Киевской области – 125. Такова была картина на Украине. В Белоруссии из-за быстрого наступления немцев во многих тюрьмах никого из «политических» «оприходовать по 1-й категории» не успели. В своем рапорте от 3 сентября 1941 года заместитель начальника тюремного управления НКВД Белоруссии М.П. Опалев сообщал, что только политрук тюрьмы города Ошмяны Клименко и помощник уполномоченного Авдеев по своей инициативе успели расстрелять 30 человек, обвинявшихся в «контрреволюционных преступлениях», но вот зарыть трупы не успели, что было поставлено им в вину (следы преступлений старались замаскировать). Кроме того, начальник тюрьмы города Глубокое Приемышев расстрелял при движении пешим порядком 600 заключенных-поляков, которые будто бы кричали: «Да здравствует Гитлер!» Последнее кажется совершенно невероятным, учитывая как нелюбовь поляков к Гитлеру, так и то, что дело происходило в советском тылу. Вероятнее всего, Приемышев это выдумал, чтобы оправдать расстрел. Его арестовали, но член Военного совета Центрального фронта П.К. Пономаренко признал действия Приемышева правильными и из-под стражи освободил. По всей вероятности, кто-то из политических заключенных был расстрелян в тюрьмах Молодечно, Пинска, Полоцка, Витебска, Гомеля, Мозыря, Могилева и некоторых других городов, из которых узников удалось эвакуировать на восток. Однако данных о числе «убывших по 1-й категории» по этим тюрьмам нет.

Таким образом, только по тем украинским и белорусским тюрьмам, по которым имеется информация, число ликвидированных политзаключенных составляет более 6,5 тысяч. А ведь расстреливали несчастных ээков и в других областях и республиках, подвергшихся немецкой оккупации. Да и в 1939–1940 годах не попавшими в официальную цифру 786 тысяч расстрелянных могли оказаться не только 22 тысячи поляков, но и тысячи, если не десятки тысяч других жителей присоединенных к СССР территорий. С учетом этих недоучтенных жертв общее число уничтоженных при участии Берии, возможно, достигает 150 тысяч, а если добавить сюда погибших при депортации наказанных народов, – наверняка превышает 200 тысяч. Цифра солидная. Она меньше, чем у Ежова, и, вероятно, примерно такая же, как и у других тогдашних членов Политбюро. Как мы увидим дальше, решение о расстреле поляков в Катynie было

коллективным. Можно предположить, что и другие решения о массовых казнях и депортациях Сталин заставлял подписывать и своих коллег по Политбюро, чтобы связать всех кровавой круговой порукой.

Добавим сюда, что только военнослужащих и только в судебном порядке за годы Великой Отечественной войны расстреляно почти 158 тыс. Сколько же человек были расстреляны без суда в боевой обстановке, неизвестно до сих пор. Сам Берия в письме из заключения членам Президиума ЦК КПСС упоминал о десятках тысячах военнослужащих, расстрелянных в 1941-м.

В целом «бериевская оттепель» не повлияла сколько-нибудь существенным образом на численность заключенных, в том числе и политических. Тем не менее освобождение нескольких тысяч уцелевших при Ежове представителей партийной и военной элиты отразилось в общественном сознании и породило миф о массовом освобождении политических из лагерей. На самом деле более или менее значительное количество освобожденных политических заключенных было лишь из тюрем, где сидели те, кому еще не успели вынести приговор. Отменять прежние судебные и внесудебные решения Сталин, за редкими исключениями, не позволил, чем и объясняется ограниченный характер «бериевской оттепели».

Придя на Лубянку, Берия не только освобождал тех, кого не успел расстрелять Ежов. Репрессии продолжались, хотя и с меньшей интенсивностью, чем при «железном наркоме». Еще будучи первым заместителем Ежова, Берия вел дело маршала В.К. Блюхера, обвиненного в участии в «военно-фашистском заговоре» и в шпионаже в пользу Японии. Если бы Сталин все-таки решил устроить в дальнейшем над Ежовым показательный процесс, то Блюхер представлялся идеальной кандидатурой в качестве одного из подсудимых: Василия Константиновича можно было обвинить в огульном избиении кадров ОКДВА, в чем маршал немало преуспел, наивно рассчитывая выкупить свою голову, над которой нависла смертельная опасность после бездарно проведенных боев у Хасана, чужими шеями.

Почти сразу же после ареста и еще до первых очных ставок Блюхера стали жестоко избивать. Маршал, сам отправивший на смерть Тухачевского, Якира и прочих, прекрасно понимал, что признание вины все равно не спасет от смертной казни. И чекисты сразу принялись за физическую обработку арестованного, зная, что добровольно признаваться в мнимых преступлении по расстрельным статьям он ни за что не будет.

Соседом Блюхера по лубянской камере совсем не случайно оказался бывший начальник Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриев (Плоткин) (расстреляли Дмитрия Матвеевича уже в бытность Берии наркомом, в марте 1939-го). После ареста в рамках исподволь начавшейся кампании по постепенной замене людей Ежова людьми Берии он выполнял малопочтенную роль «наседки» и уговаривал маршала во всем сознаться в призрачной надежде спасти собственную жизнь (разговоры в камере записывались на магнитофон). 26 октября Василий Константинович рассказывал Дмитриеву: «Физическое воздействие... Как будто ничего не болит, а фактически все болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с Народным комиссаром». – «С Ежовым?» – переспросил Дмитриев. – «Да, – подтвердил Блюхер. И застонал: – Ой, не могу двигаться, чувство разбитости». – «Вы еще одну ночь покричите, и будет все замечательно», – то ли проявляя участие, то ли издеваясь, заметил чекист.

В тот же день дежурный предупредил Василия Константиновича: «Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово». – «С чего начинать?» – поинтересовался Блюхер. – «Вам товарищ Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час, – пригрозил дежурный. – «Вам объявлено? Да?»»

Дмитриев участливо разъяснил Блюхеру: «Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было – нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы ее утя-

желаете тем, что идете в Лефортово...» – «Я же не шпионил», – оправдывался Блюхер, но у опытного чекиста подобный детский лепет вызвал лишь улыбку.

Дмитриев прекрасно знал, как из подследственных делают шпионов, самому не раз приходилось этим заниматься: «Раз люди говорят, значит, есть основания...» – «Я же не шпион», – доказывал Блюхер. – «Вы не строите из себя невиновного, – продолжал убеждать Дмитриев. – Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром все рассказать. И все. Если вы решили, то надо теперь все это сделать...» – «Меня никто не вербовал», – робко возразил Василий Константинович.

Такая мелочь не смутила бывшего шефа Свердловского НКВД. Он успокоил маршала – следователь поможет: «Как вас вербовали, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...» – «Я могу сейчас сказать, что я был виноват», – начал колебаться Блюхер. – «Не виноват, а состоял в организации...» – поправил Дмитриев, знавший, что начальство любит конкретность. – «Не входил я в состав организации, – взорвался Блюхер. – Нет, я не могу сказать...» – «Вы лучше подумайте, что вы скажите Берия, чтобы это не было пустозвоном... – гнул свою линию Дмитриев. – Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал и кому вы дали согласие?»

Блюхер попытался вспомнить что-нибудь конкретное: «Вот это письмо – предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерibasу (начальнику Управления НКВД по Хабаровскому краю, арестованному летом 1937-го; как можно понять, речь идет либо о письме кого-то из тех, кого Сталин и Ежов причисляли к никогда не существовавшему «правотроцкистскому блоку» Бухарина, Ягоды, Рыкова и др., либо о письме каких-то японских представителей. – Б. С.)».

Дмитриев объяснил: «Дерibas донес... Вы должны сказать». – «Что я буду говорить?» – в отчаянии обратился к сокамернику Василий Константинович. – «Какой вы чудак, ей-богу, – сочувственно улыбнулся Дмитриев. Вы знаете (фамилия заключенного в магнитофонной записи не была расшифрована. – Б. С.)... Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали Лефортово – сразу сказал...» – «Что я скажу?» – потерянно повторил Блюхер. – «Вы меня послушайте, – не обращая внимания на возражения собеседника, уверенно продолжал бывший чекист, – я вас считаю японским шпионом, тем более что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте».

Но Василий Константинович «правильно думать» не захотел и продолжал «строить из себя невиновного». Его отправили в Лефортово. «Физическое воздействие» на Лубянке должно было показаться оздоровительными процедурами по сравнению с лефортовскими пытками.

И. Русаковская, сидевшая в одной камере со второй женой маршала Г.П. Кольчугиной, рассказывала комиссии ЦК КПСС: «Из бесед с Кольчугиной-Блюхер выяснилось, что причиной ее подавленного настроения была очная ставка с бывшим маршалом Блюхером, который, по словам Кольчугиной-Блюхер, был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии ее... наговаривал на себя чудовищные вещи... Я помню, что Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком, растерзанном виде, который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: «Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком».

Бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблюм в 1956 году сообщила КГБ, что оказывала медицинскую помощь подследственному Блюхеру. Лицо несчастного было в кровоподтеках, под глазом был большой синяк, а склера глаза была наполнена кровью – так силен был удар.

Бывший начальник Лефортовской тюрьмы Зимин сообщил в 1957 году, что сам видел, как «Берия избивал Блюхера, причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берией, истя-

зали Блюхера, причем он сильно кричал: «Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают». Берия же в свою очередь кричал: «Говори, как ты продал Восток».

О том же сообщил в ЦК КПСС бывший заместитель Зимина Харьковец, утверждавший, что на его глазах Берия вместе с Кобуловым (очевидно, Богданом, так как Амаяк тогда еще оставался в Грузии. – Б. С.) избивали Блюхера резиновыми дубинками.

Один из бывших следователей НКВД 12 ноября 1955 года на допросе показал, что когда 5 или 6 ноября 1938 года первый раз увидел маршала, то «сразу же обратил внимание на то, что Блюхер накануне был сильно избит, ибо все лицо у него представляло сплошной синяк и было распухшим. Вспоминаю, что, посмотрев на Блюхера и видя, что все лицо у него в синяках, Иванов тогда сказал мне, что, видно... Блюхеру здорово попало».

«Танковые» методы допросов дали наконец эффект. Блюхер признался в связях с «правыми». В период с 6 по 9 ноября он написал письменные показания о том, что готовил военный заговор. А вот в шпионаже в пользу Японии признаться не успел: умер 9 ноября 1938 года, не выдержав побоев. Официальный диагноз констатировал смерть в результате закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Стал ли роковой тромб следствием непрерывных истязаний или просто маскировал другой, более откровенный диагноз: смерть от сотрясения мозга или от пролома черепа, например?

Сталину сообщили о смерти Блюхера. Иосиф Виссарионович распорядился тело кремировать. Бывший сотрудник НКВД Головлев сообщил в 1963 году комиссии ЦК КПСС: «В нашем присутствии Берия позвонил Сталину, который предложил ему приехать в Кремль. По возвращении от Сталина Берия пригласил к себе Меркулова, Миронова, Иванова и меня, где он нам сказал, что Сталин предложил отвезти Блюхера в Бутырскую тюрьму для медосвидетельствования и сжечь в крематории». Вождь не использовал для посмертной реабилитации маршала даже последовавшее через две недели после его гибели смещение Ежова. Реабилитировали Блюхера лишь в 1956 году постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР «за отсутствием в его действиях состава преступления».

Формально говоря, Блюхера пытались привязать к «военно-фашистскому заговору» Тухачевского, хотя Василий Константинович сам был среди судей, безропотно отправивших на смерть Тухачевского и его товарищей. Но фактически причины репрессий против Блюхера и Тухачевского были принципиально различны.

Готовясь к Второй мировой войне, оснащая Красную Армию тысячами и тысячами танков и самолетов, Сталин произвел в 1937–1938 годах масштабную зачистку высшего командного состава от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался. Заодно он зачистил и гражданскую номенклатуру, перебирал людишек. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения. О поражении Сталин не думал. Воевать собирались «малой кровью и на чужой территории». Зачистка нужна была в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и помнил, что бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили Иосифа Виссарионовича инспирировать «дело о военно-фашистском заговоре» и казнить Тухачевского, Якира, Уборевича, Егорова и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент еще не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные «конармейцы» – Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, Мерецков и Жуков, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет. Правда, насчет Жукова к концу войны он это мнение, похоже, изменил, и уже вскоре после победного 1945-го отправил его в не слишком почетную ссылку. Но не уничтожил, а все-таки сохранил для грядущих боев. Равно как и Мерецкова, арестованного в начале войны, но вскоре освобожденного.

Кстати сказать, на допросе 7 октября 1953 года Берия будто бы утверждал: «Мне вспоминается, что говоря со мной о деле Мерецкова, Ванникова и других, Меркулов преподносил

его с позиций своих достижений, что он раскрыл подпольное правительство, чуть ли не Гитлером организованное. Я считаю, что основным виновником в фабрикации этого дела является Меркулов, и он должен целиком нести за это ответственность».

По нашему мнению, к этому времени Берия был уже расстрелян, а протокол допроса сфабриковали сотрудники Хрущева и Маленкова при участии прокурора Руденко и следователя Цареградского, которые вели и реальные допросы Берии. Целью было иметь компромат на Меркулова. Берия-то прекрасно знал, что вопросы об аресте лиц уровня Мерецкова и Ванникова решались по инициативе Сталина, и ему не было смысла вешать все обвинения на Меркулова, от которого он мог опасаться в этом случае получить компрометирующие показания.

Кстати сказать, Хрущев в мемуарах утверждал, что Берия хвастался, что сыграл решающую роль в освобождении Мерецкова: «Берия еще при жизни Сталина рассказывал об истории ареста Мерецкова и ставил его освобождение себе в заслугу. «Я пришел к товарищу Сталину и говорю: «Товарищ Сталин, Мерецков сидит как английский шпион. Какой он шпион? Он честный человек. Война идет, а он сидит. Мог бы командовать»... И вот, – продолжает Берия, – Сталин сказал: «Верно, вызовите Мерецкова и поговорите с ним». Я вызвал его и говорю: «Мерецков, ты же глупости написал, ты не шпион. Ты честный человек, ты русский человек». Мерецков смотрит на меня и отвечает: «Я все сказал. Я собственноручно написал, что я английский шпион. Больше добавить ничего не могу»... [Берия:] «Ступай в камеру, посиди еще, подумай, поспи, я тебя вызову»... Потом, на второй день я вызвал Мерецкова и спрашиваю: «Ну, что, подумал?» Он стал плакать: «Как я мог быть шпионом? Я русский человек, люблю свой народ». Его выпустили из тюрьмы, одели в генеральскую форму, и он пошел командовать на фронт».

Если все было действительно так, то Никите Сергеевичу могла прийти мысль устами Берии обвинить в аресте Мерецкова Меркулова, раз уж Лаврентий Павлович будто бы заступился за будущего маршала.

Блюхера же Сталин уничтожил просто потому, что маршал стал ему больше не нужен. Василий Константинович очень неудачно действовал во время конфликта с японцами в районе озера Хасан. Командующий Дальневосточной армией с самого начала боев не слишком верил в способность своих войск противостоять японцам. Беда была в том, что красноармейцы воевать не очень-то умели. В приказе Ворошилова по итогам хасанских событий об этом говорилось вполне откровенно: «Виновниками в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней Дальневосточного Краснознаменного фронта и, в первую очередь, командующий Дальневосточным Краснознаменным фронтом маршал Блюхер. Вместо того, чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации вредительства и боевой подготовки Дальневосточного Краснознаменного фронта и правдиво информировать партию и Главный Военный Совет о недочетах в жизни войск фронта, тов. Блюхер систематически из года в год прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии».

Блюхер так и не смог до заключения перемирия отбить у японцев занятую ими сопку Заозерная. Советские потери, по официальным данным, опубликованным только в 1993 году, составили 792 человека убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно – 525 и 913, т. е. в 2–3 раза меньше. В приказе Ворошилова справедливо отмечалось: «Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)...».

Такой полководец Иосифу Виссарионовичу был не нужен. И Лаврентий Павлович точно выполнил его указания. Я не исключаю, что, может быть, он забил Блюхера насмерть не от

чрезмерного усердия, а по тайному сталинскому приказу. Недаром смерть Блюхера никак не отразилась на карьере Берии, тогда как десятилетие спустя смерть одного из подследственных от чрезмерного усердия палачей привела к падению министра госбезопасности В.С. Абакумова.

На самом деле Сталин уничтожил Блюхера за Хасан. Но судить Блюхера с объявлением об этом в газетах было не очень удобно. Совсем недавно Василий Константинович сам активно боролся с врагами народа и того же Тухачевского на смерть отправил, а теперь вдруг оказался заодно с главой «военно-фашистского заговора»! К тому же советская пропаганда объявила хасанские бои победой Красной Армии. А так все устроилось лучшим образом. Блюхер умер во время следствия. Об аресте его нигде не объявлялось, равно как и о смерти. Маршал просто исчез.

Точно так же вскоре исчез еще один маршал – А.И. Егоров. Арестовали его еще при Ежове, 27 марта 1938 года, а расстреляли уже при Берии, 23 февраля 1939 года. Егоров вместе со Сталиным и Ворошиловым воевал еще в Гражданскую под Царицыном. Сталин ценил Александра Ильича за личную преданность себе, но как военного специалиста ставил не слишком высоко, во всяком случае, ниже Тухачевского. Но как раз преданность Егорова Сталину была поставлена под сомнение, и это решило судьбу маршала. Еще в декабре 1937-го, вскоре после того, как Егоров стал депутатом Верховного Совета и формально обрел депутатскую неприкосновенность, на стол Ворошилова легли доносы Ефима Афанасьевича Щаденко и Андрея Васильевича Хрулева. Два друга согласно утверждали, что Егоров во время товарищеского ужина (отмечали назначение Щаденко заместителем наркома обороны, последовавшее в конце ноября) высказал недовольство тем, что историю Гражданской войны освещают неправильно, его, Егорова, роль умаляют, а роль Сталина и Ворошилова «незаслуженно возвеличивают». Видно, выпили в тот вечер военачальники лишнего, потерял Александр Ильич бдительность, расчувствовался, вот и результат. Время после дела Тухачевского и начала массовых арестов в армии было тревожное. Щаденко и Хрулев могли с перепугу подумать, что Егоров вообще их провоцирует. И в любом случае решили, что сообщить Ворошилову об «идеологически невыдержанном» разговоре просто необходимо. Их доносы оказались решающими в судьбе маршала. Хотя было и еще несколько доносов на Егорова, но вот эти первые имели для Сталина принципиальное значение.

А то, что во время следствия Егоров, как водится, признался и в связях с уже расстрелянными заговорщиками, и в шпионаже в пользу Германии и Польши и назвал множество еще не арестованных коллег в качестве участников заговора, нерасчетливо поверив ежовскому обещанию сохранить жизнь, только помогло оформить приговор Военной коллегии Верховного суда. Берия был тут абсолютно бессилён, даже если бы хотел спасти Егорова (а у нас нет никаких данных, что он этого действительно хотел). Александр Ильич успел еще при Ежове очень много на себя наговорить. Но главное было в том, что его смерти хотел Сталин, не простивший маршалу сказанных сгоряча слов о «незаслуженном возвеличивании» сталинской роли в обороне Царицына.

Еще одну группу военных арестовали в самый канун Великой Отечественной войны. Все началось с приземления немецкого самолета «Юнкерс-52» на Красной площади 15 мая 1941 года. После этого в самый канун войны и в первые ее дни было арестовано несколько генералов, связанных с авиацией и ПВО, в том числе начальник управления ПВО Г.М. Штерн, начальник ВВС Красной Армии П.В. Рычагов, командующий Прибалтийским военным округом А.Д. Локтионов, ранее занимавший должность начальника ВВС Красной Армии, помощник начальника Генштаба по авиации, Я.В. Смушкевич, а также бывший начальник Генштаба К.А. Мерецков и нарком вооружений Б.Л. Ванников. Строго говоря, Берия к этим арестам не имел непосредственного отношения. Борьбой со шпионами и заговорщиками, по большей частью мнимыми, тогда уже занимался наркомат госбезопасности, во главе которого стоял В.Н.

Меркулов. Кроме казуса с «юнкерсом», за арестованными генералами были и некоторые другие прегрешения. Так, например, Штерн скрыл свое социальное происхождение, о чем уже после Халхин-Гола, за который был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза, написал покаянное письмо Ворошилову. Правда, из этого письма невозможно понять, кем же все-таки были родители Григория Михайловича. В анкетах он писал, что его отец был врачом. Можно предположить, что в действительности он оказался каким-нибудь купцом 2-й гильдии.

Были на Штерна, Рычагова и других и доносы. Это не удивительно. В НКВД, а потом в НКГБ собирали материал практически на всех генералов, чтобы при наличии санкции от Сталина дать ему ход. Так, капитан госбезопасности (что соответствовало армейскому полковнику) Тихон Васильевич Пронин в письме секретарю ЦК и члену ГКО Г.М. Маленкову от 3 апреля 1942 года признавался: «В письме товарищу Сталину 29 мая 1941 года я подробно описал о преступной деятельности перед партией и Государством бывших руководителей Военно-Воздушных Сил Красной Армии – Рычагова, Смушкевич, Пумпур и др.». Наверняка подобные же доносы были на Штерна, Мерецкова и других, особенно после того, как стало известно об инциденте с «юнкерсом» и снятии со своих постов Штерна и Рычагова. Но истинной причиной репрессий против генералов-авиаторов стал их провал с немецким самолетом.

Хотя, справедливости ради, надо признать, что сделать они могли немного. Советская ПВО оставалась весьма слабой вплоть до начала 60-х годов, когда на вооружение были приняты зенитно-ракетные комплексы и более совершенные радары. До этого не хватало и постов воздушного наблюдения, и зенитных орудий (в годы войны их получали по ленд-лизу из Америки), и истребителей-перехватчиков, и опытных пилотов. Например, в 1953 году, вскоре после смерти Сталина, большая группа американских самолетов на большой высоте нарушила западные границы СССР, и наша ПВО ничего не смогла с ними сделать.

Ванникову и Мерецкову повезло. Продержав несколько месяцев в тюрьме и заставив признаться в заговоре и шпионаже в пользу Германии, Кирилла Афанасьевича и Бориса Львовича выпустили и восстановили в генеральских званиях. Другим повезло меньше. По представлению Берии Сталин санкционировал расстрел Г.М. Штерна, П.В. Рычагова, А.Д. Локтионова, Я.В. Смушкевича и других арестованных по «делу авиаторов». Это представление, как и ранее, в случае с польскими офицерами, Лаврентий Павлович писал по указанию Сталина. Генералов расстреляли в Куйбышеве 28 октября 1941 года по ложным обвинениям в том, что они являлись заговорщиками и немецкими агентами. Все они во время следствия не выдержали избиений и покаялись в преступлениях, которые не совершали. Потом несчастные отказались от признаний, выбитых из них кулаками и резиновыми дубинками, но это их не спасло.

То, что Берия не по своей воле писал представление о расстреле генералов-авиаторов, косвенно признает и бывший главный военный прокурор СССР А.Ф. Катусев на основе изучения архивов Политбюро: «На множестве примеров удалось установить, что ни один из руководителей партии и старых большевиков не арестовывался без личного указания Сталина, который ревниво следил за тем, чтобы Ягода, Ежов и Берия не превышали своих полномочий. В этом смысле показателен такой факт, как расстрел 8 сентября 1941 года в Орловской тюрьме 161 политического заключенного, в том числе Христиана Раковского, Марии Спиридоновой, Валентина Арнольда, Петра Петровского, Ольги Каменевой и других. Долгое время считалось, что их расстреляли по распоряжению Берии. А что оказалось на самом деле?»

В апреле 1990 года Главная военная прокуратура закончила следствие, в ходе которого было обнаружено, что применение высшей меры наказания к 170 заключенным, одновременно осужденным к лишению свободы за контрреволюционные преступления, предписывалось постановлением от 6 сентября 1941 года № 634 сс, подписанным Сталиным как Председателем Государственного Комитета Обороны. Правда, Берия был причастен к этому – он направил Сталину письмо со списком на 170 фамилий и заключением: «НКВД СССР считает

необходимым применить к ним высшую меру наказания...». Но, зная повадки Сталина, нельзя исключать, что это письмо Берии появилось по инициативе «Хозяина».

Точно так же было и в случае с поляками, казненными в Катыни, с генералами-авиаторами и многими другими, осуждавшимися по представлениям НКВД, подписанным Берией. Однако трудно сомневаться, что писались эти представления по требованию Сталина.

Счастливым избежавшему смерти Ванникову 20 июля 1941 года выдали даже специальную «охранную грамоту» за подписью Сталина: «Государственный Комитет Обороны удостоверяет, что тов. Ванников Борис Львович был временно подвергнут аресту органами НКГБ, как это выяснено теперь, по недоразумению и что тов. Ванников Б.Л. считается в настоящее время полностью реабилитированным.

Тов. Ванников Б.Л. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначен заместителем наркома вооружения и по распоряжению Государственного Комитета Обороны должен немедленно приступить к работе в качестве заместителя Наркома вооружений».

Ванникова после освобождения Берия приблизил к себе. Они были знакомы еще по бакинскому подполью. Кроме того, Лаврентий Павлович, по всей вероятности, был осведомлен о некоторых фактах, компрометирующих Бориса Львовича по линии социального происхождения, и поэтому мог не опасаться интриг с его стороны. Уже после ареста Берии Ванникову связь с Лаврентием Павловичем, равно как и некоторые бакинские дела, пытались поставить в вину некоторые «доброжелатели». Об этом свидетельствует документ, публикуемый мной в приложении. Однако все кончилось для Бориса Львовича благополучно. Он дожил до почетного погребения в Кремлевской стене.

Среди жертв незаконных репрессий при Берии было немало выдающихся людей – режиссер В.Э. Мейерхольд, журналист М.Е. Кольцов, писатель И.Э. Бабель и др. Были расстреляны также крупные партийные руководители – Р.И. Эйхе, С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, А.В. Косарев и другие (часть из них была арестована еще при Ежове). Справедливости ради следует сказать, что деятели такого уровня репрессировались по инициативе Сталина, а не Ежова или Берии. НКВД по поручению Иосифа Виссарионовича лишь фабриковал материал против тех, на кого он указывал. Бабеля и Кольцова, в частности, притянули в том числе и к фальшивому делу о «террористическом заговоре» Ежова против Сталина. Только теперь открытых политических процессов не устраивали. Считалось, что с «врагами народа» уже покончено. Поэтому новых «врагов» расстреливали тихо, даже без публикаций в печати.

Николай Иванович Ежов был арестован 10 апреля 1939 года в кабинете Маленкова при личном участии Берии. И уже 24 апреля 1939 года написал следующее замечательное признание в Следственную часть НКВД: «Считаю необходимым довести до сведения следственных органов ряд новых фактов, характеризующих мое морально-бытовое разложение. Речь идет о моем давнем пороке – педерастии.

Начало этому было положено еще в ранней юности, когда я жил в учении у портного. Примерно лет с 15 до 16 у меня было несколько случаев извращенных половых актов с моими сверстниками, учениками той же портновской мастерской. Порок этот возобновился в старой царской армии во фронтовой обстановке. Помимо одной случайной связи с одним из солдат нашей роты у меня была связь с неким Филатовым, моим приятелем по Ленинграду, с которым мы служили в одном полку. Связь была взаимноактивная, то есть «женщиной» была то одна, то другая сторона. Впоследствии Филатов был убит на фронте.

В 1919 г. я был назначен комиссаром 2 базы радиотелеграфных формирований. Секретарем у меня был некий Антошин. Знаю, что в 1937 г. он был еще в Москве и работал где-то в качестве начальника радиостанции. Сам он инженер-радиотехник. С этим самым Антошиным у меня в 1919 г. была педерастическая связь взаимноактивная.

В 1924 г. я работал в Семипалатинске. Вместе со мной туда поехал мой давний приятель Дементьев. С ним у меня также были в 1924 г. несколько случаев педерастии активной только с моей стороны.

В 1925 г. в городе Оренбурге я установил педерастическую связь с неким Боярским, тогда председателем Казахского облпрофсовета. Сейчас он, насколько я знаю, работает директором художественного театра в Москве. Связь была взаимноактивная.

Тогда он и я только приехали в Оренбург, жили в одной гостинице. Связь была короткой, до приезда его жены, которая вскоре приехала.

В том же 1925 г. состоялся перевод столицы Казахстана из Оренбурга в Кзыл-Орду, куда на работу выехал и я. Вскоре туда приехал секретарем крайкома Голощекин Ф. И. (сейчас работает Главарбитром). Приехал он холостяком, без жены, я тоже жил на холостяцком положении. До своего отъезда в Москву (около 2-х месяцев) я фактически переселился к нему на квартиру и там часто ночевал. С ним у меня также вскоре установилась педерастическая связь, которая периодически продолжалась до моего отъезда. Связь с ним была, как и предыдущие, взаимноактивная.

В 1938 г. были два случая педерастической связи с Дементьевым, с которым я эту связь имел, как говорил выше, еще в 1924 г. Связь была в Москве осенью 1938 г. у меня на квартире уже после снятия меня с поста Наркомвнудела. Дементьев жил у меня тогда около двух месяцев.

Несколько позже, тоже в 1938 г. были два случая педерастии между мной и Константиновым. С Константиновым я знаком с 1918 г. по армии. Работал он со мной до 1921 г. После 1921 г. мы почти не встречались. В 1938 г. он по моему приглашению стал часто бывать у меня на квартире и два или три раза был на даче. Приходил два раза с женой, остальные посещения были без жен. Оставался часто у меня ночевать. Как я сказал выше, тогда же у меня с ним были два случая педерастии. Связь была взаимноактивная. Следует еще сказать, что в одно из его посещений моей квартиры вместе с женой я и с ней имел половые сношения.

Все это сопровождалось, как правило, пьянкой.

Даю эти сведения следственным органам как дополнительный штрих, характеризующий мое морально-бытовое разложение».

Николай Иванович хотел сказать Иосифу Виссарионовичу: если надо меня посадить, то сажайте меня по введенной в кодекс только в марте 1934 года статье 154-а, карающей за половое сношение мужчины с женщиной лишением свободы от трех до пяти лет. Но беда Ежова заключалась в том, что его надо было не посадить, а расстрелять. Поэтому смешная статья 154-а даже не попала в вынесенный ему приговор.

Зато признание Ежова помогло Лаврентию Павловичу при ведении следствия. Берия и его подчиненные изобрели совершенно фантастический заговор во главе с Ежовым, будто бы направленный на убийство Сталина и захват власти во время парада 7 ноября 1938 года. И они создали два ряда псевдозаговорщиков, кроме традиционных фигурантов подобных дел – бывших подчиненных Ежова по НКВД. С одной стороны, это были фигуранты донжуанского гомосексуального списка Ежова, разумеется, кроме анонимных. Все они были арестованы и в дальнейшем расстреляны. Большинство из них охотно признавались в гомосексуальной связи с Ежовым, рассчитывая пойти не по расстрельным пунктам политических статей, а по легкой «мужеложской» статье. Но этим мечтам несчастных не суждено было сбыться. Следователь говорил им примерно следующее: «Э, дурашка, нас твои педерастические шашни не интересуют. Ты давай рассказывай, как вы с врагом народа Ежовым думали товарища Сталина известить!» И бедняги понимали: это конец. А потом из Ежова и из его бывших любовников побоями и пытками выбивали признания в заговоре, шпионаже и умысле на теракт.

С другой стороны, в заговорщики произвели многочисленных любовников второй жены бисексуального Ежова, Евгении Соломоновны Ханютиной, покончившей с собой 21 ноября

1938 года. Многие из них принадлежали к творческой интеллигенции. В середине августа 1938 года с помощью подслушивающей аппаратуры в московской гостинице «Националь» была зафиксирована интимная связь Ежовой с писателем Михаилом Шолоховым. Николай Иванович ограничился тем, что крепко поколотил ветреную супругу, примерно как Степан Астахов Аксинью в «Тихом Доне». Но вскоре они помирились, и Ежов компрометирующую запись уничтожил. Осталась только препроводительная записка к ней. О любовной же связи Исаака Бабеля и Евгении Хаютиной было хорошо известно, да и сам Ежов подтвердил этот факт на допросах. А вот когда его арестовали, следователи оказались перед выбором: кого из писателей делать участником заговора Ежова и его жены с целью убийства Сталина и государственного переворота, Шолохова или Бабеля. Но автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» был тогда в фаворе, и «красноречиво молчащий», как он сам говорил на следствии, автор «Конармии» и «Одесских рассказов» оказался гораздо более подходящим кандидатом на роль заговорщика. По всей видимости, насчет Шолохова и Бабеля консультировались лично со Сталиным, и тот распорядился пощадить «социально близкого» Шолохова и казнить «социально чуждого» Бабеля. Михаила Кольцова в качестве любовника жены и заговорщика Ежов на допросах назвал сам.

А в последнем слове на суде 3 февраля 1940 года Николай Иванович заявил: «Я долго думал, как пойду на суд, как буду вести себя на суде, и пришел к убеждению, что единственная возможность и зацепка за жизнь – это рассказать все правдиво и по-честному. Вчера еще в беседе со мной Берия сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты признаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена».

После этого разговора с Берия я решил: лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом действительную правду. На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, я не террорист, но мне не верили и применили ко мне сильнейшие избиения. Я в течение двадцати пяти лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов. У меня есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять, и я о них скажу после, но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал и в них не повинен...»

Ежов считал себя виновным только в том, что «...почистил 14 000 чекистов. Но моя вина заключается в том, что я мало их чистил». И в заключение он заявил: «Судьба моя очевидна. Жизнь мне, конечно, не сохранят, так как я и сам способствовал этому на предварительном следствии. Прошу об одном, расстреляйте меня спокойно, без мучений.

Ни суд, ни ЦК мне не поверят, что я не виновен. Я прошу, если жива моя мать, обеспечить ее старость и воспитать мою дочь.

Прошу не репрессировать моих родственников – племянников, так как они совершенно ни в чем не виноваты».

На следующий день Ежова расстреляли, а родственников впоследствии репрессировали. Тогда Берия, конечно, не знал, что через тринадцать с половиной лет ему придется разделить печальную участь Николая Ивановича, причем в связи с почти такими же обвинениями.

К вновь арестованным применялись те же незаконные методы следствия, которые ЦК формально осудил в ноябре 1938-го. В мае 1939-го был арестован старый большевик М.С. Кедров, дядя расстрелянного в 1937-м бывшего начальника Иностранного отдела НКВД Артузова. Михаилу Сергеевичу предъявили вымышленные обвинения в шпионаже, сотрудничестве с охранным отделением и проведении вредительства в годы Гражданской войны. Кедров безуспешно взывал к ЦК, настаивая на своей невинности. 19 августа 1939 года он писал, не зная, что его письма не пойдут дальше Следственной части НКВД: «Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-provokator царской охраны, не шпион, не член антисоветской организации... Пятый месяц тщетно прошу на каждом допросе предъявить мне конкретные обвинения, чтобы я мог их опровергнуть, тщетно прошу следователей записать факты из моей жизни, опровергающие указанные выше обвинения. Напрасно...

И с первых же дней нахождения моего в суровой Сухановской тюрьме начались репрессии: ограничение времени сна 1–2 часами в сутки, лишение выписок продуктов, книг, прогулок, даже отказ в медпомощи и лекарствах, несмотря на мое тяжелое заболевание сердца.

С переводом меня в Лефортовскую тюрьму круг репрессий расширился. Меня заставляли стоять часами до изнеможения, в безмолвии в кабинетах следователей, ставили как школьника лицом в угол, трясли за шиворот. Хватали за бороду, дважды сажали в карцер, вернее, погреб. Совершенно сырое и холодное помещение с замурованным наглухо окном. С начала августа следователи гр. гр. Мешик, Адамов, Албогачиев начали меня бить. На трех допросах меня били по щекам за то, что я заявляю, что я честный большевик и что никаких фактов моей преступной работы у них нет и не может быть».

Кедрову еще повезло, что его не били резиновыми дубинками. А вот Мейерхольду не повезло. Всемирно известный режиссер в письмах Берии, Молотову и в прокуратуру подробно рассказал, как его били. Прокурору А.Я. Вышинскому Всеволод Эмильевич подробно описал, как проходили истязания: «Меня клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног; когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, что на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Руками меня били по лицу». Александра Январевича, как и Лаврентия Павловича, подобным удивить было трудно. На суде, состоявшемся 1 февраля 1940 года, Мейерхольд утверждал, что «врал на себя благодаря лишь тому, что меня избивали всего резиновой палкой. Я решил тогда врать и пойти на костер». Не помогло. Военная Коллегия проштамповала спущенный из Политбюро смертный приговор, и на следующий день его привели в исполнение. Не стало Мастера (так ученики и друзья называли Мейерхольда). Не стало того, кто в одном из предсмертных заявлений писал: «Я хочу, чтобы дочь и мои друзья когда-нибудь узнали, что я до конца остался честным коммунистом».

Лаврентию Павловичу предстояло отправить на костер не сотни тысяч, как при Ежове, но многие тысячи невинных людей. Берия творил добро, отнюдь не порывая со злом. Да и странно было бы ожидать увидеть в большевике с более чем 20-летним стажем и кадровом чекисте сторонника правового государства. Хотя, как мы помним, в своих докладных записках он иной раз для красного словца щеголял этим термином. С тех пор мало что изменилось. Избиения не хуже тех, что пришлось испытать Мейерхольду, и сегодня практикуются нашей полицией, хотя Россия вроде бы формально считается демократической страной.

К моменту прихода Берии НКВД представлял собой не только карательный, но и мощный хозяйственный механизм. Узники ГУЛАГа трудились на многочисленных стройках. В 1940 году НКВД выполнил 13 % всех капитальных работ в народном хозяйстве страны. На 1941 год организации наркомата должны были освоить капитальных вложений на 6,8 млрд рублей и выпустить промышленной продукции на 1,8 млрд рублей. Реализоваться этих «планов громадь» должно было благодаря подневольному труду почти двух миллионов заключенных.

Перед войной

Еще до начала Великой Отечественной войны Лаврентию Павловичу приходилось заниматься и чисто военными вопросами. Так, 29 ноября 1939 года, в самый канун советского нападения на Финляндию, последовавшего утром следующего дня, он направил весьма тревожное письмо наркому обороны маршалу Ворошилову. Пока опубликован лишь фрагмент этого письма, посвященный Краснознаменному Балтийскому флоту, но можно предположить, что другие части письма касались состояния сухопутных войск и ВВС и рисовали положение ничуть не в лучшем свете. Отрывок же, посвященный Балтийскому флоту, стоит процитировать полностью: «В деле боевой подготовки КБФ имеется ряд недочетов. В работе штаба наблюдается неорганизованность и излишняя суета, нет должного оперативного взаимодействия между отделами штаба флота. Оперативным отделом штаба флота при разработке десантной операции было выработано большое количество вариантов, и ни один из них глубоко продуман не был. Поставленная перед стрелковой бригадой особого назначения задача по десантной операции менялась три раза. Первый отдел штаба (оперативный. – *Б. С.*) самостоятельно с разработкой необходимых операций не справился, поэтому в помощь для выполнения этой работы было привлечено большое количество командного состава флота, преподаватели академии и даже коменданты транспортов. Вокруг операции ведется много телефонных и устных переговоров. Комнату, где сконцентрированы все оперативные документы и разработки, посещают много посторонних лиц.

Командование Кронштадтского укрепленного района посвятило уже командиров и комиссаров дивизионов о планах их дислокации на островах в Финском заливе.

Все это привело к тому, что о предстоящей операции знает не только почти весь командный состав флота, но слухи о них (операциях. – *Б. С.*) проникли даже в среду гражданского населения.

Разведывательный отдел штаба флота работает плохо.

Подготовка транспортов для десантной операции проходит без достаточного руководства со стороны штаба флота и без наблюдения опытных специалистов. Транспорты оборудуются крайне медленно и к тому же с большими переделками. Изготовленные трапы для спуска транспортируемой тяжеловесной материальной части оказались негодными и их пришлось переделывать.

Неорганизованность в работе наблюдается и в некоторых штабах соединений флота. Начальник штаба эскадры, капитан 1 ранга Челпанов, докладывая командующему флота о готовности артиллерии, не знал даже точных данных о количестве и марках снарядов, необходимых для новых миноносцев.

Артиллерийская подготовка флота находится не на должной высоте. Крейсер «Киров» ни одну из зачетных стрельб из главного калибра не выполнил. Новые миноносцы и лидеры зачетных стрельб не выполнили, а старые эсминцы, которые в предстоящей операции будут осуществлять десантные задачи, – огневой подготовки, в течение всей летней кампании не проходили и использовались только лишь как обеспечивающие корабли.

Новую материальную часть артиллерии личный состав, в том числе командиры боевых частей, знают плохо. Установленные на новых кораблях пушки К-34 76 мм и крупнокалиберные пулеметы ДК еще не опробованы.

На «Якобинце» при проверке знаний материальной части оказалось, что личный состав не может даже самостоятельно зарядить пушку К-21. На некоторых кораблях и береговых частях нет таблиц стрельб. Форт «Краснофлотский», на который возложены весьма ответственные задачи, таблицы сверхдальних стрельб для 12-дюймового калибра получил только лишь 16 ноября.

Не все корабли имеют пристрелянные пулеметы. Сторожевой корабль «Вихрь», получив ответственное задание, вышел с непристрелянными пулеметами и всего лишь на 30 % обеспеченный спасательными поясами. На сторожевом корабле «Пурга» вышел из строя компрессор, а в связи с этим вышли из строя и торпедные аппараты, что на 50 % снизило боеспособность корабля».

Берия хорошо понимал, что войска к вторжению в Финляндию не готовы. Лаврентий Павлович не нес никакой ответственности за подготовку армии и флота к войне. Поэтому он мог позволить себе очень откровенную критику. Берия прекрасно понимал, что эти и другие недостатки за сутки, оставшиеся до начала боевых действий, никак не исправишь. Если штабы не умеют толком спланировать операцию, а артиллеристы – зарядить орудия, если отсутствуют таблицы для стрельбы и не пристреляны пулеметы, если разведка работает плохо, а приготовления к наступлению не удастся сохранить в тайне, значит, войска, которым завтра предстоит перейти финскую границу, потерпят серьезные неудачи и не смогут добиться быстрой победы. Похоже, глава НКВД писал письмо Ворошилову с прицелом на будущее, чтобы потом, когда будут искать виновных за неизбежные военные неудачи, продемонстрировать Сталину свою прозорливость: смотрите, я же предупреждал, что мы к войне не готовы. Но многомудрый Лаврентий Павлович также отлично понимал, что Сталин не будет пересматривать уже принятое решение о нападении на Финляндию. И закончил письмо Ворошилову на оптимистической ноте: «Настроение личного состава Балтийского флота в связи с предстоящей операцией боевое. Краснофлотцы и начсостав выражают свою готовность в любую минуту выполнить приказ правительства и встать на защиту Советского Союза».

В период Великой Отечественной войны роль НКВД в экономике еще больше возросла. В 1941–1944 годы на долю ведомства Берии пришлось почти 15 % всего капитального строительства. Зэки построили 612 полевых и 230 постоянных аэродромов, авиационные заводы в районе Куйбышева, авиазавод в Омске, 3 доменных печи с годовой мощностью почти в 1 млн т чугуна, 16 мартеновских и электроплавильных печей, выпускавших в год до полумиллиона тонн стали, прокатные станы на 542 тыс. т стали, ввели в строй десятки шахт и разрезов, где в год добывали до 7 млн т угля (рубил уголек те же зэки), 10 компрессорных станций для нефтяной промышленности, завод нитроглицериновых порохов и многое, многое другое. На предприятиях НКВД за тот же период было добыто 315 т золота, 9 млн т угля, 6 млн т черновой меди, 407 тыс. т нефти, 1 млн т хромовой руды, произведено 30 млн мин, выработано 90 млн куб. м леса и дров. Сталин был доволен успехами НКВД на экономическом фронте, и это стало одной из главных причин перевода Берии вскоре после окончания войны на хозяйственную работу. Сбылось то, о чем Лаврентий Павлович мечтал еще в начале 20-х. Вот только отрасль предстояло курировать Лаврентию Павловичу весьма специфическую – проектирование и производство атомной и водородной бомб. Для строительства атомных объектов планировалось широко использовать ГУЛАГ, а для ускорения научно-технических разработок – добыть с помощью разведки американские и английские атомные секреты. Берия имел опыт и в том, и в другом, да еще какое-никакое, но техническое образование. Поэтому выбор пал на него.

Сыграло свою роль и то, что Лаврентий Павлович создал в системе ГУЛАГа сеть научно-исследовательских учреждений – так называемых «шарашек», где над проектами оборонного значения трудились ученые-заключенные. Часто их и арестовывали только затем, чтобы посадить работать в «шарашке» над темами, интересующими военное и карательное ведомства. Там трудились, в частности, знаменитые конструкторы А.Н. Туполев и С.П. Королев. Одному из сотрудников «шарашки», итальянскому авиаконструктору графу Роберту Оросу ди Бартини, неосмотрительно приехавшему в 20-е годы в СССР строить социализм, а теперь доказывавшему, что ни в чем не виноват, Лаврентий Павлович с веселым цинизмом ответил: «Конечно, знаю, что ты не виноват. Был бы виноват – расстреляли бы. А так: самолет – в воздух, а ты –

Сталинскую премию и на свободу». И Бартини действительно повезло. В 1946 году его освободили (правда, Сталинской премии не дали). Граф надолго пережил Берия. Бартини реабилитировали в 1956 году. А умер он в Москве в 1974 году, достигнув почтенного возраста в 77 лет и будучи награжден орденом Ленина.

В августе 1940 года Берия преподнес Сталину большой подарок – организовал убийство его злейшего врага Троцкого. А к крупному провалу советской разведки, не сумевшей узнать о плане германского нападения на СССР, Лаврентий Павлович, строго говоря, прямого отношения не имел. С января 1941 года разведка была передана в ведение нового Наркомата государственной безопасности СССР, который возглавил В.Н. Меркулов. Он, хотя и был протеже Лаврентия Павловича, но звезд с неба не хватал. Тогда же, 30 января 1941 года, Берии было присвоено звание генерального комиссара госбезопасности, эквивалентное маршальскому званию в армии, а с февраля 1941-го он стал заместителем председателя Совнаркома, курирующим органы безопасности и военную промышленность.

5 марта 1940 года Политбюро приняло решение о расстреле пленных польских офицеров и интернированных гражданских лиц польской национальности из числа интеллигенции и имущих классов – почти 22 тысячи человек, в том числе более 14,5 тыс. офицеров. В апреле и первой половине мая его осуществили органы НКВД. По утверждению Серго Берии, его отец на заседании Политбюро выступил против казни поляков: «Свою позицию... он объяснял так: «Война неизбежна. Польский офицерский корпус – потенциальный союзник в борьбе с Гитлером. Так или иначе, мы войдем в Польшу, и конечно же польская армия должна оказаться в будущей войне на нашей стороне». Реакцию партийной верхушки предположить нетрудно – отец за строптивость едва не лишился должности... Но и это не заставило отца подписать смертный приговор польским офицерам».

На решении о расстреле поляков подписи Берии нет – он был лишь кандидатом в члены Политбюро и не имел права решающего голоса. Предложение НКВД о расстреле поляков Лаврентием Павловичем подписано. Однако такое предложение наверняка оформлялось задним числом, уже после того, как политическое руководство приняло принципиальное решение. Невозможно представить себе, чтобы Берия уговаривал Сталина: «Иосиф, давай расстреляем этих проклятых поляков!» А Сталин бы отнекивался: «Нет, Лаврентий, еще не время». Вопрос-то был политический, и решал его Сталин, а не Берия. Инициатива в таком деле могла стоять главе НКВД жизни. Пример Ежова был перед глазами. К тому же еще в феврале 1940 года он предлагал решением Особого совещания отправить пленных польских офицеров в лагерь в восточной части СССР сроком на 8 лет. А заявление Берии с предложением расстрелять поляков – это все равно как заявление любого человека с просьбой о приеме на работу. Человека зачисляют в штат не потому, что он пишет это заявление. Наоборот, это заявление он пишет уже после того, как руководство учреждения принимает решение принять его на работу.

На постановлении от 5 марта 1940 года стоят подписи членов Политбюро, но есть одно примечательное исправление: в составе тройки, которая должна была проштамповать смертные приговоры полякам, первоначально стоявшая в машинописном тексте фамилия Берии вычеркнута и чернилами вписана фамилия Б.З. Кобулова. Это можно расценить как доказательство того, что предложение за подписью главы НКВД составлялось не им и уже после принятия Политбюро принципиального решения. Вероятно, это решение было сначала принято руководящей четверкой в составе Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна, чьи подписи стоят на документе. Отсутствующих Калинина и Кагановича опросили потом по телефону, и они тоже высказались «за». Не стал бы сам Лаврентий Павлович предлагать самого себя в состав тройки, чтобы потом самого же себя и вычеркивать. Вероятнее всего, текст предложения о применении к полякам высшей меры печатали не сотрудники Берии, а секретарь Сталина А.Н. Поскребышев. Думаю, что Берия действительно был против казни поляков и мог попросить Сталина, чтобы его имя было вычеркнуто из числа тех, от лица которых формально будут

вынесены смертные приговоры. Принимая во внимание относительный либерализм Берии в бытность его во главе Грузинского ГПУ и его послевоенную позицию относительно объединения Германии в единое буржуазно-демократическое государство, рассказ Серго о возражениях отца против расстрела поляков представляется вполне правдоподобным.

Между прочим, то, что Берия был против расстрела польских офицеров, доказывается материалами расследования катынского преступления специальной комиссией американского сената, изданными в Вашингтоне в 1952 году. Выписку из этих материалов Руденко представил Маленкову 18 июля 1953 года. Она представляет собой допрос сенатором Махровичем анонимного свидетеля, одного из уцелевших польских офицеров из Козельского лагеря:

«Махрович: В первую очередь скажите, кто такой Берия.

А.: Берия является министром внутренней полиции.

Махрович: Он является министром НКВД. Правильно ли это?

А.: Да.

Махрович: Это внутренняя полиция?

А.: Да.

Махрович: Теперь он является вице-премьером России?

А.: Да.

Махрович: Вы не присутствовали при этом разговоре?

А.: Нет, я не присутствовал.

Махрович: Знаете ли вы, когда он происходил?

А.: Это было за несколько дней до моего разговора.

Махрович: Таким образом, в октябре 1940 года?

А.: После 10 октября 1940 года.

Махрович: Знаете ли вы, кто участвовал в разговоре с Берия?

А.: Да, я знаю.

Махрович: Кто они?

А.: Подполковник Берлинг, полковник Горжинский, подполковник Букаенский и подполковник Горчинский...

Подполковник Горчинский рассказал мне об этих беседах, когда он возвратился вечером...

Мы постучали в дверь и были пропущены из наших камер в ванную комнату. Мы уселись в ванной комнате, и он рассказал мне в этот вечер о своей беседе с Берия...

Махрович: Расскажите нам точно, что он вам передал относительно разговора с Берия.

А.: Он сказал, что в разговоре было предложено сформировать бронетанковую дивизию. Берия сказал, что он хочет сформировать бронированный кулак. Берлинг поинтересовался: «Откуда мы возьмем офицеров? Я хотел бы получить своих офицеров из Старобольска и Козельска». Об Осташкове речи не было, потому что в Осташкове были в первую очередь пограничная полиция и охрана. На это Берия ответил, разумеется по-русски, что «мы совершили большую ошибку». И он повторил это дважды: «Мы совершили большую ошибку», «мы совершили большую ошибку».

В других выписках из материалов американской комиссии, предоставленных Руденко Маленкову, приводились показания одного из свидетелей, запотоколированные в 1943 году командованием польской армии Андерса: «...Когда я упомянул в разговоре с комиссаром Берией о большом числе наших первоклассных офицеров из лагерей в Старобельске и Козельске, он ответил: «Составьте список их, однако многих из них больше там нет, потому что «мы допустили большую ошибку».

Во время второго разговора с комиссаром Меркуловым последний еще раз подтвердил содержание указанного комиссаром Берией.

Соответствует подлиннику. Военный штаб, 14 мая 1943 г.

(Печать польского военного командования)».

Выписка из стенограммы допроса полковника американской армии Генри И. Шиманского, произведенного конгрессменом Махровичем.

«Махрович: Вы, возможно, найдете запись беседы с Берия, главой НКВД.

Митчелл: Приложение V к вещественному доказательству 10а содержит запись беседы, на которую вы ссылаетесь. Она находится в части доклада, датированной 6 мая 1943 года.

Махрович: Имеете ли вы запись беседы генерала Берия, в которой он упоминает об ошибке, которую они допустили?

Шиманский: Да.

Махрович: Мне бы хотелось, чтобы вы зачитали ее. Скажите, генерал Берия был генералом, возглавлявшим НКВД, не так ли?

Шиманский: Правильно.

Махрович: Эта беседа произошла когда?

Шиманский: До октября 1940 года.

Махрович: Кто присутствовал на беседе?

Шиманский: На беседе присутствовали Горжинский, бывший подполковник Букоемский и бывший подполковник Зигмунд Берлинг.

Махрович: Кто передал вам запись этой беседы?

Шиманский: Она была взята из одного документа, а генерал Андерс дал мне заверенную копию.

Махрович: Зачитайте, пожалуйста, заявление Берия, сделанное тогда.

Шиманский (читает): «...Согласно письменным заявлениям, находившимся у полковника Горжинского, Берия, когда его спросили о судьбе польских военнопленных офицеров, заявил следующее: «Мы допустили большую ошибку».

Махрович: Это было заявлением генерала Берия, когда его спросили о судьбе польских офицеров?

Шиманский: Да, сэр.

Махрович: Он сказал: «Мы допустили большую ошибку»?

Шиманский: Да, сэр».

«Это мнение Берия было подтверждено народным комиссаром госбезопасности Меркуловым, согласно дальнейшему высказыванию Берия о том, что вышеуказанных офицеров больше не существует. Отсюда вытекает, что с офицерами, интернированными в Козельск и Старобельск, что-то произошло даже до октября 1940 года».

Руденко специально указал: «В МИД СССР хранятся как английский текст, так и русский перевод материалов американской комиссии».

Очевидно, сожаление о том, что расстреляли польских офицеров, Лаврентию Павловичу инкриминировать не решились, поскольку то, что Катень – советское преступление, Москва официально категорически отрицала. Возможно, в какой-то момент у Маленкова, Хрущева и Руденко была идея списать Катень на Берия, но, во-первых, в мире бы никто не поверил, что Берия расстрелял польских офицеров без ведома Сталина. А во-вторых, из свидетельств уцелевших поляков ясно следовало, что Берия признавал расстрел в Катени ошибкой, причем не своей, а нашей, т. е. всего советского руководства.

Кстати сказать, встреча с польскими офицерами осенью 1940 года упоминается в переписке Берии со Сталиным по поводу формирования 238-й польской дивизии, о которой мы скажем ниже.

Какая причина заставила Сталина внезапно отказаться от плана депортации польских офицеров в Сибирь и на Дальний Восток и отдать предпочтение «жесткому варианту» – их скорейшему уничтожению? Судя по ряду признаков, Иосиф Виссарионович еще летом 1940 года

планировал напасть на Германию. В этом случае Англия и польское правительство в изгнании, располагавшееся в Лондоне, становились союзниками СССР. Польских офицеров пришлось бы освободить из лагерей и передавать в распоряжение польского правительства в Лондоне для формирования новой польской армии. Однако подавляющее большинство этих офицеров не питали симпатий ни к Советскому Союзу, ни к коммунизму. Оказавшаяся под их командованием армия была бы лояльна лондонскому правительству, а не Сталину. Сталину же нужна была послушная Польша под контролем полностью зависимого от СССР коммунистического правительства. Поэтому он решил пленных офицеров тайно казнить.

Уже 27 февраля 1940 года в директивах Красной Армии и Флоту в качестве единственного вероятного противника были названы Германия и ее союзники. А ведь в эти дни еще продолжалась советско-финская война, и Англия и Франция всерьез рассматривали отправку крупного экспедиционного корпуса на помощь финнам. Однако не их, а Германию Сталин считал своим главным противником. И неслучайно уже через неделю после решения Политбюро был заключен мир с Финляндией, а освободившиеся войска ускоренным порядком перебрасывались к западным границам. Срок демобилизации призванных из запаса на войну с Финляндией был отодвинут до 1 июля 1940 года. НКВД же успело расстрелять практически всех поляков к моменту начала большого германского наступления на Западе 10 мая 1940 года. Сталин рассчитывал, что вермахт увязнет на линии Мажино, и тогда, через полтора-два месяца активных боевых действий на германо-французском фронте, Красная Армия ударит немцам в тыл, прикрытый лишь десятком второочередных дивизий. Однако Франция окончательно рухнула уже в середине июня, а сам исход кампании не вызывал больших сомнений уже в конце мая. В этих условиях Сталин не рискнул начать наступление, решив лучше подготовиться к войне со столь грозным противником.

Характерно, что Сталин, безжалостно расправляясь с польскими офицерами и интеллигенцией, делал это в глубокой тайне, а публично стремился продемонстрировать иностранным наблюдателям уважение к польской культуре и заботу о польском национальном меньшинстве в СССР. Поэтому в Львовский обком КП(б)У его главе Гришуку, а также Хрущеву и Бурмистренко 3 июля 1940 года ушла грозная сталинская шифрограмма: «До ЦК ВКП(б) дошли сведения, что органы власти во Львове допускают перегибы в отношении польского населения, не оказывают помощи польским беженцам, стесняют польский язык, не принимают поляков на работу, ввиду чего поляки вынуждены выдавать себя за украинцев и тому подобное. Особенно неправильно ведут себя органы милиции. ЦК ВКП(б) предлагает вам за вашей личной ответственностью незамедлительно ликвидировать эти и подобные им перегибы и принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися. Советую вам созвать небольшое совещание из лучших польских людей, узнать у них о жалобах на перегибы, записать эти жалобы и потом учесть их при выработке мер улучшения отношений с поляками».

По всей вероятности, в первый момент у Хрущева при чтении этих строк волосы дыбом встали. Как же, только что «лучших польских людей» стреляли под Харьковом, в Катыни и Медном, а тут вдруг изволь налаживай с ними отношения, созывай какое-то там совещание. Правда, совещание это, как сразу, наверное, понял опытный Никита Сергеевич, «для мебели» – чтобы в газетах можно было напечатать.

Бросается в глаза, что, упирая в шифровке на «неправильное» поведение милиции, Сталин адресовал ее не Берии, которому милиционеры непосредственно подчинялись, а только партийным руководителям. Не исключено, что сам Лаврентий Павлович и поставил Иосифа Виссарионовича в известность о «перегибах» в отношении поляков в западных областях Украины. Кроме того, Сталин понимал, что на местах органы НКВД следуют в первую очередь директивам местных партийных вождей, если они, разумеется, не противоречат указаниям Москвы и центрального аппарата НКВД. А поляки и в 20-е, и в 30-е годы числились если уж

не поголовно врагами, то нацией, безусловно, подозрительной, среди которой полным-полно шпионов, диверсантов и потенциальных перебежчиков. Так что во Львове органы внутренних дел взялись за преследование поляков с большим энтузиазмом, и потребовался окрик Сталина, чтобы умерить их рвение.

Если же в данном случае сталинский гнев обрушился на Хрущева по наводке Берии, или если Хрущев пришел именно к такому выводу, то это был лишний повод для Никиты Сергеевича зайти обиду на главу НКВД.

Лаврентию Павловичу еще в середине октября 1940 года Сталин поручил подыскать среди уцелевших польских военнопленных тех, кто выразил бы готовность воевать с Гитлером в союзе с СССР даже без санкции польского правительства в Лондоне. Тогда же он поручил Лаврентию Павловичу предпринять меры по созданию в СССР формирований из чехов и словаков во главе с полковником Людвиком Свободой. Уже 2 ноября 1940 года Берия докладывал, что удалось отобрать группу «правильно политически мыслящих» офицеров, которые видели будущую Польшу тесно связанной «в той или иной форме с Советским Союзом». «Благонадежным» полякам предлагалось «предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии». Такую дивизию Берия рекомендовал начать формировать «в одном из совхозов на юго-востоке СССР», в Казахстане.

4 июня 1941 года Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля 238-й стрелковой дивизии Красной Армии, «укомплектованной личным составом польской национальности и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной Армии». Сформировать дивизию помешала начавшаяся не вовремя война.

Польская дивизия могла понадобиться Сталину лишь для одной цели – войны против Германии. Создавать подобную дивизию загодя не было никакого смысла. Хлопот с ней было больше, чем с обычной дивизией Красной Армии – нужны были особые уставы на польском языке и польская военная форма. По боеспособности же она была бы хуже большинства советских дивизий. Ведь перед «зимней войной» точно так же был сформирован финский корпус Красной Армии, но толку от него было чуть. «Красные финны» сражались из рук вон плохо, часто обращались в бегство, и от их использования на передовой пришлось отказаться. Не было оснований думать, что «красные поляки», у которых польскими зачастую были только фамилии, будут сражаться лучше. Польская дивизия нужна была Сталину не для боев, а для парада в освобожденной от немцев Варшаве. Она стала бы опорой просоветского правительства Польши. Эту роль в 1945 году действительно сыграли сформированные в СССР две армии Войска Польского, но в 1941 году после первых неудач Красной Армии вопрос о формировании польской дивизии сразу же отпал.

Были предприняты и дальнейшие шаги для организации диверсионных групп из числа солдат и офицеров чехословацкого легиона Людвика Свободы. В конце апреля 1941 года в Москву прибыла миссия чехословацкого эмигрантского правительства во главе с полковником Г. Пикой. Как сообщает в мемуарах Свобода, удалось достичь договоренности о подготовке десанта парашютистов, проведении акций саботажа и сборе разведывательной информации, причем «те, кто должен был обеспечивать «движение» по нелегальным путям с родины, прибыли в назначенное место... за пять-шесть дней до начала гитлеровской агрессии против СССР». Точно так же немцы за несколько дней до начала вторжения засылали в СССР диверсантов и разведчиков из числа местных уроженцев.

Первоначально советское вторжение в Германию планировалось на июнь 1941 года. Любопытно, что Сталин при этом был твердо уверен, что Германия в 1941 году не собирается нападать на СССР, а Гитлер, в свою очередь, не ожидал начала советского наступления раньше 1943 года. В германских штабах не знали, что на мартовском плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе заместитель начальника Генштаба Н.Ф. Ватутин

оставил резолюцию: «Наступление начать 12.6». В середине мая был окончательно разработан план превентивного удара. Наступление предполагалось вести на юго-западном направлении в направлении на Катовицы, где 152 советских дивизии по замыслу Тимошенко и Жукова должны были разбить 100 немецких и нанести противнику решительное поражение уже на 30-й день операции. Затем советские войска должны были повернуть на север и, выйдя к Балтике, окружить все германские силы в Польше и Восточной Пруссии. Тогда бы путь в Западную Европу был открыт.

Красная Армия на Западе имела в 3,5 раза больше танков и в 5,5 раза больше боевых самолетов. Правда, качество подготовки личного состава сводило на нет в реальной действительности это превосходство, но ни советские генералы, ни Сталин тогда этого не осознавали. Было и другое неприятное для советского руководства обстоятельство. Главная группировка вермахта была не на юго-западе, как предполагал Генштаб Красной Армии, а в центре, и удар 152 советских дивизий пришелся бы не по 100, а всего лишь по 30 германским дивизиям. При этом ударная советская группировка подверглась бы мощному контрудару во фланг, который нанесла бы наиболее сильная германская группа армий «Центр». Низкая подготовка советских летчиков и танкистов, острая нехватка средств связи, слабое взаимодействие разных родов войск гарантировали, что и в случае, если бы Красная Армия упредила вермахт и нанесла удар первой, она все равно потерпела бы тяжелое поражение.

Германский план «Барбаросса», предусматривавший наступление на всех трех стратегических направлениях, в большей мере был застрахован от ошибок разведки в определении дислокации советских войск. Если бы, скажем, основная группировка Красной Армии располагалась не на юго-западном, а на центральном направлении, это обстоятельство замедлило бы продвижение группы армий «Центр», но зато группа армий «Юг» наступала бы в гораздо более высоком темпе, чем это произошло в действительности. И тогда Сталин, возможно, расстрелял бы не Павлова, а Кирпоноса. Вот и вся разница.

Уже в середине мая 1941 года, когда был окончательно готов план превентивного удара, стало ясно, что из-за того, что еще не было завершено сосредоточение войск, начать наступление 12 июня, как первоначально планировалось, не удастся. Поэтому, как показывают сроки передислокации войск и завершения формирования польской дивизии, вторжение в Западную Европу было перенесено на июль. При этом точной даты начала операции, по всей вероятности, так и не было установлено, поскольку она зависела от срока завершения сосредоточения сил и средств. Можно предположить, что, как и перед нападением на Финляндию, точный день начала наступления Сталин вообще не собирался фиксировать ни в одном документе, а хотел отдать соответствующий приказ устно, по телефону.

Как свидетельствует тогдашний нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов в опубликованной в 1966 году книге мемуаров «Накануне», «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах». Поэтому советский вожь бесстрашно готовился броситься в пучину войны с самой сильной в тот момент армией Европы. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что придется отступить до Москвы и Сталинграда.

Есть у Николая Герасимова и еще одна значимая проговорка в посмертно опубликованной книге «Крутые повороты». Кузнецов упоминает, что Жуков, после своего назначения в феврале 1941 года начальником Генштаба, но еще до начала Великой Отечественной войны, проявлял «прохладное отношение к флоту», поскольку, «в то время сравнительно еще малочисленный по составу флот (пока не была реализована «большая программа») не вызывал особого интереса у Сталина на случай скорой войны, и это, видимо, слышал и знал Жуков». Зна-

чит, Иосиф Виссарионович уже в феврале 1941-го думал о скорой войне, но к отражению германского нападения не готовился.

Берия, в отличие от Сталина, как мы уже убедились на примере финской войны, весьма скептически оценивал боеспособность советских вооруженных сил. Он был в курсе советских планов нападения на Германию. Еще 6 мая 1940 года во время ужина в узком кругу охраны в присутствии Берии Сталин заявил: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!» Я думаю, Лаврентий Павлович высказывал Сталину серьезные сомнения, что советский блицкриг против Германии завершится успехом, и в действительности придется вести тяжелую затяжную войну. Возможно, именно из-за этого скептицизма при реорганизации органов госбезопасности в начале февраля 1941 года Управление особых отделов, занимавшееся оперативно-чекистской и контрразведывательной работой в Красной Армии, было передано из НКВД в состав Наркомата обороны. 30 января 1941 года Берии было присвоено звание Генерального комиссара государственной безопасности, что соответствовало армейскому маршалу. 3 февраля 1941 года он был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и в этом качестве стал курировать работу НКВД и НКГБ, а также наркоматов лесной и нефтяной промышленности, цветных металлов и речного флота. Во всех перечисленных промышленных наркоматах велика была доля подневольного труда заключенных.

Сталин готовился стать Верховным главнокомандующим, чтобы предводительствовать коротким и победоносным, как он думал, походом в Западную Европу. На это время Иосиф Виссарионович собирался взять под плотный личный контроль Красную Армию и работавшие там органы безопасности, дабы гарантировать себя от малейших бонапартистских проявлений. Да и оставлять в руках Берии или его ставленника Меркулова особые отделы, значение которых чрезвычайно возрастало в условиях победоносной войны, Сталин не хотел. Наверное, он уже тогда опасался давать слишком много власти молодому и амбициозному наркому, зарекомендовавшему себя человеком дела и неплохим администратором.

Война с Германией в первые два года обернулась для Красной Армии не победами, а по большей части тяжкими поражениями. В этот период появления нового Бонапарта можно было не опасаться. Борьба же с Германией не на жизнь, а на смерть требовала концентрации всех карательных и контрразведывательных органов в одних руках. Ведь успех борьбы в решающей степени зависел от прочности как фронта, так и тыла, и необходимо было объединить действия чекистов в армии и среди гражданского населения. Вот когда весной 1943 года, после Сталинграда, исход войны уже определился, Иосиф Виссарионович вернулся к схеме первой половины 1941 года и вернул особые отделы, переименованные в военную контрразведку Смерш («смерть шпионам»), в состав Наркомата обороны, который сам же и возглавлял. Во главе Управления особых отделов, а потом Смерша стоял вполне бесцветный и не отмеченный никакими заметными талантами В.С. Абакумов, что Сталина до поры до времени вполне устраивало. Виктор Семенович выдвинулся при Берии благодаря элементарному подхалимажу. Когда Лаврентий Павлович вскоре после своего назначения на пост наркома выступал на собрании сотрудников центрального аппарата, Абакумов подсуетился и установил на сцене портрет нового шефа. Берия заметил расторопного чекиста и назначил его главой УНКВД Ростовской области. Позднее Абакумов стал заместителем наркома внутренних дел, а в июле 1941-го возглавил Управление особых отделов. В дальнейшем он был приближен Сталиным и после войны стал уже соперником Берии в борьбе за контроль над органами госбезопасности.

Великая Отечественная: на фронте, на Лубянке и на Урале

Через месяц после начала войны, 20 июля 1941 года, НКГБ был вновь слит с НКВД, в который также вошли Особые отделы армии и флота, перед войной числившиеся в наркоматах обороны и ВМФ. Во главе НКВД остался Берия. Он также был назначен членом Государственного Комитета Обороны, а с 16 мая 1944 года стал заместителем председателя ГКО. Лаврентий Павлович курировал в этом качестве оборонную промышленность. 30 сентября 1943 года за успехи в области производства вооружения и боеприпасов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Надо признать, что энергия Лаврентия Павловича немало способствовала тому, что Красная Армия имела в избытке танки и самолеты, мины и снаряды. Хотя и здесь не обошлось без приписок, и есть основания подозревать, что на бумаге производство некоторых видов вооружений могло быть завышено в полтора-два раза.

В первые месяцы войны Лаврентию Павловичу пришлось также заниматься дипломатией, что 22 года спустя на следствии ему поставили в вину, инкриминировав ни больше ни меньше как попытку сговора с Гитлером. А как было на самом деле? 7 августа 1953 года бывший руководитель операции по убийству Троцкого П.А. Судоплатов писал из тюрьмы в Совет Министров СССР: «...Примерно числа 25–27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Берия.

Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановить наступление немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен.

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР;

Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны;

Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек;

Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовым я вел не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырех вопросов...

Берия... строжайше предупредил меня, что об этом поручении Советского правительства я нигде, никому и никогда не должен говорить, иначе я и моя семья будут уничтожены. Берия дал указание проследить по линии дешифровальной службы, в каком виде Стаменов пошлет сообщение по этим вопросам за границу.

Со Стаменовым у меня была договоренность, позволявшая вызвать его на встречу. На другой день, в соответствии с полученными от Берия указаниями, я позвонил в болгарское посольство, попросил к аппарату Стаменова и условился с ним о встрече у зала Чайковского на площади Маяковского. Встретив Стаменова, я пригласил его в машину и увез в ресторан «Арагви».

В «Арагви», как это было предусмотрено инструкциями Берия, состоялся мой разговор со Стаменовым. Разговор начался по существу создавшейся к тому времени военной и политической обстановки. Я расспрашивал Стаменова об отношении болгар к вторжению немцев в СССР, о возможной позиции в этой связи Франции, Англии и США и в процессе беседы, когда мы коснулись темы вероломного нарушения немцами пакта о ненападении... я поставил перед Стаменовым указанные выше четыре вопроса.

Все, что я говорил, Стаменов слушал внимательно, но своего мнения по поводу этих четырех вопросов не высказывал. Стаменов старался держать себя как человек, убежденный в поражении Германии в этой войне. Быстрому продвижению немцев в первые дни войны он большого значения не придавал. Основные его высказывания сводились к тому, что силы СССР безусловно превосходят силы Германии и, что если даже немцы займут в первое время значительные территории СССР и, может быть, даже дойдут до Волги, Германия все равно в дальнейшем потерпит поражение и будет разбита.

После встречи со Стаменовым я немедленно, в тот же вечер, доложил о ее результатах бывшему тогда Наркому Берия в его служебном кабинете в здании НКВД СССР. Во время моего доклада Берия сделал какие-то записи в своей записной книжке, затем вызвал при мне машину и, сказав дежурному, что едет в ЦК, уехал.

Больше я со Стаменовым на темы, затронутые в четырех вопросах, не беседовал и вообще с ним больше не встречался. Некоторое время продолжалось наблюдение за шифрованной перепиской Стаменова. Результатов это не дало. Однако это не исключает, что Стаменов мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени еще не участвовали в войне.

Больше никаких указаний, связанных с этим делом или с использованием Стаменова, я не получал. Встречался ли лично Берия со Стаменовым, мне неизвестно. Мне организация подобной встречи не поручалась».

Мы сегодня тоже не можем с уверенностью сказать, имела ли встреча Судоплатова со Стаменовым какие-либо последствия. В своих мемуарах Судоплатов утверждал, будто болгарский посол был завербованным агентом НКВД, однако процитированное выше письмо 1953 года заставляет в этом усомниться. Ведь там Павел Анатольевич ни разу прямо не называет болгарского посла советским агентом. Скорее всего, Судоплатов в мемуарах несколько преувеличил успехи своего ведомства и зачислил русофила Стаменова в настоящие агенты. Тайну же советских мирных предложений Гитлеру в первые недели войны, равно как тайну несостоявшегося нападения Сталина на Германию, мог бы прояснить личный архив Иосифа Виссарионовича. Но, как видно, архив этот основательно почистили его преемники. Даже в папке направлявшихся Сталину сообщений ТАСС – лакуна, приходящаяся на период с 14 апреля по 13 ноября 1941 года. Выходит, даже тассовские сообщения, на полях которых могли остаться красноречивые и саморазоблачительные резолюции, по всей вероятности, просто уничтожили. Если бы документы этого периода не уничтожили, а выделили в отдельную, особо секретную единицу хранения, то вряд ли бы оставили в том же самом досье документы конца 1941 и 1942 года.

Приходилось Лаврентию Павловичу заниматься и чисто военными вопросами. Правда, Берия, хоть и получил после войны высокое звание Маршала Советского Союза, почти не выступал в роли полководца. Единственное исключение – его участие в битве за Кавказ в 1942–1943 годах в качестве представителя Ставки. Но орден Суворова 1-й степени, высшую полководческую награду, Берия получил в 1944 году не за это, а за «образцовое выполнение специального задания правительства» – организацию депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар и других народов Северного Кавказа и Крыма.

Вместе с тем ряд советов Лаврентия Павловича по военным делам Сталин порой охотно принимал. Наверное, он запомнил, что именно Берия в самый канун финской войны преду-

прежде всего о плохом состоянии Красной Армии. Вскоре после 22 июня 1941 года Берия предложил назначить командующими стратегическими направлениями героев Гражданской войны Ворошилова и Буденного. При этом никаких иллюзий насчет их полководческих качеств глава НКВД не питал. Берия прекрасно знал, как показал себя Ворошилов в войне с Финляндией. А Буденного год спустя во время битвы за Кавказ Лаврентий Павлович, как мы убедимся, очень резко критиковал. Но назначение хорошо известных народу руководителей Первой конной на высокие посты преследовало прежде всего моральные цели, должно было укрепить в людях веру в победу, в то, что, как и в Гражданскую, Красная Армия одолеет всех врагов. К тому же сами по себе стратегические направления в системе управления войсками представляли собой больше декоративные конструкции, не имевшие реальных рычагов воздействия на ход событий. Все решала Ставка во главе со Сталиным и более молодые командующие фронтами. Потом многие из них, такие как Жуков, Рокоссовский, Конев, Василевский, стали маршалами, Героями Советского Союза, были объявлены главными творцами стратегических решений, обеспечивших успех в битве с коварным врагом. Имя Берии же в связи с войной в положительном контексте не упоминалось никогда. Словно Лаврентий Павлович только тем и занимался в 1941–1945 годах, что сажал и расстреливал невинных и депортировал «наказанные народы». А ведь все названные маршалы, по утверждению Серго Берии, были совсем не в плохих отношениях с его отцом. Рокоссовский вообще мог испытывать благодарность к Лаврентию Павловичу хотя бы за то, что тот освободил его из тюрьмы. Конечно, делалось все по решению Сталина, но и к исполнителю столь важного для своей дальнейшей судьбы решения Константин Константинович мог испытывать добрые чувства.

Маршала же Жукова, по уверению самого Берии, он просто спас в конце июля 1941-го, когда после поражения под Смоленском Сталин собирался поступить с Георгием Константиновичем, занимавшим пост начальника Генштаба, весьма сурово. И только просьбы Берии, Маленкова и Молотова побудили Сталина ограничиться удалением Жукова из Генштаба и назначением его командующим Резервным фронтом. Это все Лаврентий Павлович писал в письме тем же Маленкову и Молотову уже после ареста, и врать ему в данном вопросе не было никакого смысла.

Берию традиционно обвиняют в жестокости. Вот и в войну приписывают ему одни злодеяния. Но посмотрим, а каковы были, например, советские маршалы, считающиеся положительными героями войны. В наших учебниках истории маршал Георгий Жуков предстает главным архитектором Великой Победы, действовавшим часто вопреки мнению Сталина. Он изображен как герой-страдалец, подвергшийся после войны незаслуженной опале со стороны того же Сталина и Хрущева. Да, он был суров, все делал ради народа, ради победы. И достоин вечной памяти и памятников на центральных улицах главных российских городов.

Я хочу процитировать только один документ, который безнадежно губит репутацию «народного маршала» и делает кощунственным всякое его прославление. Это – письмо начальника Главного политического управления Рабоче-крестьянского военно-морского флота армейского комиссара 2 ранга Ивана Рогова секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Георгию Маленкову, датированное 5 октября 1941 года: «Начальник Политического управления Балтфлота издал 28.9.41 г. директиву за № 110/с, в которой указывает: «Разъяснить всему личному составу кораблей и частей, что все семьи краснофлотцев, красноармейцев и командиров, перешедших на сторону врага, сдавшихся в плен врагу, будут немедленно расстреливаться, как семьи предателей и изменников Родины, а также будут расстреливаться и все перебежчики, сдавшиеся в плен врагу, по их возвращении из плена».

Я немедленно запросил ПУБалт, на основании каких указаний издана директива, противоречащая указаниям приказа Ставки Верховного Командования Красной Армии № 270.

Член Военсовета КБФ т. СМИРНОВ и начальник ПУ КБФ т. ЛЕБЕДЕВ в своей телеграмме от 4.10.41 г. сообщают, что директива № 110/с составлена на основе шифрограммы командующего Ленинградским фронтом т. Жукова за № 4976, в которой сказано:

«Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны».

Народному комиссару ВМФ т. КУЗНЕЦОВУ и мне неизвестно, что п. 2 приказа Ставки № 270 изменен.

Считаю, что шифрограмма № 4976 командования Ленинградского фронта противоречит указаниям приказа № 27 °Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии».

Напомню, что драконовский приказ № 270 от 16 августа 1941 года предусматривал только лишение семей попавших в плен красноармейцев государственного пособия и помощи. Жуков же готов был расстреливать даже грудных младенцев – только так можно понимать слова о расстреле всех членов семьи. Политуправление Балтфлота даже не решилось буквально воспроизвести жуковский текст и смягчило его, указав, что после возвращения из плена расстрелу подлежат лишь перебежчики. Сталин, лично продиктовавший приказ № 270, в сравнении с Георгием Константиновичем выглядит истинным человеколюбом. А уж Лаврентию Павловичу Георгий Константинович мог бы вообще дать большую фору. Берия хоть без нужды людей не губил.

Я не знаю, успели ли кого-нибудь расстрелять по зловещему приказу № 4976 за те несколько дней, что Жуков командовал Ленинградским фронтом, до срочного вызова в Москву после немецкого прорыва под Вязьмой. В прифронтовой полосе семьи пленных, по счастью, вряд ли сыскали за столь короткий срок. А вот десяток-другой красноармейцев, заподозренных в том, что они побывали в плену, расстрелять вполне могли.

Маленков ознакомился с письмом 8 октября, вскоре после катастрофы под Вязьмой, где были окружены силы трех фронтов. Никакой письменной реакции Георгия Максимилиановича пока не найдено. Не исключено, что в дни, когда члены Политбюро ломали голову над вопросом, удержим ли Москву, а Жуков с его чрезвычайной жестокостью казался им последней надеждой на спасение, никаких мер взыскания за людоедский приказ к нему применять не стали. Может быть, Маленков лишь пожурил тезку: не следует, мол, впредь превышать свои полномочия.

И после своего людоедского приказа Георгий Константинович без тени смущения, блестяще сыграв искреннее возмущение, говорил в 1956 году, уже после XX съезда, Константину Симонову: «У нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: «Каждый, кто попал в плен, – предатель Родины» – и обосновывал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей было замучено немцами в плену, умерло от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в сорок первом или сорок втором, не лишили себя жизни... Трусые, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая все-таки остановила и разбила немцев. Что же, они были другими людьми, чем те, которые потом вошли в Берлин? Были из другого теста, хуже, трусливей? Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате всех постигавших нас в начале войны катастроф?..»

И на самом деле толку от драконовских приказов, типа сталинского и жуковского, было чуть. После приказа № 270 последовали грандиозные котлы под Киевом и Вязьмой, в каждом из которых были пленены по 660 тыс. красноармейцев, после шифрограммы № 4976 было харьковское окружение с 240 тыс. пленных, и два окружения в районе Ленинграда – 2-й удар-

ной армии весной и осенью 1942 года, в ходе которых были захвачены десятки тысяч пленных. Число красноармейцев, попавших в плен, определялось конкретной оперативной обстановкой, а отнюдь не масштабом и суровостью репрессий за сдачу в плен. Угрозы расправиться с семьей скорее могли побудить солдат к дезертирству. Кто потом установит, пропал ли он без вести или сдался в плен!

Странно убеждать нас, будто Жуков не просто верующий, но и человек, живший по христианским заповедям. Когда настоятель Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл писал дочери Жукова Марии об ее отце: «Чувствуется, что душа его христианская... Печать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни», то не знал о том, что маршал готов был истреблять даже грудных младенцев. Жукову нельзя ставить памятники, тем более сравнивать его подвиги с подвигами Святого Георгия. Если мы хотим сохранить в наших детях хоть какое-то нравственное начало, то в учебниках истории этот персонаж должен стоять не в одном ряду с Суворовым и Кутузовым, а рядом со Сталиным и Ежовым, Абакумовым и Берией. Разве что Лаврентий Павлович, который в Бога все-таки верил, детей расстреливать не призывал.

Публикация мной расстрельного приказа маршала Жукова в номере «Известий» от 29 сентября 2000 года вызвала ряд интересных откликов читателей, доказывающих, что отношение к красноармейцам на протяжении всей войны оставалось в духе этого приказа, действовавшего не более десяти дней. В частности, инвалид войны из деревни Лужки Тверской области Павел Соловьев утверждает: «Сегодня, через 55 лет мы обязаны здраво осмыслить все, что было. Мне было 17 лет, когда я попал на фронт. Около года я был на переднем крае этой войны, где смерть ежесекундно висела над головой и человеческая жизнь не стоила ломаного гроша. Это была гигантская мясорубка, перемалывающая миллионы человеческих жизней. Причем надо признать установленный факт, что немцев погибло около пяти миллионов, а наших в пять раз больше». Он приводит случай из собственного боевого опыта на Курской дуге: «Мы стояли в обороне. Ночью со стороны противника слышался гул моторов, который становился все громче. Пополз слух, что это немецкие танки. И действительно, только рассвело, показались танки. Это было первое появление немецких «тигров». Они медленно приближались, стреляя на ходу. Позади танков шли автоматчики. У нас на огневой, как назло, не оказалось бронебойных снарядов, были только осколочные. Командир приказал мне сбегать в тыл и поторопить доставку. Я сломя голову без оружия и пилотки побежал выполнять приказание. Тут я заметил, что по всему полю, пятясь, отступает пехота. Среди отступающих я заметил капитана, который матерясь пытался остановить солдат. Причем он расстреливал каждого, к кому подбегал. Я бежал прямо на него. В этой ситуации я не мог объяснить причину, зачем я бегу и куда. Он подбежал ко мне: «Где твое оружие, сволочь?» и в упор выстрелил в меня. Пуля просвистела над ухом. Я упал на землю и с ужасом ждал контрольного выстрела. Но капитан был уже далеко от меня. Он расстреливал каждого, к кому подбегал. Я поднялся и побежал на передовую в свой расчет. Снаряды нам подвезли. Мы отбили танковую атаку, потеряв 2/3 своего батальона. После боя меня бил озноб. Смерть тебя ждала не только впереди, но и сзади. О войне написано много. Но вся правда еще не написана. Для меня правдиво о войне писали только писатели Вячеслав Кондратьев, Василь Быков да еще Виктор Астафьев».

В свете этого свидетельства можно предположить, что шифрограмма № 4976 за те десять дней, что действовала, успела претвориться в жизнь. Как и приказ № 270, она призвана была запугать бойцов и командиров, но без реального претворения в жизнь угроза действует слабо. До семей пленных, конечно, добраться не успели, а вот расстрелять несколько десятков красноармейцев, обвиненных в том, что побывали в плену, вполне могли.

С. Афонский из города Кстово Нижегородской области резонно замечает: «Приказ есть приказ... Исполнять нужно именно его, а не комментарии к нему».

Расстрелы заложников за те или иные «преступления» против Советской власти применялись... сразу же после октября 1917 года. Создатель Красной Армии Троцкий специальным

приказом ввел «заградительные отряды», назначение которых было в том, чтобы стоять позади атакующих подразделений и расстреливать из пулеметов отступающих...

Мне довелось работать с бывшим моряком Черноморского флота, капитан-лейтенантом, участвовавшим в высадке десанта на Малую Землю. Он рассказывал, что позади крейсеров с десантниками шли цепью катера заградотряда для того, чтобы расстреливать тех, кто вздумает повернуть вспять. Рассказывал он это в конце 60-х годов...

В 1945 году в Германии я сам видел на одной из железнодорожных станций эшелон из «телячьих» вагонов. Двери и окна их были наглухо заперты. День был жаркий, и от вагонов несло тяжелым зловонием. Сквозь доски пола лилась моча. Из вагонов слышались женские крики, плач, просьбы. Вдоль вагонов ходили часовые с примкнутыми штыками, никого близко к эшелону не подпуская. На вопросы не отвечали, как им и положено. Но их все-таки спрашивали настойчиво: «Кто в вагонах?» Кричали-то по-русски! Один часовой не выдержал: «Это немецкие шлюхи». Вот как: сначала отдали до Москвы Россию, а затем объявили шлюхами тех, кого фашисты увезли в Германию...

Известно, что Советский Союз, Россия понесли в Великой Отечественной войне гораздо большие человеческие потери, чем Германия. Счет их – на миллионы. Почему? Ведь в 1941 году немцы наступали, а согласно военной науке наступающие несут потери в три раза больше, чем обороняющиеся. Потом Красная Армия наступала, но тогда потери в живой силе были бы примерно равны...

Все вышеприведенные факты я назвал для того, чтобы показать: для приказа... Жукова были «исторические предпосылки», и практика его подтверждала.

Но пусть даже, допустим, его угрозы не осуществлялись: ни семьи пленных не расстреливали, ни самих пленных красноармейцев. И хорошо, если это осталось просто угрозой. Но во всяком случае она говорит о том, что даже наш самый великий советский полководец, самый талантливый и самый опытный, и умный, и т. д. ставку делал не на верность советского солдата родной коммунистической партии, не родному и любимому И.В. Сталину. Он даже не верил в его мужество и любовь к Родине. Он верил в страх солдата перед этой самой партией, которая в самом деле могла расстрелять и его самого, и его семью за то, что сама же поставила его в безвыходное положение. Или не воспитала в нем желания ценой собственной жизни защищать ее и свою социалистическую страну...

Ни осуждать, ни защищать Г.К. Жукова не собираюсь и не могу. Для этого нужно иметь достоверные и неопровержимые факты. У нас есть один главный и неоспоримый факт – Победа над фашистской Германией. Факт этот состоит из множества других фактов, из сложного переплетения взаимоотношений солдат и тех, кто ими руководил. Руководил как умел, имея свои плюсы и минусы, свое величие и ничтожество. Распоряжение расстреливать семьи сдавшихся врагу не делает ему чести. Но оно не делает чести и тем, кто вынудил его принять такое решение. Войска отступают. Почти бегут. Многие сдаются в плен. 3 миллиона пленных красноармейцев. Их надо остановить. Сейчас же. Чем? Да хоть чем угодно – даже страхом, большим, чем страх личной смерти, страх за своих родных – за их жизнь. При этом упор делался не на то, что их могут уничтожить захватчики, а на том, что их убьют свои же!»

Преподаватель кафедры истории Казанской государственной архитектурно-строительной академии полковник в отставке, участник войны с трагического октября 1941-го Петр Павлович Лебедев считает, что подлинность жуковской шифрограммы не вызывает особых сомнений не только потому, что публикация снабжена необходимыми архивными атрибутами, но главным образом потому, что хорошо вписывается в постоянно повторяющиеся требования беспощадно и в массовом порядке расправляться со своими же бойцами, поведение которых в бою не соответствует тому, какого ожидает от них «маршал победы». И Павел Петрович приводит другие примеры ничем не оправданной жуковской жестокости: «Известно письмо довоенного руководителя советского писательства В. Ставского, сигнализировавшего Сталину

о «перегибах» в 24 армии фронта Жукова, когда за короткий срок было расстреляно до 600 человек «дезертиров и предателей» и лишь 80 человек представлено к правительственным наградам... И происходило это в период вроде бы успешной Ельнинской наступательной операции фронта. А вот пример «творческого осмысления» знаменитого приказа Сталина № 227, введившего на фронтах заградительные отряды, опытом которого Жуков делится с верховным командованием в своем донесении о первых результатах тоже наступательной Ржевско-Вяземской операции, которой (правда, без большого успеха, но при огромных потерях) руководил сам «творец всех побед»:

«Для предупреждения отставания(!) отдельных произведений и для борьбы с трусами и паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке(!) следовали особо назначенные военными советами армий командиры. В итоге всех принятых мер войска 31 и 20 армий успешно прорвали оборону противника». А в сталинском приказе, между прочим, говорится о другом предназначении этих отрядов. Впрочем, человеколюбивый вождь вряд ли упрекнул своего инициативного любимца, так же как, думается, вполне одобрил и творческое толкование приказа № 270 годом раньше. Знакомство с приказами Жукова, свидетельства очевидцев его «полководческой» деятельности позволяют сделать вывод, что речь идет не о перегибах, не об эмоциональных срывах в критической ситуации, что хотя бы можно понять, а об особых приемах руководства войсками, которые можно было бы назвать террористическими. Вот требования только одного из многих подобного рода приказов Жукова, относящихся к Московскому сражению 1941 года:

«Безжалостно расстреливать виновных, не останавливаясь перед полным уничтожением всех бросивших фронт». Так как отступающих тогда под натиском мощного противника были десятки тысяч, а получить разрешение на отход от фронта и армии, да еще в письменной форме (как того требует Жуков в другом своем приказе) было немыслимо, то требование «полного уничтожения» своих же войск по существу могло означать открытие второго фронта уже за спиной отчаянно сражающихся с врагом своих же войск. И это «настоящий полководец и настоящий генерал», как считает Георгий Владимов, автор очень хорошей книги о войне и полководцах!

По моему мнению, Георгий Жуков обладал многими качествами выдающегося военачальника: железной волей, высокими организаторскими способностями, личным мужеством, но полководцем, да еще выдающимся, не был, особенно в нашем традиционном русском понимании.

Еще раз это проявилось уже после войны, когда он был министром обороны. Все, кому довелось служить тогда на командных должностях, должны помнить жестокие, безжалостные расправы, сопровождаемые унижениями человеческого достоинства подчиненных, которые на личном примере культивировал «народный полководец». Расстреливать без суда он уже не мог, но скольким достойным людям поломал судьбу... Взять хотя бы судьбу выдающегося флотоводца Н. Кузнецова.

В конечном счете эти методы руководства войсками оказались малоэффективными даже с чисто прагматической стороны и нередко приводили к противоположному результату. Страх перед бессудными расстрелами вел к увеличению числа перебежчиков, для которых гитлеровский плен становился единственным спасением. Найденный в архивах документ, по моему мнению, вовсе не сенсация. Воспринимается же он как сенсация потому, что история войны загромождена всякого рода мифами, на охране которых стойко и агрессивно сражаются новоявленные цензоры... Свободные граждане свободной России... не нуждаются в мифах. Не нужны они и для «патриотического воспитания», ибо нет особой «патриотической воспитательной» истории. Ценность истории, как и любой науки, в стремлении к обретению истины. В этом и ее воспитательный, патриотический потенциал. Равно вредны и «чернуха» и «белуха», если они служат интересам отдельных лиц или политической ситуации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.